

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных
исследований им. В. И. Абаева – филиал Федерального
государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научного центра «Владикавказский научный центр
Российской академии наук»

ГЕНЕАЛОГИЯ НАРОДОВ КAVKAZA

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XI

Владикавказ 2019

ББК 63.214(531)

*Печатается по решению
Ученого совета СОИГСИ ВНЦ РАН*

Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Выпуск XI: сборник статей. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. – 362 с.

ISBN 978-5-91480-308-4

Редакционная коллегия:

***И. Т. Марзоев**, доктор исторических наук
М. И. Баразбиев, кандидат исторических наук
Р. М. Абрамян, кандидат педагогических наук
К. Р. Дзалаева, кандидат исторических наук
Н. Г. Джавахишвили, доктор исторических наук*

*В оформлении обложки использовано фото А. Букулова –
башня Тага и Курта в Куртатинском ущелье Северной Осетии*

ISBN 978-5-91480-308-4

ББК 63.214(531)

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019

© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕНЕАЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СЕМЕЙ

АБАЕВА М. Ш.

ТАУБИИ АБАЕВЫ В ИСТОРИИ БАЛКАРСКОГО
ОБЩЕСТВА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА..... 7

АЛИЕВ К. М.

ИСТОРИЯ РОДА ШЕЙХ-АЛИ (ШЕЙХ-АЛИЕВЫХ)
В СВЕТЕ НОВЫХ МАТЕРИАЛОВ И СВЕДЕНИЙ 16

ГУСЕЙНОВ Г.-Р. А.-К.

К ИСТОРИИ РОДА ЧАНКОВ ГУСЕЙНОВЫХ
ПО ДАННЫМ НЕКОТОРЫХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ
И ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ. 49

Звонок С. О.

К ВОПРОСУ О ЗАСЕЛЕНИИ КУБАНИ
В ЭПОХУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 57

КОЛЕСОВ В. И.

ГЕНЕАЛОГИЯ ЧЕРКЕСОГАЕВ БАРОНОВЫХ:
СЕТЕВО-АКТОРНЫЕ СВЯЗИ ЧЕРКЕССКИХ АРМЯН И
ГОРСКИХ ГРЕКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
В СЕРЕДИНЕ XIX В..... 70

МАТВЕЕВ О. В.

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ АРГАТОВЫХ 82

КАВКАЗОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**БЕРДИЕВ З. П.**

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ–ОСЕТИНЫ – ЛИШЕНЦЫ
КАРАЧАЕВСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ
20-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х ГОДОВ XX ВЕКА 96

ГАРСАЕВ Л. М., ГАПУРОВ Ш. А., ГАРАСАЕВ Х. -А. М.

О РОЛИ ЧЕЧЕНЦЕВ-МУХАДЖИРОВ
В ФОРМИРОВАНИИ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ В ИОРДАНИИ
(по полевым материалам) 106

ИДРИСОВ Ю. М., ХАНМУРЗАЕВ И. И.

ЭРПЕЛИНСКИЕ КАРАЧИБЕКИ: СОЦИАЛЬНЫЕ
ФУНКЦИИ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ИСТОРИЯ..... 117

ИСАЕВ С. Х.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИНГУШСКОГО
НАРОДА В СВЕТЕ ДАННЫХ ФОЛЬКЛОРА,
ГЕНЕАЛОГИИ И ГЕНЕТИКИ..... 126

КАСИМИ С. А.

О МУЗЫКЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ КАВКАЗА 131

ПАРАСТАЕВА Э. С.

ДРЕВНИЙ ОККУЛЬТНЫЙ КАМЕНЬ «ЦЫКУРАЙЫ ФÆРДЫГ»:
ДЕТИ КВАРЦА И ПРОКЛЯТЫЕ КВАРЦЕМ 141

ПОЛЧАЕВА Ф. А.

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ПОВЫШЕНИЯ ПРЕСТИЖА
ДИНАСТИЙ (НА ПРИМЕРЕ МЕЖДИНАСТИЧЕСКИХ
БРАКОВ И УДРЕВНЕНИЯ ИСТОРИИ)..... 151

ТЕЗИЕВА М. Х.

К ВОПРОСУ О РОДОВЫХ ГЕРБАХ ОСЕТИНСКОЙ
АРИСТОКРАТИИ 157

ХАПИЗОВ Ш. М.

ХРОНИКА АЛИМЧУЛАЛ КАК ИСТОЧНИК ПО ГЕНЕАЛОГИИ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ДАГЕСТАНА..... 161

ЦАГАРАЕВ М. А.

О НОВЫХ ИМЕНАХ В ИСТОРИИ ЦАРСТВЕННОГО ДОМА
СРЕДНЕВЕКОЙ АЛАНИИ..... 179

ДЗАГАЛОВ А. С.

ПОПЫТКА «УМИРОТВОРЕНИЯ» ЧЕЧНИ В
ВОСПОМИНАНИЯХ КНЯЗЯ Д. И. СВЯТОПОЛК–МИРСКОГО
(по материалам ЦГИАК Украины в Киеве) 186

БИОГРАФИИ**ДУХАЕВ А. И.**

РААСУ ГОЙТУКАЕВ – ЛЕТОПИСЕЦ XIX ВЕКА..... 196

КИРЕЕВ Ф. С...... 214

ПЕДАГОГ, ИСТОРИК, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ –
ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ТКАЧЕВ 214

КУЛИЕВ М. Р.

ГЕНЕРАЛ ИСМАИЛ-ХАН НАХИЧЕВАНСКИЙ
(посвящается 200-летию со дня рождения)..... 223

МАЛКАРОВА Н. О.

ИЗ ИСТОРИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ.
ДЕЛО № 3201 232

МАРЗОЕВ И. Т.

ЖИЗНЬ И СЛУЖБА АЛЕКСАНДРА КАНУКОВА 241

БИБЛИОГРАФИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

АБРАМЯН Р. М.

ИЗДАНИЯ ПО ГЕНЕАЛОГИИ ЕВРЕЕВ КАВКАЗА
(НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ) 252

ДЖАВАХИШВИЛИ Н. Г.

В ПАМЯТЬ ЮРИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ЧИКОВАНИ 255

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 259

ГЕНЕАЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СЕМЕЙ

М. Ш. Аббаева
(г. Пятигорск, Россия)

ТАУБИИ АБАЕВЫ В ИСТОРИИ БАЛКАРСКОГО ОБЩЕСТВА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Представители рода Аббаевых сыграли значительную роль в истории Балкарского общества. Представители этого рода появились в Балкарском обществе вследствие прихода на его территорию их легендарного предка Басията. По данным моего отца, ныне почившего Шамиля Аббаева, о чем он слышал от старших, Басият и Баделят были сыновьями хана Золотой орды Джанибека. После смерти Джанибека, вследствие обострившейся борьбы за власть, братьям пришлось выселиться из города Маджар, являвшегося столицей Золотой Орды (ныне г. Буденновск, Ставропольского края). Они с большим, вооруженным огнестрельным оружием отрядом, вместе со своими близкими и слугами покинули Маджар. Направлялись они к родственникам матери в Дигору. По дороге, отдыхая у Голубых озер, Басият увидел в Черке щепки, и сделав вывод о том, что вверх по течению реки живут люди, послал туда своего узденя Мысаку с частью отряда для их завоевания. Сам же продолжил путь в Дигорию. По дороге, в горах при переходе р. Урух, младший брат Баделят, опасаясь за жизнь старшего Басията, по причине весеннего половодья, посадил его на мула, так как мул крепче и лучше стоит на ногах, чем лошадь, а сам поехал

на лошади. Дигорцы, же никогда не видевшие лошадь, оказали больше уважения младшему брату. На этой почве у Басията и Баделята случился конфликт. После него Басият вернулся обратно в Маджар. Мысака, же завоевав жителей Черекского ущелья, поехал за своим господином, находящимся в Маджарах и пригласил его переселиться на новое место жительства в Черекское ущелье. На что Басият согласился. Однако в Черекском ущелье у Голубых озер Мысака, уже не желая оставаться на новом месте узденем при Басияте, сказал ему: «Сен да мен да тенг болдук» (в переводе с балк. «Теперь мы равны»). На это Басият согласился. После этого потомки Мысаки на равне с потомкам Басията стали считаться князьями. У Басията родилось четверо сыновей Абай, Шахан, Джанхот и Айдабол. Они стали родоначальниками четырех княжеских фамилий – Абаевых, Шахановых, Джанхотовых и Айдаболовых [1].

Мои непосредственные предки жили в пос. Кюннм Балкарского общества. Наше генеалогическое древо мы можем проследить до 6 колена. Моего отца звали Шамиль, его отца Абдул Мажид, отца Абдул Мажида Гергок (Кургоко), отца Гергока Али-Мырза, отца Али-Мырзы звали Магомет-Мирза, отца Магомет-Мирзы – Магомет-хан.

Мой дед Абдул Мажид был образованным человеком. Он закончил Владикавказское реальное училище. Абдул Мажид являлся инженером по строительству горных дорог. Им были построены дороги в Азербайджане и Грузии. Его брат Джанхот был предпринимателем и владел лесопилкой. Другой брат Асламбек добровольцем ушел на фронт в первую мировую войну, где без вести пропал. Младший брат Сафар умер молодым, от отравления.

Их отец Гергок (Кургоко) Абаев – офицер царской армии был уважаемым человеком в обществе. Он в качестве дорожного доверенного участвовал в строительстве колесной дороги из Балкарского общества на плоскость, по ущелью Зылгы-Тар в 1883–1893 гг. Он был одним из участников подписания контракта на строительство данной дороги с владикавказским купцом Х. П. Муратановым [2, л. 180]. Впоследствии им было принято решение

переехать из Балкарского общества на плоскость. Для этого им было куплено 8 дес. удобной земли у кабардинских уорков Кожковых в сел. Нижняя Жемтала. При переезде он предложил всем желающим из родственников и близких знакомых по поселку переехать вместе с ним. На это дали согласие 45 семей. Каждой из этих семей им были выделены за свой счет участки земли для постройки домов. В последующем потомки этих семей составили ту часть балкарцев, которые во время выселения балкарцев, для того чтобы не попасть в него, были переписаны за одну ночь кабардинцами председателем сельского совета сел. Нижняя Жемтала Омаром Сосрановым, предупрежденном об этом за день до этого трагического дня произошедшего 8 марта 1944 года (по данным его дочери информатора из сел. Кенже 75-летней Фатимы Сосрановой) [3].

По словам информатора из сел. Кенже 84-летней Кулижан Казаковой, которая слышала об этом от своей матери, семья которой жила по соседству с семьей моего прадеда Гергока Абаева, их дом в селении Нижняя Жемтала являлся постоянным местом сбора интеллигенции того времени [4].

Одним из самых ярких представителей рода Абаевых был зачинатель балкарской историографии, первый балкарский историк, публицист, просветитель и общественно-политический деятель Мисост Абаев. Он был автором многих статей по истории, этнографии и культуре народов Северного Кавказа. В них им был выдвинут целый ряд прогрессивных для своего времени просветительских идей.

Мисост Абаев родился 5 апреля 1857 года в селении Шканы Балкарского участка Кабардинского округа. По данным моего отца Шамиля Абаева, когда его отец Кучук, желая переехать в Турцию и продав все свое имущество, внезапно скончался, Мисоста и его брата Идриса взял под опеку мой прадедушка офицер Гергок Абаев. Он устроил Мисоста в Нальчикскую окружную горскую школу, а его брата Идриса в семинарию. Впоследствии Идрис стал муллой в поселке Кашхатау, открыв в нем медресе при мечети. Мисост обучался в Нальчикской окружной горской школе в течение трех лет. В 13 лет также с помощью моего пра-

дедушки он поступил в первую Владикавказскую реальную гимназию, переименованную в 1873 г. в реальное училище. В гимназии Мисосту особенно удавалось изучение истории и языков [5, лл. 42–43]. Однако, окончить полный курс реального училища он не смог, так как вследствие участия в народническом кружке был вынужден уехать из Владикавказа. После возвращения на родину Мисост вступил в Кабардино-Кумыкский конно-иррегулярный полк, в составе которого принял участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. За проявленную храбрость во время военных действий русско-турецкой войны он приказом от 14 мая 1877 года был награжден орденом св. Георгия 4-й степени (Георгиевский крест). 25 июля 1877 года Мисост был назначен адъютантом генерал-лейтенанта М. Т. Лорис-Меликова. 20 февраля 1878 года за проявленное отличие во время боевых действий он был произведен в корнеты – первый офицерский чин в кавалерии.

После окончания русско-турецкой войны Мисост возвратился на родину. Поступив на гражданскую службу, в июне 1881 года он был назначен старшиной Балкарского общества. Будучи старшиной, Мисост принимал участие в подготовке строительства колесной дороги из Балкарского общества на плоскость. При нем 23 декабря 1883 года жителями Балкарского общества в составе 320 человек был составлен общественный приговор о начале разработки весной 1884 года данной дороги. По условиям приговора строительство собирались осуществить с помощью 500 рабочих, которые должны были быть на довольствии общества и 500 руб. сер. также должны были собранными со всего общества [6, с. 98].

В 1885 году Мисост поступил на работу в Нальчикское окружное полицейское управление на должность переводчика. Он проработал там до 1886 года. С 1887 года он работал переводчиком Владикавказского окружного суда. Со 2 декабря 1891 по 17 ноября 1892 гг. Мисост являлся командиром сотни Терской постоянной милиции.

2 ноября 1892 года он был назначен на должность начальника участка Екатеринодарского отдела Кубанской области, а спустя некоторое время – начальника Хумаринского участка Баталпашинского отдела той же области. В декабре 1896 года он перевел-

ся на работу в Нальчикский округ. Он был назначен начальником 1 участка Нальчикского округа. В первый участок входили селения Хасаутское, Кармово (Каменноостское), Ашабово (Малка), Атажукино III (Куба), Бабуково, Лафишево (Псыхурей), Коново (Куркужин), Тамбиево II (Алтуд), Касаево (Баксаненок), Кучмазукино (Старая Крепость), Тамбиево I (Кызбурун III), Тыжево (Кишпек), Наурузово (Кызбурун II), Атажукино I (Заюково), Атажукино II (Кызбурун I) с общим числом дворов 4437 [7, л. 2 об.].

Вскоре Мисост был назначен начальником 2-го участка Нальчикского округа. Во 2-й участок тогда входили Балкарское, Хуламо-Безенгийское, Чегемское и Урусбиевское общества, а также сел. Гунделен в которых насчитывался 2151 двор. В этой должности он прослужил до 1905 г. Переехав в последующем в Кубанскую область, он работал в административно-судебных органах Баталпашинского отдела вплоть до революции 1917 года.

После установления Советской власти он жил в Нальчике. В 1927 году, после начала преследования властями, Мисост вместе с сыном был вынужден бежать в Дагестан в г. Буйнакск. Скончался Мисост в 1928 году в г. Буйнакске.

Мисост в силу различных обстоятельств работал во Владикавказе, Нальчике, Кубанской области. Постоянные перемещения по службе давали ему возможность познакомиться с жизнью и бытом различных народов Северного Кавказа. Им были изучены труды и архивные материалы, относящиеся к истории и этнографии, как родного ему балкарского народа, так и кабардинцев, черкесов, карачаевцев и осетин. Начиная с 80-х годов XIX века в газетах «Каспий», «Терские ведомости», «Казбек», «Кубанские областные ведомости», «Майкопский листок» и журнале «Мусульманин» им был опубликован ряд статей по истории, этнографии и культуре балкарцев, кабардинцев, черкесов и карачаевцев.

В газете «Каспий» в 1898 году им была напечатана историко-этнографическая заметка, посвященная бжедугам и шапсугам «Черкесы Екатеринодарского отдела Кубанской области». В десяти номерах этой же газеты была опубликована его работа «Горцы Нальчикского округа» по истории и этнографии Балкарии с древнейших времен до конца XIX века. В 1905 году в газете «Каспий»

были опубликованы статьи «Наделы осетин» и «Горские аграрные вопросы» посвященные вопросам землевладения горцев.

В этом же году им был опубликован ряд статей в газетах «Казбек» и «Терские ведомости» посвященные истории Балкарии и свободы Нальчик.

Некоторым вопросам развития нефтяной промышленности в России была посвящена его статья «В царстве нефти. Тогда и теперь» опубликованная в газете «Майский листок» в 1912 году.

Несколько статей опубликованных в газете «Мусульманин» в 1910–1911 гг. были посвящены культурному развитию горцев, появлению национальной интеллигенции в Кабарде, а также переселению горцев в Турцию.

В этом же журнале в 1911 году был опубликован самый важный труд Мисоста «Балкария. Исторический очерк». В его основу легли ранее вышедшие статьи «Горцы Нальчикского округа», «Наделы осетин» и «Горские аграрные вопросы». При написании очерка им были использованы разнообразные источники, как опубликованные, так и неопубликованные, памятники устного народного творчества балкарцев и собранные им самим полевые этнографические материалы. В своем труде он впервые в дореволюционной историографии попытался научно изложить основные вопросы истории и этнографии балкарцев с древнейших времен до конца XIX века.

Одной из важнейших тем публикаций Мисоста были проблемы просвещения. Первопричиной всех зол и бед он считал невежество, поэтому горячо отстаивал повсеместное распространение образования. Он пропагандировал широкое распространение образования не только среди своего народа, но и среди других народов Северного Кавказа, ратовал за тесное сближение горской и русской культур, за раскрепощение и равноправие женщин-горянок. Он постоянно писал о необходимости открытия начальных школ в аулах, сельскохозяйственных школ и училищ. Вопросы школьного образования в той или иной мере затрагивались почти во всех публикациях Мисоста.

Мисост состоял членом «Общества по распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа», куда

входили либерально настроенные интеллигенты Кабарды и Балкарии. «Общество» оказывало материальную помощь учащимся – кабардинцам и балкарцам, имело право открывать начальные школы, а также подготовительные курсы для поступления горцев в средние учебные заведения [8, л. 37].

Занимая ответственные посты в администрациях Терской и Кубанской областей, Мисост также оказывал большое содействие открытию школ и училищ в аулах Карачая, Черкессии, Адыгеи. Его статьи «Горцам Северного Кавказа», «Кабарда проснулась», «Открытие Панежукаевского училища», «О горских школах», опубликованные в газете «Кубанские областные ведомости», были непосредственно посвящены разъяснению роли школы в жизни народов Северного Кавказа.

Его взгляды на образование были реализованы им на примере своей собственной семьи. Мисост дал образование всем своим детям. Его дочери, также как и сын, получили образование и сыграли заметную роль в культурном развитии народов Северного Кавказа. Старшая дочь Софиат стала учительницей, работала в Нальчике. После установления Советской власти она являлась одним из организаторов женских артелей в Дагестане. В Дагестанском музее хранится снимок, на котором Софиат изображена с Кларой Цеткин. У нее было пятеро детей. Сын Умар Урусбиев окончил Московскую консерваторию, был в большой дружбе с композитором Шахболдяном; сын Далгат погиб в Великую отечественную войну под Севастополем; Фатима и Мадина – геологи, долгое время работали в Москве. Даута Урусбиева (по мужу Алмазова) была первой женщиной балкаркой, ставшей кандидатом сельскохозяйственных наук, работала в Москве и Дагестане.

Вторая дочь Мисоста Ляля с 1904 по 1936 год вела большую педагогическую работу в Карачае и Дагестане. Она часто выступала со статьями в газете «Красный Карачай», в которых часто освещала вопросы женского образования и борьбы с беспризорностью детей. Ляля Крымшамхалова жила в Нальчике. Ее сыновья Бекмурза и Мисост погибли в годы Великой Отечественной войны. Дочь Фаризат работала в Нальчике в культпросветучилище. Третий ее сын Хамзат Крымшамхалов был знаменитым скульпто-

ром, жил и работал в Нальчике, имел правительственные награды.

Третья дочь Мисоста Фатима была членом партии большевиков, окончила Коммунистический университет трудящихся Востока. Была на партийной работе в Баку, Ижевске и Москве. Ею в журнале «Мусульманин» была опубликована балкарская легенда «Как ференки покинули Кавказ».

Самая младшая дочь Жаннет была медсестрой. Она была замужем за известным инженером-изобретателем Владимиром Островским. Из четверых ее детей, трое жили и работали в Москве. Старший сын Исмаил погиб в годы Великой Отечественной войны.

Сын Мисоста Исмаил, окончив Киевский университет, получил специальность врача-бактериолога. Он участвовал в борьбе с эпидемией чумы в Сальских степях. Помимо врачебной деятельности он также писал статьи о медицине. В журнале «Мусульманин» в 1911 году была опубликована его статья под названием «Вопросы здоровья», в которой он подчеркивал, что «лучше предупреждать болезни, чем их лечить» [9. с. 19].

Он принимал участие в Первой мировой войне являясь главврачем санотряда на турецком фронте у города Эрзерум.

После установления Советской власти он был назначен заведующим сначала народной больницы, а затем медико-санитарного отдела Ревкома. За короткое время им был открыт ряд новых лечебных заведений в Нальчике, Балкарии, Баксане, а также расширены ранее существовавшие. Кроме того им была проведена значительная работа по ликвидации и предупреждению эпидемий заразных болезней. Он долгое время был членом Кабардино-Балкарского облисполкома, возглавлял отдел здравоохранения. На этом посту он также многое сделал для создания различных лечебных учреждений в Кабардино-Балкарии, а также для предупреждения эпидемий чумы, холеры и тифа.

Представители рода Абаевых всегда были неразрывно связаны с историей своей родины. В силу своего происхождения они всегда играли значительную роль в ее социально-политическом, экономическом и культурном развитии и своей деятельностью всегда пытались обеспечить ей лучшее будущее.

Литература:

1. Полевой этнографический материал. Сообщение информатора из с. Хасанья Абаева Ш. 1934 г.р.
2. Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее ЦГА КБР) Ф. И.–6, Оп. 1. Д. 33. Т. 1.
3. Полевой этнографический материал. Сообщение информатора из сел. Кенже Сосрановой Ф. 1944 г.р.
4. Полевой Этнографический материал. Сообщение информатора из сел. Кенже Кулижан Казаковой 1935 г.р.
5. Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее ЦГА РСО-Алания) Ф. 130. Оп. 1. Д. 54.
6. Темукуев Б. Б. Балкарская общественная колесная дорога. – Нальчик: издательство М. и В. Котляровых, 2008. – 672 с.
7. Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее ЦГА КБР) Ф. И.–6, Оп. 1. Д. 33. Т. 1.
8. ЦГА КБР Ф. И.–6, Оп. 1, д. 909.
9. Цит. по Азаматов К. Г. Хутуев К. И. Мисост Абаев: Общественно-политические взгляды. – Нальчик: Эльбрус, 1980. – 132 с.

К. М. Алиев
(г. Махачкала, Россия)

ИСТОРИЯ РОДА ШЕЙХ-АЛИ (ШЕЙХ-АЛИЕВЫХ) В СВЕТЕ НОВЫХ МАТЕРИАЛОВ И СВЕДЕНИЙ

История этого знаменитого кумыкского узденского (дворянского) рода, письменно зафиксированная в архивных документах, берет свое начало где-то в середине XVIII века, а неписьменная же традиция относит ее начало в глубокую старину. По фамильным преданиям, изложенным самим Главным приставом мусульманских народов Ставропольской губернии подполковником Девлет-Мирзой Шейх-Али (*он же Османов*) в письме, объясняющем происхождение своей родовой фамилии, корни рода возводит к предку, жившему в XVIII веке, бывшему в числе кумыкских аманатов в Терках и Кизляре. Так из исторических источников известно, что еще в 1763 году в Терках и Кизляре содержалось более 100 аманатов, «в отношении которых правительство распорядилось: «...учить грамоте российской и татарской» [1, 269, 271]. Среди таковых значится и аманат по имени Девлет-Мирза, к которому, скорее всего, восходят корни рода Шейх-Али. Однако более детальными генеалогическими сведениями по этому периоду мы не располагаем и поэтому историю рода полковников, генералов и их потомков, носивших знаменитую фамилию **Шейх-Али**, начинаем с мастера оружейных дел Махмуда (Магомеда) из Эндирея [2], в семье которого родились Девлет-Мирза Махмудович (Магомедович) Шейх-Али и его брат Махмуд Магомедович Шейх-Али.

1. Махмуд (Магомед), потомственный уздень из рода кумыкских гуенов, оружейных дел мастер из Эндирея. Жил в конце XVIII – первой трети XIX века.

2.1. Девлет-Мирза Махмудович Шейх-Али родился в 1811 г. в сел. Эндирей. Первоначальное образование Девлет-Мирза получил в Тифлисском благородном училище. На военную службу вступил в 1827 г. К этому же времени относится, как указывает ставропольский историк [3], его близкое знакомство с писателем декабристом А. Бестужевым-Марлинским. Последний оказывал молодому Девлет-Мирзе всяческие услуги в его стремлении познать русскую культуру и историю. Интересным представляется его послужной список [4, 131–141].

«27 марта 1830 г. Высочайшим приказом Д.-М. Шейх-Али был произведен в *прапорщики*. 25 марта 1833 г. приказом по Кавказскому корпусу (позднее армии) №101 произведен в *подпоручики*. В том же году Высочайшим приказом получил в числе других монаршее благоволение. 20 июня 1836 г. приказом по Кавказскому корпусу №40 награжден *орденом Св. Станислава 4-й степени*. 7 августа 1837 г. приказом по Кавказскому корпусу №89 награжден *орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»*. 21 сентября 1838 г. приказом по Кавказскому корпусу №108 награжден *орденом Св. Анны 3-й степени с бантом*. 15 января 1839 г. приказом по Кавказскому корпусу №10 произведен в *поручики*. 4 декабря 1839 г. приказом по Кавказскому корпусу №152 получил монаршее благоволение. 18 декабря 1839 г. приказом по Кавказскому корпусу №156 награжден единовременно 300 руб. ассигнациями. 17 февраля 1840 г. Высочайшим приказом произведен в *штабс-капитаны*. 30 июня 1841 г. приказом по Кавказскому корпусу №99 награжден единовременно 300 руб. серебром. 27 апреля 1843 г. приказом по Кавказскому корпусу №66 произведен в *капитаны* с производством жалованья по 135 руб. серебром в год. 9 июля 1844 г. приказом по Кавказскому корпусу №88 награжден единовременно 307 руб. серебром. 12 апреля 1845 г. приказом по Кавказскому и пехотному корпусам №8 награжден *орденом Св. Владимира*

4-й степени с бантом. 2 марта 1847 г. Высочайшим приказом произведен в *майоры*. 23 января 1849 г. награжден *орденом Св. Анны 2-й степени*. 20 января 1853 г. Высочайшим приказом произведен в подполковники. Жалованье получал по требованиям начальника Кумыкского окружного военного округа на основании Высочайшего повеления, объявленного в приказе по Кавказскому корпусу от 27 апреля 1843 г. № 60. На службе состоит по кавалерии. Жительство имеет в г. Кизляре».

Как видно из приведенного списка, Д.-М. Шейх-Али сделал успешную военную карьеру. С 1841 г. Д.-М. Шейх-Али служил письменным переводчиком при Генеральном штабе Левого фланга Кавказской линии в г. Ставрополе, что давало ему широкие возможности знакомиться и общаться со многими русскими знаменитостями на Кавказе. Так, Девлет-Мирза был хорошо знаком с братьями Бестужевыми-Марлинскими, М.Ю. Лермонтовым, М.В. Лобановым-Ростовским, Т. Макаровым, И. Адамовым, Д. Кодзоковым, А.-Г. Кешевым, П. Головинским. В эти же годы он наряду с Хасай-беком Уцмиевым, Шора Ногмовым, Касимом Курумовым, Юсуфом Клычевым, по поручению Канцелярии по управлению мирными горцами, занимается работой по собиранию и изучению адатов, обычаев кумыков и других народов, переводу книг по шариату на русский язык [5, 11]. Широко публикуется в различных кавказских изданиях, в том числе публикует и свой главный труд – историко-этнографический очерк **«Рассказ кумыка о кумыках»** в 1848 г. в газете «Кавказ». Появление этого очерка для того времени было примечательным явлением. Его смелые суждения об уровне общественного развития кавказских народов разрушали представления о примитивности их общественного строя [6, 143].

С 1853 г. служа Главным приставом магометанских народов (ногайцев, туркмен и др.) Ставропольской губернии и будучи «основательно знакомым с мусульманством вообще и нравами кочевых мусульман Ставропольской губернии в частности», Шейх-Али сделал очень много в деле обустройства и защиты их коренных прав, в изучении их культурного наследия [7]. Им была

переведена на русский язык песня «Кёр-оглу», записанная им у ставропольских туркмен.

Д.-М. Шейх-Али оставил службу в конце 60-х годов XIX в. В списке военно-служилых людей – пенсионеров Терской области 1863–66 гг. Девлет-Мирза Шихалиев обозначен в чине подполковника [8, 131–141].

Последние годы жизни главным образом провел в г. Кизляре, живя в собственном доме по улице Лорис-Меликова (ныне ул. Пролетарская, д. 10) и селении Аксай Кумыкского (Хасавюртовского) округа [9, 208], при этом до смертного часа своего, оставаясь «патриотом России и просвещенным ходатаем своего народа». Он откликался на те или иные события общественной жизни страны, Кавказа, войны и мира, в том числе и русско-турецкой войны 1877 года; в числе почетных жителей Кизляра обращался к царю Александру II с письмом по случаю победы русских войск и взятия ими крепости Карс [10, 130]. В эти же годы Д.-М. Шейх-Али полностью отдается работе по дальнейшему изучению истории, культуры, быта, а также правового наследия кумыков, ногайцев и туркмен Северного Кавказа, активно сотрудничает с газетами «Терские ведомости» и «Ставропольские губернские ведомости», публикует свои статьи «О правах наследства у кумыков» («Терские ведомости», № 37. 1875) и «Еще раз о правах наследства у кумыков» («Терские ведомости», № 43. 1875). А к 1879 г. Шейх-Али был составлен и в пяти номерах газеты «Ставропольские губернские ведомости» (1879, № 10–14) опубликован «Кодекс народных юридических обычаев кочевых мусульман Ставропольской губернии» [11, 5], который был тогда же достойно оценен как «первый опыт изучения обычного права инородцев».

Девлет-Мирза Шейх-Али принадлежит к замечательной плеяде деятелей Северного Кавказа, вышедших на историческое поприще в середине XIX в., благодаря воздействию передовой русской культурной среды, и стоит в одном ряду с такими корифеями культуры, как Султан Хан-Гирей, Султан Казы-Герей, Шора Ногмов, Д. Кодзоков и др.

По фамильным преданиям, Девлет-Мирза был женат на знатной особе из крымских татар Раузит Тохтаровой, отец которой был русским консулом в Китае. Их дети – Ибрагим Шейх-Али и Али Шейх-Али. Следует предположить, что у Девлет-Мирзы была и другая жена, от которой он имел сына Юсуф-бека.

Точной даты смерти Девлет-Мирзы Шейх-Али мы не знаем. Некоторые наши исследователи ошибочно полагали, что «умер он в глубокой старости – в начале XX века» и что «он был жив еще в 1908 году» [12, 5]. Но по архивным материалам и по газетным публикациям, которые здесь упоминаются, можем утверждать, что скончался он не ранее 1879-го не позднее 1880 г.

В потомстве у Девлет-Мирзы Шейх-Али были сыновья: Юсуф-бек (участник русско-турецкой войны 1877 г.), Али (генерал-майор, командир Башкирских войск в составе русской армии) и Ибрагим-бек (банковский работник). Умер в Кизляре (год смерти неустановлен), там же и похоронен. По словам внука Девлет-Мирзы – Данияля Шейх-Али, в его детстве в доме в Карлан-юрте (под Хасавюртом) имелся портрет Шейх-Али Девлет-Мирзы в военной форме, нарисованный маслом. В период Гражданской войны, когда город Хасавюрт и его округа переходили из рук в руки, портрет был похищен из дома и следы его не были найдены. К сожалению, не известна и судьба его богатейшей библиотеки восточных (арабо-язычных и тюрко-язычных) старинных рукописей, которые он собирал всю свою жизнь [13, 76]. Эту свою любовь он завещал и передал своим потомкам. По воспоминаниям его внука Даниял-бека Шейх-Али, в 60-е годы XX в. власти Дагестана будто бы намеревались увековечить память нашего первого профессионального ученого-этнографа присвоением его имени Институту истории, языка и литературы Дагестанского филиала РАН, но намерение это впоследствии не осуществилось.

3.1. Генерал-майор Махмуд Магомедович Шейх-Али.

Махмуд Магомедович Шихалиев (Шейхалиев или Шейх-Али) (1829 или 1835 год, кумыкский аул Андреево, Дагестан – приблизительно 1930 год, Башкирская АССР) – генерал-майор, участник Кавказской, Крымской и Русско-турецкой войны (1877–1878), общественный деятель, меценат.

*Генерал М. Шейх-Али
после ухода в отставку*

После обучения в Кадетском корпусе Высочайшим указом произведён в корнеты 7 августа 1851 года с зачислением в кавалерию. Приказом по гвардейскому корпусу прикомандирован к Владимирскому уланскому Е. И. В. Великого князя Михаила Николаевича полку. В период Крымской кампании (1855–1856), находясь в Камчатском пехотном полку, участвовал в боевых действиях против союзных войск в Крыму. С 1859 года в составе Дагестанского полка участвовал в боевых действиях в Аухе и Ич-

керии. Зандак, Аллерой, Шамхал-Берды, Самсан и многие аулы Чечни были освобождены от неприятелей в ходе этого боевого похода. В Дагестане отряд под его командованием сражался под Уллу-Калой, Чохом, Ирибом и при взятии штурмом Гуниба и пленении Шамиля. С 1860 по 1864 годы Махмуд Шейхалиев принимал участие в военных действиях на Западном Кавказе. В Русско-турецкую войну (1877–1878) Махмуд Шейх-Али в корпусе под начальством генерал-лейтенанта М. Т. Лорис-Меликова участвовал в боях на Кавказском фронте под Карсом и на Аладжинских высотах. Кубанский казачий полк, которым он командовал, участвовал в осаде и штурме военной крепости Карс.

Карьера. В 1851 году произведён в корнеты с зачислением по кавалерии. В 1860 году произведён в штабс-капитаны. В 1864 году произведён в майоры и утверждён командиром эскадрона. В 1887 году произведён в полковники, назначен в 1877 г. командиром Кубанского казачьего полка. В 1890 году произведён в генерал-майоры.

Награды. В 1861 году получил орден Святого Станислава III ст., за отличие против горцев. В 1864 году – орден Святой Анны III ст. с мечами и бантом, за отличие при покорении Западного

Кавказа. В 1866 году – орден Святого Станислава II ст., за отличие по службе. В 1866 году – орден Святого Станислава II ст. с короною, за отличие по службе. В 1875 году – орден Владимира IV ст. с бантом, для нехристиан установленный, за выслугу 25 лет в офицерских чинах. В 1877 году – орден Святой Анны II ст. с мечами, за отличие в сражении с турками. В 1877 году – орден Святой Анны II ст. с мечами (мусульманский), за отличие в сражении с турками. В 1878 году Орден Данеброга-Командорский крест II класса, Его Величеством Королём Датским. В 1887 году Орден Святой Анны II ст. с мечами (повторно). В 1878 году награждён Золотой саблей с надписью «За храбрость».

В середине 70-х годов XIX в. семья Махмуда жила во Владикавказе, где он в то время проходил военную службу. Для характеристики его общественно-политических взглядов характерен такой факт. В 1883 г. с его непосредственным участием во Владикавказе учреждается «Благотворительное общество для распространения образования и технических знаний среди горцев Терской области». Как сообщает по этому поводу газета «Терджиман» от 17 января 1884 г., «В Терской области *просвещенные мусульмане Шейх-Али, И. Шанаев, Д. Шанаев, М. Далгат, М.-Э. Османов, А.-Г. Мансуров и др.* создали Благотворительно-просветительское общество, имеющее целью открытие в области училищ, в коих кроме мусульманского языка, будут обучаться различным ремеслам и русскому языку. Общество также будет помогать нуждающимся мусульманам в обучении в средних и высших учебных заведениях...». Кроме указанных выше лиц в деятельности Общества участвовали А. Урусбиев, И. Тхостов. Общество сыграло определяющую роль в открытии в области т. н. «ново-методных» («усул-и джедид») школ. Первые такие школы при содействии Шейх-Али, М.-Э. Османова были открыты в Аксае, Эндирее, Костеке, Кизляре и Бекиш-юрте (ныне сел. Кизляр Моздокского района Северной Осетии) [14].

После отставки поселился в Уфе. С 1899 г. по 1905 г. возглавлял Уфимское местное управление Российского Общества Красного Креста. Махмуд Шейх-Али был в 1906 г. на делегатом на II Всероссийском мусульманском съезде в Санкт-Петербурге [15, 525]. Он

был хорошо знаком со многими деятелями тюрко-мусульманского движения в России конца XIX – начала XX вв., в т. ч. с И. Гаспринским, А. Топчибашевым, Ю. Акчурой, А. Ибрагимовым и др. Он же оказывал материальную и духовную поддержку начинающему тогда историку Зеки Велиди Тогану [16, 85, 107], при в издании последним его труда «История тюрок» (1911).

*Супруга генерала
Махамуда Шейх-Али –
Маги-Первез Шейх-Али*

Семья. Махмуд Шейх-Али был женат на дочери казанского дворянина Шаги-Ахмета Алкина. Маги-Первез (Мех-Первез), в девичестве Алкина (1856 – после 1930 г.), – сестра известных общественных деятелей начала XX века, организаторов первых мусульманских съездов в России, членах «Иттифак» (Союза мусульман) и партии Конституционных демократов («кадетов»). Саид-Герей Алкин, кроме того, являлся издателем газеты «Казан мухбири» («Казанский корреспондент»).

Сама Маги-Первез была членом Мусульманского благотворительного общества Петербурга, председателем Распорядительного комитета Дамского отделения Попечительства о бедных, одной из активных членов женского мусульманского движения в Уфимской губернии. Предводительница дворянского мусульманского женского общества Уфимской губернии [17, 136].

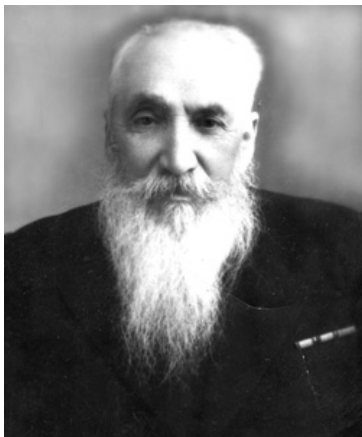
В потомстве генерал Махмуд Шейх-Али с женой Маги-Первез имели сына Дауда и дочь Амину (ранее я ошибочно называл ее дочерью генерала Али-Шейх-Али).

4.3. Дауд Махмудович Шейх-Али (7.11.1879, Тифлис – 1954, Махачкала) – зав. кафедрой растениеводства, доктор наук.

Учился в Тифлисской гимназии, затем по переезду семьи – в Оренбургской гимназии, которую окончил в 1902 г. Дауд окончил

Московский институт инженеров путей сообщения (1900–1907 гг.). В 1909–1912 гг. учился и проходил стажировку в Париже (Франция). Владел несколькими языками: немецким (слабо), французским (хорошо), татарским, казахским, киргизским, кумыкским (слабо).

Семья Дауда Шейх-Али в годы гражданской войны находилась в близких отношениях с семьей адмирала Колчака и жили в Уфе одном доме [18, 68]. Когда под натиском «красных» колчаковская армия отступила, то вместе с семьей Колчака вынуждены были покинуть насиженные места и семья ген. Шейх-Али с Алкиными. Так они оказались в Сибири, затем во Владивостоке, а впоследствии и в Китае.

Дауд Махмудович Шейх-Али

Сам Дауд Шейх-Али долгие годы жил и работал на Дальнем Востоке, в Казахстане и Киргизии, получал высокие правительственные награды этих республик, в 1944 году он приехал на родину своих предков, в Дагестан, на работу в Дагестанском сельскохозяйственном институте. Здесь он долгое время заведовал кафедрой растениеводства и подготовил целое поколение дагестанских аграриев, ученых и практиков. Он был одним из первых кумыков, еще до войны защитивших докторскую диссертацию, блестяще владел двумя иностранными языками (немецким, французским), не говоря уже о русском, татарском, казахском. А по приезду в Дагестан выучился и родному кумыкскому языку.

Дауд был женат Елене Алексеевне Стобеус (ум. в 1972 г.), внучке крупного землевладельца, предводителя дворянства всей Оренбургской губернии, а затем, по 1870 г., уже Уфимской губернии, Виктора Яковлевича Стобеуса [19, 20]. Дауд Махмудович умер после войны в 50-х годах, похоронен в Махачкале на мусульманском (азербайджанском) кладбище, что в поселке Не-

фтяников. Хоронили его в невиданную стужу, несли гроб с телом чуть ли не через весь город, слезы сами собой наворачивались на глаза и вряд ли тогда догадывались, что провожают-то они в последний путь потомка кумыкских (эндиреевских) гуенов (гуннов), сына кумыкского узденя и татарской (казанской) княжны, внука Девлет-Мирзы Шейх-Али. Один из его учеников, ныне покойный президент Дагестанской сельскохозяйственной академии, профессор М. М. Джамбулатов рассказывал мне о нем много удивительных историй, характеризующих профессора Шейх-Али как человека обширных научных познаний, эрудиции, высокой интеллектуальной и духовной организации [20].

Трудовая биография Дауда Шейх-Али:

– 1907–1908 гг. – старший техник-мелиоратор по обводнительным работам Министерства земледелия (г. Оренбург).

– 1908–1909 гг. – начальник экспедиции по обводнению земель по реке Букани Переселенческого управления (г. Семипалатинск-Петербург).

– 1912–1916 гг. – заведующий отделом агропромышленного крестьянского банка Минфина России (г. Уфа).

– 1916–1919 гг. – агроном Владивостокского отделения Центросоюза (г. Владивосток).

– 1919–1922 гг. – управляющий предприятиями Торгового дома братьев Орловых (г. Владивосток).

– 1922–1927 гг. – специалист по техническим культурам Губернского земского управления (г. Владивосток).

– 1927–1928 гг. – специалист по техническим культурам Губернского земского управления (г. Алма-Ата).

– 1929–1936 гг. – зав. кафедрой растениеводства сельскохозяйственного института (г. Алма-Ата).

– 1936–1938 гг. – старший научный сотрудник Центральной опытной станции (с. Атабаево. Казахстан).

– 1938–1939 гг. – зам. директора по научной работе Государственной селекционной станции (г. Фрунзе).

– 1939–1940 гг. – профессор кафедры ботаники Киргизского педагогического института (г. Фрунзе).

– 1941–1944 гг. – старший научный сотрудник филиала Академии наук СССР (г. Фрунзе).

– 1944–1951 гг. – зав. кафедрой Дагестанского сельскохозяйственного института (г. Махачкала).

В 1927–1930 гг. входил в Комитет содействия постройки Турксиба по строительству железной дороги.

Имел множество наград: 01.11.1943 г. Киргизским СНК за выдающиеся заслуги в области науки отмечен персональной пенсией. В декабре 1945 г. ЦИК Союза ССР за заслуги в области сельского хозяйства награжден орденом Трудового красного знамени. Имел медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Список трудов:

* Определение размеров поливных площадок при орошении напуском в зависимости от коэффициента водопроницаемости почвы // журн. «Водное дело». 1909 г.

* Определение величины возможного среднего урожая зерновых в зависимости от многолетних средних климатических факторов. Уфа, 1916 г.

* Оптимальная кривая потребления влаги полем, занятым просом, построенная на основании данных г. Пульмана по Богородицкому опытному полю (Доклад, озвученный на общем собрании Владивостокского отделения Московского сельскохозяйственного общества в 1917 г.).

* Возможность организации производства сахара в Приморской области, на основе данных опыта в 1922 г. // журн. «Приморское слово», 1922 г.

* Возможности табаководства в Приморье // Сборник «Приморье». 1927 г.

* Отчет о трехлетней опытно-исследовательской работе с рисом в Приморской области. Выдержки из работы напечатаны в официальном органе Наркомзема РСФСР «Сельскохозяйственная жизнь», № 50, 1925 г.

* Северизация риса в связи с проблемой хлопка в СССР. Доклад в Комитете содействия строительству Турксиба. 1927 г.

* Северизация риса в связи с сортовыми особенностями // журн. «Народное хозяйство Казахстана». 1930 г.

* Наилучшая форма фосфорной кислоты при удобрении // журн. «Сельскохозяйственная наука Казахстана». 1935 г.

* Приемы учетверения урожая риса на старых плантациях Средней Азии // журн. Народное хозяйство Казахстана. 1934 г.

* Пути увеличения risoпродукции в Союзе. Докт. диссертация (рукопись).

* Критический обзор опытов с рисом, произведенных в Казахстане. Рукопись. 1935 г.

* Каучуконос, который разрешит проблему натурального каучука в южных районах СССР. Рукопись. 1 п.л. 1936 г.

* Пути увеличения risoпродукции в СССР. Рукопись. 2 п.л. 1940 г.

* Рассадная культура картофеля // газета «Дагестанская правда». 1944 г.

* Теория и практика осеннего сева твердой пшеницы. Рукопись. 1946 г.

* Агротехника культуры риса. Брошюра. 1940 г.

5. 3. Амина (Амина Ханум) Махмудовна Сыртланова (фр. Amina Hanum Syrtlanoff) (урождённая Шейхалиева или Шейх-Али; 1884 год, Уфа, Российская империя – после 1939 года, Франция) – общественный деятель, сестра милосердия, теософ, досточтимый мастер парижской масонской ложи «Аврора» Международного смешанного масонского ордена Право человека.

Амина Сыртланова (Шейх-Али) и Галиаскар Сыртланов

Супруга депутата III-й Госдумы России Галиаскара Сыртланова. Муж – Али Оскар (Галиаскар) Шахайдарович Сыртланов (1875–1912), был выпускником Александровской военно-исторической академии и служил в Главном военно-судном управлении военного министерства; в совершенстве владел несколькими иностранными языками, увлекался переводами, в частности им был осуществлен полный перевод на русский язык известной работы французского ориенталиста Леона Кахена «Первоначальная история тюрок и монгол». Кроме того, он также был членом «Иттифака», депутатом III-й Государственной Думы от Уфимской губернии, возглавлял Санкт-Петербургское мусульманское благотворительное общество (1910–1912).

После трагической гибели мужа в 1912 году, Амина-Ханум принимала деятельное участие в общественной жизни. Являлась председателем «Петроградского мусульманского просветительского общества» [21, 209–210], пользовалась «широким влиянием среди образованных мусульман Уфы и Петрограда». После смерти мужа Амина-Ханум Сыртланова (Шейх-Али) возглавила Петербургское мусульманское благотворительное общество, была членом Центрального комитета российских мусульманских общественных организаций. Летом 1916 г., когда Центральным комитетом был сформирован и отправлен «на передовые позиции кавказского театра военных действий санитарный отряд российских мусульман», поезд возглавила член ЦК А. Сыртланова [22, 209–210].

После 1917 года эмигрировала, поселилась в Париже. В 1926–1939 гг. выступала с докладами в Русском и Французском теософических обществах. В 1933–1935 гг. заместитель члена правления, с 1935 член правления Союза русских сестер милосердия имени Ю. Вревской во Франции. В 1935 г. выступала с докладами

Амина-ханум Сыртланова, вдова члена Государственной Думы 3-го созыва, попечительница санитарного транспорта имени Российских мусульман.

в кружке «Душа России». С 1921 год по 1929 год являлась членом Международного смешанного масонского ордена «Право человека» (фр. *Le Droit Humain*), занимавшегося защитой гражданских прав и свобод женщин [23]. В 1929 году стала досточтимым мастером русскоязычной масонской ложи «Аврора», входящей в этот орден. Оставалась членом ложи до 1939 года. В своих взглядах, ставила знак равенства между масонством и теософией [24]. «Члены «Авроры», например А.-Х. Сыртланова, В.В. Савинков (брат знаменитого эсера), С.Н. Матвеев, Е.А. Нелидова, принимали активное участие в работе Теософского общества» [25]. После начала немецкой оккупации Франции были закрыты все на её территории масонские ложи [26].

Дальнейшая судьба А.-Х. Сыртлановой остается неизвестной [27].

6.2. Генерал Али Давлетович Шейх-Али (1845 – после 1914), родился 8 октября 1845 года.

В 1862 году окончил Санкт-Петербургский 2-й кадетский корпус и был распределен в кавалерию. В службе офицером с 13 июня 1862 г. В полковничьем чине с 15 мая 1883 г. С 19 сентября 1879 г. служит в 3-м полку Оренбургского казачьего войска. Утвержден на должность командира полка (с присвоением звания «полковник») 15 мая 1883 г. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказском фронте в составе отдельного Кавказского корпуса под командованием генерала от кавалерии М.Т. Лорис-Меликова.

Сведения об этом отличаются скудностью. Известно, что оренбургские казаки под командованием подполковника Шейх-Али 1-го и 2-го октября 1877 г. участвовали в боях при взятии Орлогских высот, 3 октября при Аладжинских высотах, 8 октября при вторичной блокаде г. Карса, 5 и 6 ноября в штурме крепости Карс. Зимой 1877–1878 гг. эти полки были при блокаде г. Эрзерума. Полк

возвратился с действующей армии в ноябре 1878 г. За отличие при штурме крепости Эрзерум и в боях под Карсом именными указами Александра II был награжден тремя орденами.

Награды: 1879 г. Св. Анны II ст.; 1879 г. Св. Станислава II ст. с мечами; 1879 г. Св. Владимира IV ст. с мечами; 1887 г. Св. равноапостольного князя Владимира III ст.

С 10.01.1900 г. генерал-майор Али Шейх-Али командует 2-й бригадой 1-ой Кавказской казачьей дивизии.

После выхода в отставку в чине генерал-майора жил в Петербурге, занимался общественной деятельностью. Его имя называется среди тех феодальных мусульманских фамилий, «которые своими крупными историческими заслугами перед самодержавием стояли очень близко к Петербургскому Двору» [28, 11]. Проживая и находясь на службе в Санкт-Петербурге ген. Али Шейх-Али занимался активной общественно-политической деятельностью [29, 23]. Он являлся председателем Мусульманского благотворительного общества в Санкт-Петербурге. Об общественной же деятельности его в Петербурге в начале XX века нам кое-что известно. Его имя и имя его супруги **Гюльсум-бике** часто фигурируют в мусульманских газетах, издававшихся в начале века в Петербурге, Казани, Оренбурге. Оба они были довольно известными людьми в светских кругах столицы и ее мусульманской общины. С 1901 г. они оба активно участвуют в деятельности Петербургского мусульманского просветительского общества [30, 18]. Среди активных членов данного общества были известные мусульманские деятели Зайнал-Абидин Тагиев, Исмаил-бей Гаспринский, Шамси Абдуллаев, Али-Мердан Топчибашев, Султан-Меджид Ганиев, Захид Шамиль, генералы Абдул А^ад Эмир Бухарский, Али Давлетович Шейх-Али, Чинизхан, Султан Искандер Вали-Хан, Магомед-Шариф Шамиль, Якуб Барабаш, Халил Базаревский, Тамерлан Беляк, Юзеф Якубович, Мацей Сулькевич: кн. Асельдер Казанипов, кн. Нух-Бек Тарковский, Рафаэль Казбек, Сулейман Богданович, Хасан Александрович, Якуб Юзефович и др. [31]. Активное участие в его деятельности принимали Азизбек Далгат, депутат Ибрагим-бек Гайдаров, литовские татары надворный советник И. Халецкий, братья Кричинские, известный адвокат, член

Государственной Думы Салим-Герей Джантюрин и др. Отметим, кстати, что генерал Али Шейх-Али и Салим-Герей Джантюрин были свояками-друзьями, оба были женаты на сестрах-княжнах Гюльсум и Суфия-ханым Алкиных из Уфимской губернии, были единомышленниками и одних религиозно-светских тюрко-мусульманских ценностей. В годы революции 1905–1907 гг. Салим-Герей Джантюрин и Галиаскар Сыртланов (муж дочери генерала Махмуда Шейх-Али) защищали идею территориальной автономии тюрко-мусульманских народов России, тогда же при их поддержке Кади Абдурашидом была издана книга «Автономия или идара-и мухтарият» (СПб., 1906).

Деятельное участие в работе общества принимали и женщины-мусульманки: супруга азербайджанского нефтепромышленника и мецената Зейнал-Абидина Тагиева Сона-Ханум, супруги генералов Шейх-Али – Гюльсум Шейх-Али, Мех-Первез Шейх-Али, княгиня Гюльрух-ханум Тарковская, Марьям Ибрагимовна Шамиль и ее дочери Фатима и Нафисат, София Ибрагимовна Туган-Барановская и др.

В одном из документов этого Общества особо отмечается: «История Общества неразрывно связана с историей деятельности его членов. В этой связи нельзя не отметить тех лиц, которые оказали Обществу ту или иную поддержку своей активной работой. Из таких лиц заслуживают быть отмеченными... жена генерал-майора Гюльсум-бике Шейх-Али, устраивавшая в качестве патронессы в течение пяти лет восточные вечера в пользу Общества» [32, 35]. На такие вечера и праздники приглашались гости и из других городов, в том числе из провинции. Таким образом, оказались в 1910 г. в Петербурге знаменитые кумыкские гармонистки сестры Мурадовы из Нижнего Дженгутая.

Из протоколов Общества также видно, что «по инициативе генерал-майора Шейх-Али в 1901–1902 гг. был поставлен вопрос об открытии при Обществе приюта для мусульманских детей, учреждена также школа для первоначального обучения детей родной и русской грамоте». При Обществе уже в 1906 г. было открыто «национальное училище для детей обоего пола (4 года обучения), где уже в 1906–1907 учебном году уже обучалось 34 мальчика и 16 девочек» [33].

Общество объединяло более сотни мусульман Петербурга, оно оказывало материальную поддержку мусульманским студентам, обучающимся в вузах столицы. Среди стипендиатов Общества, например, в разное время были С. Габиев, С. Куваршалов, М. Хизроев, К. Качалаев, Т.-С. Алиев (Дагестан), А. Кантемиров, Б. Козырев, У. Кубатиев (Осетия) и др.

Санкт-Петербургская соборная мечеть

Генерал Али Шейх-Али был одним из инициаторов строительства соборной мечети в Санкт-Петербурге. Он вошел в Комитет по постройке, сформированный собранием прихожан и утвержденный министром внутренних дел П. Г. Столыпиным в январе 1906 г. Комитет этот состоял из 20 мусульман, видных государственных, общественных, военных деятелей, купцов и домовладельцев. За счет добровольных пожертвований мусульман всей империи в начале 1910 г. было начато строительство этой мечети, торжественное открытие ее было приурочено к 300-летию дома Романовых в феврале 1913 г. [34, 133]. Первое богослужение в данной мечети состоялось в дни 300-летия царствования дома Романовых. 21 февраля 1913 г. доктор богословия ахун Мухаммад-Сафа Баязитов произносит вер-

нопопданническую речь на «чистом русском языке»: «Порадуемся, что три века назад всевышний вручил венценосным предкам нашего государя судьбу великой России. С тех пор возрастала и крепла наша родина. Преисполненные вечной благодарностью государю императору нашему и державным предкам его, мы и потомки наши пребудем в вечной любви и преданности престолу российскому и дорогому отечеству нашему».

На следующий день группа российских мусульман, среди которых были инициаторы строительства первой мечети в Петербурге, в т. ч. Мухамад-Сафа Баязитов, генерал Али Шейх-Али и др. «имели счастье представляться государю императору для принесения поздравления по случаю 300-летия царствования дома Романовых».

В эти годы имя генерала часто фигурирует в мусульманских газетах, издававшихся в начале века в Петербурге, Казани, Оренбурге. Он был довольно известной личностью в светских кругах [35, 11]. В 1914 г. ген. Али Давлетович Шейх-Али, писатель и публицист, редактор и издатель газеты «Нур», доктор богословия Мухаммед-Сафа Баязитов и кандидат коммерции Фатих Байрашев стали основателями и возглавили массовую Всероссийскую мусульманскую политическую партию «Сырат аль-Мустахим» («Правый путь»). Согласно уставу, «партия ставила своей целью «объединение всех русских мусульман для изучения мусульманства в его прошлом и настоящем, просвещения и всестороннего поднятия благосостояния единоверцев на почве строгой законности, верности монарху и единства и целостности России» [36, 292].

Однако вся либеральная мусульманская пресса выступила против «Сырат аль-Мустахим» и основателей этой новой партии, окрестив ее черносотенной организацией. Большевицкая печать также поспешила окрестить «Правый путь» «партией туземных помещиков и высшего мусульманского духовенства». В защиту союза выступил только журнал «Дин ва маишат». Примечательно, что и авторы публикации в правомонархической газете «Русское знамя» были также всерьез обеспокоены созданием новой партии и заявили, что «возникновение такой организации и ее легализацию допускать никак нельзя».

Генерал Али Шейх-Али был женат на Гюльсум (Умму Гюль-

сум), урожденной Тевкелевой из родовитой татарской семьи из Уфимской губернии, а именно на дочери Саид-Гереев Тевкелева, почетного члена Мусульманского благотворительного общества в Петербурге в начале XX в. [37, 133]. Она была внучкой последнего хана Букеевской орды Джангира-хана, почетного члена Казанского Императорского университета. Среди ее предков Кутлу-Мухаммед Тевкелев, российский дипломат, основатель уфимской ветви рода Тевкелевых, основатель г. Челябинска, Оренбургский губернатор, генерал-майор (1755), начинавший свою службу переводчиком при Петре I во время его Персидского похода 1722 г. [38]. В кругу родственников были известные татарские и башкирские семьи Алкиных, Еникеевых, Ахмеровых, Тергуловых.

Слева направо:

1. *Зулейха Тевкелева – дочь хана Джангира, мать Гульсум;*
2. *Гульсум Тевкелева – внучка хана Джангира, мать А. А. Шейх-Али;*
3. *Аскар Алиевич Шейх-Али – правнук хана Джангира, основатель первого в СССР завода пишущих машин (г. Казань), с женой Суфией и дочкой Динорой 1910 г.*

Сама **Гульсум-бике Саид-Гереевна Тевкелева** вместе с мужем генералом (председатель Общества) активно участвовала в общественной жизни мусульман России начала XX века и ее столицы. Так, Гульсум-бике (20.03.1901 г. она была избрана почетным членом Общества) в течение первых 5 лет деятельности Мусульманского благотворительного общества в Санкт-Петербурге

(1898–1914) в качестве патронессы организовывала Восточные вечера благотворительного общества – ежегодно проводимое для мусульман столицы культурно-просветительское и развлекательное мероприятие. Они стали заметным событием в культурной и общественной жизни мусульман Санкт-Петербурга.

Супружеская чета Шейх-Али и их семья в те годы в основном жили в Петербурге, иногда выезжая в свое имение в д. Шаршада Уфимской губернии. Имение часто посещали и гости. В 1913 году сюда приезжает известный писатель, классик татарской литературы Гаяз Исхаки. По мнению специалистов, нет равных по архитектуре Шаршадинской мечети, среди мечетей Татарстана. Часть мечети (кроме минарета) ещё стоит по сегодняшний день.

*Мечеть д. Шаршада
Уфимской губернии.*

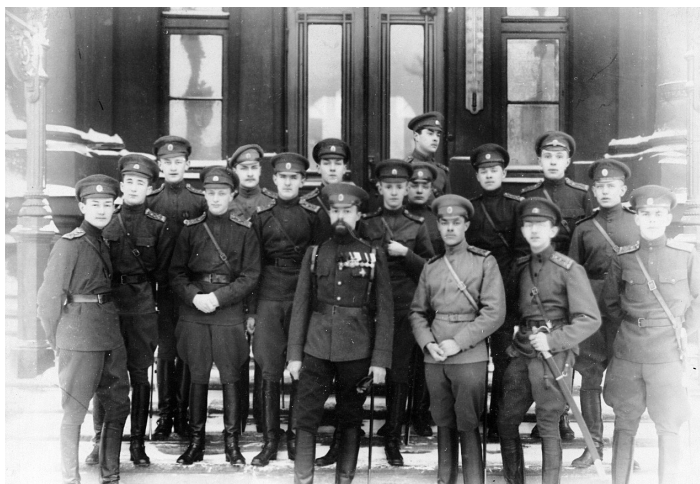
Сама усадьба расположена на красивом месте. Аллея, сад, двухэтажный дом с балконом, уникальная библиотека из 4–5 тысяч печатных и рукописных книг на русском, арабском и тюркском языках, богатая мебель восхищали побывавших в имении гостей. Под горой находился пруд, на его середине была расположена беседка. До наших времён сохранился и парк, и «родник Бояра», и «гора Беседки», и аллея. Усадьба расположена на красивом месте. Еще в 1891 году здесь за счёт Гульсум Саидгераевны Шейх-Али была построена деревянная ме-

четь уникальной архитектуры. Здесь же находилось здание Кучуковской средней школы, построенной в 1914 году генералом А. Шейх-Али. Известны и другие примеры благотворительной деятельности потомственных дворян Шейх-Али. В 1906 г. по ее инициативе и поддержке ряда влиятельных лиц: Хайдар-Мирзы Сыртланова, Кутлу-Мухаммед Мирзы Алкина, Мех-первез Шейх-Али,

жены генерала Махмуда Шейх-Али, Медины-ханум Султановой в Уфе состоялось открытие высшего мусульманского училища, ставшего известным во всей России под названием «Медресе-и Алийе» [39, 435–438]. На его строительство и содержание медресе она вместе с мужем внесла более 3 тыс. рублей. Училище, открывшись в 1906 г. на волне модернистского движения мусульман России, просуществовало до 1920 г. и было закрыто большевистскими властями как «рассадник буржуазного национализма». Однако и за малый 14-летний срок оно успело дать национальное воспитание и образование тысячам российских мусульман, сослужить хорошую службу нашим народам. И, кстати сказать, здесь учился и в дальнейшем занимался преподавательской деятельностью Умар Алиев из Карачая, один из отцов-основателей Карачаевской республики.

В потомстве этой супружеской четы было двое сыновей – Джангир и Аскар.

7.6. Джангир (Джихангир) Алиевич Шейх-Али, окончил в 1905 году Пажеский Его Императорского Величества корпус в Санкт-Петербурге – престижное военно-учебное заведение Российской империи, в котором получали образование отпрыски привилегированных особ Российской империи.

1-й ряд справа первый с краю, предположительно, Джангир Шейх-Али

Пажескаго Ею Императорскаго Величества корпуса:
 въ корп.: изъ камеръ-пажей: **князь Оболенскій** и **графъ Голенищевъ-Бутузовъ**, оба — въ Кавалергардск. Ея Вел. Гос. Имп. Марии Ѳеодоровны п., въ п. л.-гв.: **Пистолькорскъ**, **фонъ-Поппенъ**, **графъ Крейцъ**, **Шейхъ-Али** и **Ильинъ**, всѣ пять — въ Конный; **Олферьевъ** и **фонъ-Гартманъ** (Карлъ), оба — въ Конно-Гренадерск.; **Скалонъ** и **Мешетичъ**, оба въ Уланск. Ея Вел. Гос. Емп. Александры Ѳеодоровны; **баронъ Арпсгофенъ** и **Палицынъ**, оба — въ Драгунск.; **графъ Вьленпольскій**, **Трубниковъ** и **Волковъ**, всѣ трое — въ Гусарск. Ею Вел.; въ пдирч.: **Бутурлинъ** — въ Преображенск.; изъ фельдф.: **Святозаровъ** и изъ камеръ-пажей: **Бьлокопытовъ** (Петръ) и **Бьлокопытовъ** (Павель), всѣ трое — въ Егерск. съ старш. съ 9 авг. 1904 г.; въ пдирч.: изъ камеръ-пажей: **Телита-фонъ Вольскій**, съ зач. по пол. пѣш. арт. и съ приком. л.-гв. ко 2-й арт. бриг.; **графъ Ребиндеръ**, съ зач. по пол. кон. арт. и съ приком. къ гвард. кон.-арт. бриг.; въ гренад. п.: изъ пажей **фонъ-Гартманъ** (Гаральдъ) — въ 3-й Перновск.; въ корп., въ драг. п.: изъ камеръ-пажей: **Матвѣевъ** и изъ пажей **Леонтьевъ**, оба — въ 15-й Александрійск. Ея Вел. Гос. Имп. Александры Ѳеодоровны; со старш. со дня вып.: изъ пажей: **Коль** — въ 14-й Литовск., **Кондоиди** — въ 15-й Александрійск. Ея Вел. Гос. Имп. Александры Ѳеодоровны.
Николаевскаго кавалерійскаго училища: въ п. л.-гв.: въ

Офицерскій нагрудный знак об окончаніи Пажескаго кадетскаго корпуса, утвержденный 14-го марта 1902 года

По окончаніи был распределен в Лейб-гвардии Конный полк (командиром в тот период был генерал-майор Свиты князь А. И. Багратион-Мухранскій). По некоторым сведениям, Джангир Шейх-Али погиб в Первую мировую войну.

Его Имп. Велич. Государь Императоръ Николай II среди офицеровъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка въ Барановичахъ, въ ставкѣ верховнаго Главнокомандующаго Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича, во время несенія Конной Гвардіей охранной службы при ставкѣ осенью 1914 года.

8.6. Шейх-Али Аскар Алиевич (1885–1968), талантливый инженер-конструктор, потомственный дворянин, сын генерала Али Шейх-Али (внук кумыкского этнографа Девлет-Мирзы Шейх-Али из Эндирея). Он также по материнской линии приходится правнуком последнему владельцу Бокеевской орды Джангир-хану.

Родился в 1885 г. в г. Санкт-Петербург. В 1907 г. окончил в Петербурге гимназию, а в 1912 г. физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1909 г. Аскар женился на Суфии Шагбаз-Гиреевне Ахмеровой – дочери известного татарского просветителя, общественного деятеля, гласного Казанской городской думы, действительного статского советника, большого знатока русской словесности и филологии дворянина Шахбаз-Гирея Измаиловича Ахмерова (1853–1900).

В 1914 г. Аскар Алиевич был призван в армию, по окончании артиллерийских курсов получил чин подпоручика. С 1918 г. служил в рядах Красной Армии: в составе Пятой армии на Восточном фронте, а затем в Москве, куда перевез всю свою большую семью. В 1922 году он поступил на должность механика в мастерскую точной механики при Лесотехническом институте, которая,

кроме обслуживания лабораторного оборудования, принимала от населения в ремонт любую механику: замки, примусы, сейфы, арифмометры, пишущие машины и пр. Это было типичное убежище, в которых прятались бывшие дворяне в Советской России [40].

В 20-е гг. занялся модернизацией арабского алфавита и внедрением арабской графики в делопроизводство, в издание газет и журналов. Он создал даже пишущую машинку на арабском алфавите, которая пользовалась большим спросом за рубежом [41]. Под руководством А. Шейх-Али в марте 1929 г. была сконструирована и машинка на латинице и уже в ноябре 1929 г. состоялся выпуск первой советской пишущей машины оригинальной конструкции, названной создателями «Яналиф» (Новый алфавит). Изделие это было признано правительством страны исключительно важным для народного хозяйства. 31 декабря 1929 г. «Вечерняя Москва» сообщала, что в Казани изготовлена пишущая машинка советской конструкции. Машинку отправили в Москву, в институт техники управления. Было получено заключение: «Конструкция хорошая, по своим технико-экономическим и эксплуатационным данным значительно лучше многих иностранных изделий».

В том же году Аскар Алиевич ставит свою подпись под письмом 82-х Сталину и III-му пленуму Татарского обкома ВКП (б), в котором часть татарской интеллигенции, будучи твердым сторонником арабской графики, считали неправильными решения о форсировании перевода языков народов мусульманских регионов на латиницу. Руководство же страны во главе со Сталиным придерживалось мнения, что «новый алфавит» станет «одним из главных направлений развития культуры народов», а арабская графика была объявлена «реакционной» помехой на пути культурной революции.

В мае 1931 г. Аскар был арестован и заключён в лагерь по печально известной статье 58 УК РСФСР «Контрреволюционные преступления». В Москве запомнили всех подписантов письма к Сталину в защиту арабской графики. После освобождения ему было запрещено проживать в больших городах. В Казань он

вернулся уже после смерти Сталина. 7 января 1959 года он был полностью реабилитирован «за отсутствием состава преступления...». Возвратившись в Казань в 75-летнем возрасте, Шейх-Али до самой своей смерти (июль 1968 г.) не терял интереса к технике и не прекращал заниматься всевозможными усовершенствованиями [42].

В потомстве у Аскара Шейх-Али было двое дочерей: Динара – великолепный медик, ученная, в годы Великой отечественной войны – фронтовой врач, и Гульнара Аскаровна – инженер-химик.

9.2. Юсуф-бек Шейх-Али (Шихалиев), успешно окончил в 1859 г. полный курс классической Ставропольской гимназии. Здесь с ним вместе учились будущий революционер Герман Лопатин, будущий востоковед и ректор Лазаревского восточного института Г. Кананов, будущий медиевист и переводчик «Истории агван» М. Каганкатваци К. Патканов, адыгский просветитель А. Кешев, Кази Атажукин, известный осетинский общественно-политический деятель И. Тхостов и др [43, 51, 55].

По архивным данным известно, что Юсуф-бек в 1864 г. жил в Аксае и, намереваясь определиться в формируемый в то время в Нальчике Кабардино-кумыкский пехотный генерал-фельдмаршала князя Барятинского полк, обратился к Наместнику на Кавказе с докладной запиской, приложив к ней послужной список отца своего, метрическое свидетельство о рождении своем и аттестат из Ставропольской гимназии об окончании им полного курса наук. Одновременно он испрашивал распоряжения о выдаче ему свидетельства о его дворянском происхождении [44, 4].

Дальнейшая судьба его неизвестна.

10.2. Ибрагим-бек Шейх-Али (? – 1930 г.), получил высшее экономическое образование в России и служил в банковской системе, был патриотом своего народа; глубоко интересовался историей, языком и культурой родного народа, собирал старинные рукописные памятники кумыкской словесности, был проникнут сознанием необходимости национального воспитания и образования кумыков.

О такой его деятельности в газете «Шура» (Оренбург, 1910, № 16) и найденной во время своего пребывания на Кавказе в «библиотеке сына Девлет-Мирзы Шейх-Али эфенди Ибрагима-эфенди» рукописной книге на старописьменном тюркском языке сообщает известный адвокат, депутат Государственной Думы Салим-Герей Джантурин (свояк генерала Али Шейх-Али). Она датировалась 1291 годом. По мнению русского историка той эпохи Семенова, эта рукопись (1870 г.) могла принадлежать по-

*Ибрагим-бек Шейх-Али,
из коллекции А. Д. Шейх-Али
(Тынышпаева)*

эту и преподавателю Санкт-Петербургского университета Магомед-Эфенди Османову. Современный же ученый, историк кумыкской литературы С. М. Алиев, по языковым признакам считал «заманчивым» связывать ее с «Кодекс Куманикус» (XIII в.), т. е. с наследием золотоордынской эпохи [45, 76–77]. Язык этого произведения русские тюркологи еще XIX века сближали с ку-

мыкским, балкарскими наречиями «татарского языка» на Кавказе.

Ибрагим-бек был женат на Загират, имел от нее двух сыновей: Крым-Солтана и Даниял-бека, а также дочерей: Хаджар (в замужестве Еникеева) и Эмине-ханым (в замужестве Тынышпаева).

*Супруга
И. Д. Шейх-Али – Загират,
из коллекции А. Д. Шейх-Али
(Тынышпаева)*

11.10. Даниял-бек Шейх-Али.

Даниял Ибрагимович (1900, с. Карлан-юрт-1993, Москва), в 1911–1914 гг. учился в Петровском Полтавском кадетском корпусе, после окончил медицинский факультет Казанского университета, профессор, доктор медицинских наук, заведовал кафедрой факультетской терапии Дагмединститута с 1952 по 1966 гг. В потомстве имел двух сыновей *Алексея* и *Олега*, а также дочь – *Софию* (*Соня?*). Сыновья также пошли

по стопам отца: Алексей – доктор технических наук, Олег – кандидат медицинских наук. Дочь София, врач, была замужем

за А. Бессмертных, бывшим министром иностранных дел СССР и России [46, 191]. Автор здесь приводит следующий автограф А. Бессмертных: «Дагестану, с которым более 30 лет была связана моя личная жизнь (жена дагестанка – А. М.), где родилась моя дочь...». 27 января 2000 г.].

Даниял Шейх-Али умер в Москве [47].

*Шейх-Али
Крым-Солтан Ибрагимович
Фото из коллекции А. Д. Шейх-Али
(Тынышпаева)*

12.10. Шейх-Али Крым-Солтан Ибрагимович, офицер царской армии (Биографическими сведениями не располагаем).

13.10. Хажар Ибрагимовна (в девичестве **Шейх-Али**) вышла в Уфе замуж за татарского князя (дворянина) Шабаз-Герей Хайретдиновича Еникеева (1879–1954), выпускника Казанского ветеринарного института. Хажар Ибрагимовна (в девичестве Шейх – Али) состояла в 1915–1916 гг. помощницей председателя Уфимского женского благотворительного общества Марьям Султановой [48].

Фото из коллекции А. Д. Шейх-Али (Тынышпаева)

14.10. Эмине (Амина) – ханым Ибрагимовна (в девичестве Шейх-Али) была замужем за Тынышпаевым Мухамеджаном Тынышпаевичем (12 мая 1879–21 ноября 1937), казахским государственным, общественным деятелем, депутатом Второй

*Эмине – ханым Шейх-Али
из коллекции А. Д. Шейх-Али
(Тынышпаева)*

Государственной Думы России, премьер-министром Туркестанской автономии), который был репрессирован в 1938 году.

В потомстве имела единственного сына Давлета, названного в честь деда матери – Девлет-Мирзы Махмудовича (Магомедовича) Шейх-Али (1811–1880) – первого ученого-этнографа Дагестана, подполковника русской армии, Главного пристава Управления магометанскими народами, кочующими в Ставропольской губернии.

*Мухамеджан Тынышпаев –
член 2-ой Государственной думы*

*Амина Ибрагимовна
Тынышпаева (Шейх-Али), 1930 г.*

15.14. Шейх-Али (Тынышпаев) Давлет Мухамеджанович. Родился 10 февраля 1931 г. в Уфе. В 1954 г. окончил Уфимский нефтяной институт по специальности «Эксплуатация нефтяных и газовых месторождений». В институте УфНИИ-Башнипинефти работал с 1954 г., сначала инженером по исследованию добывающих и нагнетательных скважин отдела добычи нефти. В 1961 г. им в соавторстве в издательстве «Недра», г. Москва, выпущена монография «Борьба с отложениями парафина при добыче нефти». В 1964 г. в МИНХ и ГП, г. Москва, была успешно защищена диссертация по специальности «Разработка нефтяных и газовых месторождений», выполненная на тему «Исследование упругих колебаний и электрического поля на процесс отложения парафина при добыче нефти». В 1983 г. Давлет Мухамеджанович создает научно-исследовательский отдел по исследованию коллекторских свойств пласта и пластовых флюидов. До 2001 г. он возглавляет этот отдел, состоящий из 6 экспериментальных лабораторий, результаты работы которых используются для выполнения НИР поисковой и разведочной геологии, промысловой геологии, в области добычи и подготовки нефти и газа, проектирования и анализа разработки нефтяных и газовых месторождений. Давлет Мухамеджанович ведет активную работу с молодыми учеными и специалистами. С момента открытия Диссертационного Совета в Башнипинефти он являлся членом Методического Совета, а с 1998 г. – членом Диссертационного Совета по приему докторских диссертаций. Он свыше 35 лет являлся

членом Ученого Совета института. Им опубликовано 150 научных трудов и авторских свидетельств. Имеет сына Аскара Шейх-Али.

Всю жизнь прожил в Уфе: окончил школу, институт, без малого полвека работал в УФНИИ – БашНИПИнефть. За это время Давлет Шейх-Али Тынышпаев защитил кандидатскую и докторскую, прошел путь от инженера до заведующего научным отделом института – отдел свойств пластовых флюидов. Докторская диссертация посвящена динамике свойств нефтей в зависимости от времени эксплуатации месторождений. В 2005 г. переехал на родину отца, в Алма-Ату. В настоящее время он живёт попеременно то в Алма-Ате, то в Уфе, то в Чикаго.

16.15. Шейх-Али Аскар Давлетович, физик-металловед, проработав несколько лет в Национальной лаборатории высоких магнитных полей (США, Флорида, Таллахасси) и, защитив в Канаде (университет МакГил) докторскую диссертацию, вернулся в Казахстан, ныне профессор Казахстанско-Британского технического университета в Алма-Ате. Его сын Артур, правнук Мухамеджана, с рождения носит законную фамилию – Тынышпаев, в данный момент, проживает в США в штате Флорида.

* * *

Таким образом, аналитическим взглядом окидывая историю рода Шейх-Али, мы видим, что в ней отразились и триумфальные, и трагические страницы исторических судеб Кавказа, Казахстана и России, более чем 300-летняя история кумыкского, татарского и русского народов. К величайшему сожалению, почти не осталось на сегодня представителей рода Шейх-Али по прямой мужской линии у кумыков, известны лишь их представители среди русских и казахов.

Использованные источники и литература

1. *Бутков П. Г.* Материалы для истории Кавказа, т. 1. гл. 57.
2. Эндирей (город, селение) еще в источниках XVII в. считается столичным городом Засулакской Кумыкии (ныне территория Хасавюртовского, Казбековского, Кизилюртовского (частично), Бабаюртовского и Новолакского районов РД).
3. *Попов А. В.* Декабристы-литераторы на Кавказе. М. 1963.

4. Послужной список офицеров из азиатцев (сентябрь 1866 г.) // ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д. 191.
5. *Шихалиев Д.-М.*. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993. Предисл. С. Ш. Гаджиевой.
6. *Юсуфов Р. Ф.* Общность литературного развития народов СССР в дооктябрьский период. М., 1985.
7. *Алиев К.* Шейх-Алиевы в истории Кавказа и России // Махачкалинские известия. 1994, № 3,7,10.
8. Послужной список офицеров из азиатцев (сентябрь 1866 г.) // ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 191.
9. ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.4. Д.103.
10. ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.1085.
11. Предисл проф. *С. Ш. Гаджиевой* к первому изданию труда Д.-М. Шейх-Али «Рассказ кумыка о кумыках». Махачкала, 1993.
12. Предисловие проф. *С. Ш. Гаджиевой* к первому изданию труда Д.-М. Шейх-Али «Рассказ кумыка о кумыках» Махачкала, 1993.
13. *Алиев С. М.* Асрулары сезе гелген асыл сёз. Махачкьала, 1989.
14. *Алиев К.* Кумыки в военной истории России. Махачкала: Дельта-Пресс, 2010. С. 170–174; 3. *Тоган.* Воспоминания. – Москва, 1997. С. 525; *Алиев К. М.* Судьба потомков Девлет-Мирзы Шейх-Али // газета «Ёлдаш»/«Времена», 10 марта 2006 г.; *К. Алиев.* Забытые герои забытых войн России // «Времена» 04.08.2009.
15. *Тоган З. В.* Воспоминания. М. 1997.
16. Там же. Заметим здесь, что З. В. Тоган впоследствии – известный политический деятель, основатель Башкирской республики, соратник Ленина, политэмигрант, турецкий ученый-историк с европейским именем. З. В. Тоган называет Махмуда Шейх-Али «уфимским генералом» и, очевидно, по ошибке «уроженцем Дербента», «из дербентской знати».
17. Документы и письма из личных архивов А. М. Топчибаши и Дж. Гаджибейли (1903–1934 гг.)/Сост., предисл. и прим. *С. М. Исхаков.* – М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2012.
18. *Ахаев А. К.* Указ. раб. С.68.

19. *Роднов М. И.* Дворянская усадьба Южного Предуфимья (вторая половина XIX в.). Уфа, 2018.

20. *Алиев К. М.* Судьба потомков Девлет-Мирзы Шейх-Али // газета «Ёлдаш»/«Времена», 10 марта 2006 г.

21. *Ямаева Л. А.* Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. Уфа: Гилем, 2002.

22. *Ямаева Л. А.* Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение. Уфа: Гилем, 2002; «За Честь и Родину свою. Сб. материалов и воспоминаний». Уфа, 2016. С. 31–32; ГА РФ. Ф. 102.

23. Достопочтенная Ложка «Новый Свет» № 1989, Массонский Смешанный Международный Орден LE DROIT HUMAIN (Право Человека). Русская интермедия: ложка Аврора (1927–1945).

24. *Серков А. И.* История русского масонства. Санкт-Петербург, изд-во имени Н. И. Новикова, 2009.

25. *Серков А. И.* История русского масонства. Санкт-Петербург, изд-во имени Н. И. Новикова, 2009.

26. *Берберова Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Москва: Прогресс-Традиция, 1997.

27. *К. Алиев.* Кумыки в военной истории России. Махачкала: Дельта-Пресс, 2010. С. 170–174; 3. *Тоган.* Воспоминания. Москва, 1997. С. 525; *Алиев К. М.* Судьба потомков Девлет-Мирзы Шейх-Али // газета «Ёлдаш»/«Времена», 10 марта 2006 г.; *К. Алиев.* Забытые герои забытых войн России // «Времена» 04.08.2009.

28. *Ибрагимов Г.* Татары в революции 1905 года. Казань, 1926.

29. *Аминов Д.* Ислам в Санкт-Петербурге. СПб. 1993.

30. Отчет Мусульманского благотворительного общества в Санкт-Петербурге. СПб., 1909.

31. Д. Аминов в отношении их указывает, что «им доверяли командовать не только полками, дивизиями, корпусами, армиями, но также принимали в ряды императорской гвардии. Характерно то, что, будучи офицерами и генералами Российской армии, они оставались приверженцами веры своих предков, а именно мусульманами. Среди них были отпрыски казанских князей (мурз), крымских ханов, туркестанских эмиров, кумыкских князей-мусульман». См. также: отчеты Общества за 1909–1914 гг.

32. См. Отчет...С.35.
33. Там же.
34. Документы и письма из личных архивов А.М. Топчибаши и Дж. Гаджибейли (1903–1934 гг.)/Сост., предисл. и прим. С.М. Исхаков. М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2012.
35. *Ибрагимов. Г.* Татары в революции 1905 года. Казань, 1926.
36. *Фахрутдинов Р.Р.* Сират ал-Мустахим // Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. Казань, 2004.
37. Документы и письма из личных архивов А.М. Топчибаши и Дж. Гаджибейли (1903–1934 гг.)/Сост., предисл. и прим. С.М. Исхаков. М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2012.
38. Отчеты мусульманского благотворительного общества в Санкт-Петербурге за десятилетие, 12-й, 13-й, 14-й, 17-й годы деятельности. – СПб., 1909; 1910; 1911; 1913; 1917.
39. «Медресе-и-Алийе-и-Динийе» // Мир ислама. СПб., 1913. Т. 2, вып. VII.
40. Ирина Мушкина. Правнук хана, потомок дворян, офицер, конструктор, гражданин // Газета Республика Татарстан. Выпуск: № 160 (28542).
41. Цит. по: «Даже подпись приравнивали к политике» // Российская газета, 23.10.01 г.
42. Бадрутднова М., Галимуллина Г. Трагедия изобретателя// газета «Татарский мир» №4 (6315) 2010). Алиев К. Изобретатель // «Ёлдаш»/«Времена». 18.11.2008.
43. ГАСК. Ф.73. Оп.2. Д.471.
44. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп.5. Д.66.
45. *Алиев С.М.* Асрулары сезе гелген асыл сёз. Махачкьала. 1989.
46. *Ахаев А. К.* Указ. раб. С.71; а также: Магомедов А. Евразийский Дагестан: к итогам XX века. Махачкала. 2000. С. 191.
47. Список кадет Петровського Полтавського кадетського корпусу з 1840 по 1916 р.р. (алфавітний показчик); Профессора и доктора медицинских наук – сотрудники и выпускники ДГМА. Махачкала. 2007.
48. Татарские мурзы и дворяне: история и современность. Казань. 2010.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов
(г. Махачкала, Россия)

К ИСТОРИИ РОДА ЧАНКОВ ГУСЕЙНОВЫХ ПО ДАННЫМ НЕКОТОРЫХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX вв.

Сравнительно недавно автором было уточнено, что отцом погибшего в 1832 г. наиба имама Гази-Мухаммада шамхальского чанки Хасан-Хусейна, к которому по отцовской линии восходят Абдулла – Гъажи Гусейнов, скончавшийся ок. 1920 г., и его сын Гусейнов Хабибулла (1875–1966), был шамхал Мехти II, правивший в 1794–1830 гг. [1, 114–116]. При том, что имя Хасан-Хусейна широко упоминается в интернет-списках кумыкских мудиров и наибов Северо-Кавказского Имамата [2], а также предводителей восстаний кавказцев и значимых личностей Имамата [3], жизнь и судьба его потомков освещены еще в недостаточной степени.

Так, Гусейнов Абдулла-Гъажи был видным богословом, поддерживавшим движение Шамиля и дважды побывавшим в Мекке, затем мухаджиром в Турции, где в Стамбуле преподавал в медресе при мечети Айа-София. После возвращения из Турции, в результате неустанного труда, начав с торговли скотом, основал и стал главой торгового дома «Гусейнов и сыновья» с отделениями в г. Хасавюрте, сс. Эндирей, Костек и Аксай Хасавюртовского округа Терской области, был купцом первой гильдии (к ней отно-

сились лица, занимавшиеся оптовой торговлей [4]), располагавший в 1917 г. постоянным капиталом св. 18 тыс. рублей (на счете в Русско-азиатском банке). В период гражданской войны, несмотря на преклонный возраст, принимал активное участие в событиях, имевших место в с. Эндирей. Был собственником обширных земель, включая лесной массив Карагач, земельных владений в Хасавюртовском округе Терской области, в пределах которых возникли в дальнейшем несколько нынешних населенных пунктов [5, 52].

Что касается документов, связанных с жизнью и деятельностью Абдуллы-Гъажи Гусейнова после возвращения из Турции, то на сегодняшний день распоряжении автора имеется копия документа за 1888–1889 гг. о полюбовном размежевании дачи Хамакат-Юрт в Хасавюртовском округе Терской области. Оно было произведено по прошению подпоручика Алимсултана Клычева с жителем селения Кандараул Абдуллой Гусейновым. Речь идет о покупке участка в 4739 десятин из земель, принадлежавших княгиням Уцмиевым и Каплановым [6] (автор выражает свою признательность канд. ист. наук Идрисову Ю. М., любезно предоставившему ему фотокопию данного документа).

Хабибулла Гусейнов – старший сын Абдулы-Гъажи также был купцом первой гильдии, но уже занимавшимся не только оптовой торговлей в пределах России (Москва, Нижний Новгород, Царство Польское), но и заграничной (Иран, Австро-Венгрия, Германия), как затем требовалось для купцов этой гильдии. Являлся крупным земельным собственником, владения которого включали в числе прочих заречную часть нынешнего г. Хасавюрта и основанное [на его землях 1144 десятины] немцами-арендаторами с. (Ново-) Романовское Хасавюртовского (Кумыкского) округа Терской области (ныне Люксембург Бабаюртовского района Республики Дагестан) [7], а также, возможно, иные земельные владения, полученные по наследству, об одном из которых уже было сказано в предшествующем изложении. Поддерживал партнерские, в т. ч. дружеские, отношения с известными азербайджанскими промышленником Г. З. Тагиевым и композитором Узеиром Гаджибековым, связи с последним из которых продолжались и в советское время,

о чем будет сказано в последующем изложении. Преследовался в годы Советской власти и был вынужден неоднократно менять место жительства (Эндирей, Хасавюрт, Баку, Махачкала, Грозный), потерял на фронтах Великой Отечественной войны двух сыновей из четырех. Был лично знаком со многими духовными деятелями Дагестана 20–30-х гг. XX в. и, с возвращением в 1944 г. из Грозного, стал казначеем [впервые учрежденного тогда же] Духовного управления [муфтията] мусульман Северного Кавказа и Дагестана в г. Буйнакске. В 1949 г. вместе с семьей сына Абдул-Кадыра переехал в г. Хасавюрт, где и скончался в 1966 г. [5, 52].

До революции Хабибулла особенно часто бывал в Баку, где он имел дружеские и, надо полагать, коммерческие связи со знаменитым азербайджанским промышленником и меценатом Гаджи Зайналабидом Тагиевым (1823–1924). И старшая из детей Хабибуллы Патимат, родившаяся в 1910 г., успела закончить лишь начальный класс первого (с 1901 г.) в России, основанного Г.З. Тагиевым, женского училища имени императрицы Александры для девочек-мусульманок, которое фактически прервало свою деятельность в начале 1918 г. [8, с. 209, 214]. Там же, в Баку, по «протекции» Хабибуллы чеченка Миспах – двоюродная сестра его жены Вазипат – дочь купца первой гильдии Тарама Мирзоева из Грозного и старшая сестра матери автора этих строк, выходит замуж за его друга Абдулаева Мустафу, тоже купца первой гильдии, эмигрировавшего после гражданской войны в Иран. После этого Миспах Мирзоева возвращается в Грозный и спасает семью своего отца [9, с.480].

Сын Хайбуллы, отец автора Гусейнов Абдул-Кадыр Хабибуллаевич (1913–1958) – торгово-хозяйственный работник, начавший с конца 20-начала 30 гг. XX в. свою трудовую деятельность в г. Баку для поддержания переехавшей сюда семьи и продолживший ее в г. Грозном. Как сын лишенца, не получил полноценного образования. Был репрессирован и провел три (1937-1940) года за пределами ЧИАССР, занимаясь тяжелым физическим трудом на стройках народного хозяйства. Участник Великой Отечественной войны, в первой половине 50-х гг. XX в. – директор межрайонной базы Дагпотребсоюз в г. Хасавюрте [10, с. 78–80].

К довоенному советскому периоду жизни семьи Гусейновых относятся архивные документы, фотокопии которых также были любезно предоставлены в распоряжение автора канд. ист. наук Идрисовым Ю. М. Это начатое 11 января 1931 г. и оконченное 26 мая 1931 г. личное дело №935 торговца Гусейнова Хабибуллы, жителя селения [бывшей слободы] Хасавюрт Хасавюртовского района Дагестанской АССР из Центрального Государственного архива НКВД Дагестанской АССР [11]. Оно начинается заявлением от 7 марта 1930 г. в Президиум Хасавюртовского РИКа «гражданина слободы Хасавюрта Гусейнова Хабибуллы», который «согласно Постановления слободского избиркома... лишен в праве голоса» (т. е. относился к лишенцам, их в 1929 г. было ок. 4 млн. из 93 млн. человек населения СССР в 1926 г., которые могли находиться в этом статусе до 5 лет, до середины 1930-х гг. они, ввиду своего прошлого социального положения, как представители эксплуататорских классов не получали карточки на продовольствие и потребительские товары, что по сути лишало их права на существование, дети лишенцев не могли учиться в старших классах школ и вузах, положение о них было отменено только в конце 1936 г., а до этого только 20–25% лишенцев были реабилитированы [12]).

На реабилитацию рассчитывал и Хабибулла: не случайно обращение свое в Президиум Хасавюртовского РИКа он мотивирует тем, что ему же 55 лет, и он единственный трудоспособный член семьи, состоящей из 8 душ, находящихся исключительно на его попечении, страдает близорукостью с 1910 г., утратив 70% зрения, и грыжей правого пахового кольца, что подтверждается им справками врачей и, наверное, мной лично, помнившим все это с детства. Несмотря на это, в 1920–1923 гг. жил доходами от сада площадью в одну десятину и огородом, а затем по причине слабого здоровья в 1924 г. служил приказчиком в магазине, в 1925–1927 гг. с двумя компаньонами торговал в магазине. После, будучи безработным, до февраля 1929 года жил обработкой сада и огорода и до марта 1930 г. был приказчиком у частного. Однако решением специальной комиссии по разбору заявлений лишенцев Хасавюртовского района от 29.05.1930 (протокол № 3, инструктор

Казбеков) ему было отказано в просьбе из-за отсутствия 5-летнего трудового стажа. Хайбулла в связи с отказом районной комиссии обращается 25.06. 1930 г. в Москву в Центральную избирательную комиссию при ВЦИК, но она в мае 1931 г. переправляет его заявление с дополнительно высланными им туда же справками в ЦИК Даг. ССР.

Отсюда оно, по всей видимости, попало в НКВД и впоследствии было передано в его в архив. Возможно, это могло быть вызвано обострением ситуации в Дагестане в период коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса в 1929–1931 гг., которое первоначально разворачивались в более зажиточных кумыкских районах на равнине. В ходе этих процессов немалая часть крестьянства (более 20 тысяч) была лишена избирательного права [13], т. е. стала лишенцами, что и вызвало более негативное отношении к семье со стороны местных властей.

Поэтому заранее предупрежденный своим зятем, работавшим в районном ГПУ, Хабибулла со старшими сыновьями Абдурахманом и Абдул-Кадыром (младшие сыновья-подростки Абдуразак и Абдулхалим, которые впоследствии не вернутся с войны, уйдут пешком морозной зимней ночью вместе с матерью, которая несла на плечах малолетнюю племянницу, из с. Эндирей в г. Хасавюрт (нынешнее расстояние 13 км по шоссе), а самый младший сын Бийсултан, оставленный у кормилицы в с. Эндирей, скончается от менингита) уезжает в Баку.

Здесь их приютил почти на год случайно встретивший их на железнодорожном вокзале выдающийся азербайджанский композитор Узеир Гаджибеков, с которым был близок еще с досоветских времен Хабибулла Гусейнов. Он также случайно познакомился с ним еще до революции и, надо полагать, до начала Первой мировой войны в Берлине, где находился по торговым делам. В первой же беседе с Хабибуллой Гаджибеков сообщил ему, что он является кумыком по происхождению, что, видимо, способствовало их большому сближению. Об этом свидетельствует и тот факт, что еще до революции 1917 г. брат Узеира – Джейхун Гаджибейли (1891–1962), автор циклов статей «Петербургские письма», «В мусульманской фракции», «Заметки мусульманина»

в газете «Каспий», подписывался псевдонимом Дагестани в честь своих предков – выходцев из Дагестана [14, 79,80].

Вместе с тем известна приписываемая Рамазану Халилову, покойному директору мемориального дома-музея Узеира Гаджибекова, газетная публикация, якобы переданная в начале 1990-х гг. Т.М. Айтберову. Согласно ей, братья Гаджибековы являются внуками муллы Магомеда из Хунзаха, якобы приглашенного кумыкским князем Хасайханом Уцмиевым – мужем известной поэтессы Натаван Хуршуд Бану, дочери последнего карабахского правителя Мехтикули-хана, для содействия совершения пятничного намаза по суннитскому обряду [15], что не выдерживает элементарной критики, если сравнить эти данные хотя бы со сведениями Энциклопедии «Узеир Гаджибеков» [16]. Анализ этих данных не входит в число задач данного исследования и может стать предметом дополнительного анализа в специальной публикации.

В заключении следует подчеркнуть, что тем самым Узеиром Гаджибековым, брат которого – вышеупомянутый Джейхун Гаджибейли, как и многие представители местной интеллигенции, с советизацией Азербайджана, эмигрировал во Францию [17], был совершен очень мужественный для того времени поступок. И все это, несмотря на то, что, как отмечают исследователи его жизни и творчества, «У. Гаджибеков всегда опасался репрессий» [17] и до постановки оперы «Кёроглы» в 1938 г. постоянно сохранялась опасность ареста композитора и возможных репрессий [18].

Таковы некоторые, ранее не обнародованные, обстоятельства истории рода чанков Гусейновых рассмотренного периода в его широком контексте. Дальнейший анализ этих и иных, в т.ч. вышеупомянутых и опубликованных, материалов, имеющихся в распоряжении автора, позволит, как он надеется, приступить к их монографическому обобщению и изложению.

Использованные источники и литература

1. *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Имамы и шамхалы в Кавказской войне: некоторые аспекты взаимоотношений в контексте вопроса о легитимности верховной власти // Материалы Международной науч-

ной конференции «Традиционный Ислам в России и выдающийся башкирский ученый-теолог, просветитель мусульманского мира шейх Зайнулла Расулев». Уфа, 2018.

2. http://www.vk.com/wall-75535816_190515?&offset=80.

3. 35 известнейших кумыков – предводителей восстаний кавказцев и значимых личностей Имамата // <http://www.medium.com/@arсланxz/35-известнейших-кумыков>

4. Купечество-Генеалогия// <https://rusgenealogy.clan.su/forum/44-437-1>

5. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Имамы и шамхалы в Кавказской войне. К 180-летию гибели Хасан-Хусейна // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала, 2014. С.50–59.

6. ЦГА РД. Ф. 147. Оп.5. Д. 95. Л.1–30.

7. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Немцы, которых мы потеряли и которые с нами...: новые факты из истории взаимоотношений немцев и кумыков Дагестана// Материалы 4-й Международной научно-практической конференция «Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию)». М., 2013. С.49–51.

8. Джаббаров Фархад. Из истории женского училища Г.З. А. Тагиева. Баку, 2011. 392 с.

9. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Абдурахман Мирзоев – завуч Грозненского учительского института (? – 1942) и род Мирзоевых в истории Чечни XIX- первых десятилетий XX веков // Материалы Международной научно-практической конференции «Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии», посвященной 80-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». Грозный, 2018. С.475–482.

10. Кумыкский энциклопедический словарь. Махачкала, 2012. 2-е изд. 400 с.

11. ЦГА РД. Ф. 37. Оп. 17. Д. 935. Л.1–30.

12. Богомаз Т. Лишенцы-изгои в собственной стране//<http://tvplus.dn.ua/pg/news/8/full/id=5132/>

13. Разаков Р. Ч. Политика сплошной коллективизации сельского хозяйства в Дагестане // Научный диалог. 2016. № 11 (59).

С.304–316.

14. *Сеидзаде Д. Б.* Азербайджанские депутаты в Государственной Думе России. Баку, 1991.

15. *Халилов Рамазан.* О происхождении Узеира и Джехуна Гаджибековых. История одной аварской семьи, осевшей в Карабахе// МК в Дагестане. 22 июля 2014.

16. Энциклопедия «Узеир Гаджибеков» // [http. www.kitabklubuorg/jensiklopedija](http://www.kitabklubuorg/jensiklopedija)

17. *Фараджев Сардар.* Свою миссию Узеир Гаджибеков выполнил до самого конца// [http. www/Узеир%20Гаджибеков/1290804.html](http://www/Узеир%20Гаджибеков/1290804.html)

18. Гаджибеков Узеир Абдул-Гусейн оглы // ru.wikipedia.org/wiki/Гаджибеков_Узеир_Абдул-Гусейн_оглы...

С. О. ЗВОНОК

(г. Ставрополь, Россия)

К ВОПРОСУ О ЗАСЕЛЕНИИ КУБАНИ В ЭПОХУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Вопрос о первенстве заселения Кубани в эпоху Российской империи сегодня до сих пор имеет различные оценки в трудах историков, высказываниях политиков и казаков и, на наш взгляд, он стал носить конъюнктурный характер. Приоритет отдается Черноморскому Войску, сиречь бывшему Запорожскому, которое стало прибывать сюда лишь с 1792 года. Но и тут ответ не очевиден. На самом деле все как всегда сложнее.

Кучук-Кайнаджирский мир 1774 г. распространил права России на Крым, а в 1783 г. Крымский хан отказался от престола в пользу России, и Кубань была объявлена пограничной рекой на Кавказе. На правом, высоком ее берегу, Российская империя стала осваивать новую территорию. На саму Кубань и в предгорья Кавказа прибывали с войсками сначала служить, а потом, выходя в отставку, оставались жить сначала русские солдаты, нижние чины из офицеров в солдатских слободках. Потом уже было массовое правительственное переселение казаков с Дона, Юга Восточной Малороссии и из восточной Малороссии; сюда прибывали крестьяне-однодворцы, государственные крестьяне, крепостные в новые северокавказские имения дворянской знати. Тщательно изучив по картам берега Кубани, генерал А. В. Суворов делает вывод, что правобережье совершенно открыто для набегов ногайцев и черкесов на русские границы. В 1778 г. Суворов принимает решение

построить вдоль правого берега Кубани цепь оборонительных сооружений. Это были полевые укрепления из местного материала – треугольный или трапециевидный ров, над ним тонкий вал. В боковых сторонах прорезались пушечные амбразуры. Устраивали «волчьи ямы-ловушки». В этих укреплениях солдаты и жили.

Еще с 1770 г. началось переселение и волжских казаков (сформировано как Волгское войско из Донских казаков в 1734 г. императрицей Анной Иоанновной) на Терек и на линию между Моздоком и Азовом. Это вызвало недовольство донцов, вылившееся в почти поголовную поддержку пугачевского бунта. Пугачева встречали в станицах Войска с хоругвями и хлебом-солью; казаки влились в его войско, образовав Дубовский полк. Участие в крестьянской войне окончилось для Волжских казаков упразднением войска и ускоренным выселением «за вины» на Северный Кавказ. Правда, часть их уклонилась от переселения, либо потом они бежали с Кавказской линии назад на Волгу.

В 1777–79 гг. Хоперский полк Астраханского казачьего Войска, в количестве 3.000 душ обоего пола, состоящий из бывших Земли Войска Донского казаков, тогдашней Воронежской губернии, был переселен на Кавказскую укрепленную линию, которая проходила от Черкаска на Дону на Ставрополь и до г. Моздока на Тереке. Вначале переселен был полк, а потом семьи казаков с их пожитками. При укреплениях Ставропольском, Донском, Московском и Северном они образовали четыре станицы тех же названий. В 1816 г., на новом месте, к Хоперскому полку были приписаны в казаки 109 военнопленных поляков и абазин. Остальные станицы до Моздока в 1777 г. наполнили Волжскими казаками с сохранением их названия. Что примечательно, судьба казаков и поддержавших бунт, и решительно усмирявших его, была одна на всех. Несмотря на это, старые Хоперцы всю жизнь гордились тем, что не участвовали в войне Емельяна Пугачева.

Командовал в этой части Кавказа генерал И. В. Якоби [1,4]. С объявлением Манифеста Екатерины Второй от 8 апреля 1783 г. уничтожалась и независимость последних ногайских юртов. Попытка начать переселение ногайских родов в бывшую Большую Ногайскую орду в июле 1783 г. привела к восстанию местных но-

гайцев под руководством Канакай-мурзы, Тав-солтана, Нурадина, Али, Кара-исмаила и Муса-Веса. 1 октября в битве на реке Ея, восстание было подавлено полками А. В. Суворова, калмыками и Донскими казаками. Причем казаки и калмыки сражались «за добычу». Последствия были трагическими для ногайского народа. В следующем сражении у устья Лабы героически погибли все руководители восстания, пали практически все мурзы некогда могущественных Етишкульских, Етисанских, Джембойлуковских племен со всем взрослым мужским населением. Так образовалась лакуна в Приазовье. Левобережная часть Кубани оставалась занятой адыгами, абазинами, карачаевцами и сумевшими избежать разгрома ногайцами.

А Правобережную Кубань пришла пора заселять. С 1788 г. впереди Кавказской Линии по правому берегу Кубани, вверх по ее течению, начиная от Воронежского редута, солдатами русских полков Кавказской армии был построен ряд укреплений. Неоценимую помощь им оказывали приходящие на временное расквартирование Донские полки. Еще до окончания русско-турецкой войны и заключения Ясского мирного договора в декабре 1791 г. генералом И. В. Гудовичем был составлен план заселения слабо укрепленных участков, на которых должны быть созданы 12 новых станиц по Кубани. Этот проект в основном был одобрен Екатериной II. Предполагалось поселить 6 казачьих полков донских казаков, находившихся на службе, на Кавказской линии [2]. Но такая мера вызвала бунт, и казаки, оставив своих старшин, «позабрав знамена», ушли на Дон, вызвав там всеобщее смятение [3, 4]. Тем не менее, краткосрочно в эти три года Дон все же отправлял для укрепления крепостей и редутров строевых казаков. Для усмирения непокорных были посланы регулярные войска. Только через 3 года удалось отправить на Кавказ на постоянное местожительство лишь 1000 семейств (4700 душ обоего пола) вместо предполагаемых 3 тысяч казачьих семейств, из которых Гудович образовал Кубанский линейный казачий полк, поселенный в 6 станицах: Усть-Лабинской, Кавказской, Григориполисской, Прочноокопской, Темнолесской и Воровсколеской. Старожилов данных станиц в XIX в. называли «кнута-бойцами», напоминая

им о наказании их предков – бунтовщиков секли плетью перед переселением на Кубань. Они составили первое население Старой Кубанской укрепленной линии на дистанции от Усть-Лабинской крепости до Урупа [4].

В 1794 г. состоялось переселение донцов на Кубань, причем для поселения «за вины» были назначены казаки из станиц, оказавших наибольшее сопротивление. Всего было переселено 1000 семейств. Вместе с Донскими казаками были переселены и 125 семейств остатков Волжских казаков, поддержавших еще Емельяна Пугачева, и продолжавших жить в районах старого Волгского Войска. Из них был сформирован Кубанский полк и поселены они были станицами: Усть-Лабинской, Прочноокопской, Григорополиской, Темнолесской и Воровсколесской. Близ нынешнего Кропоткина возникла крепость Темижбек (Павловская), а с 1793 генерал И.В. Гудович назвал ее Кавказской. В 1794 г. основана станица Кавказская (из казаков древней донской станицы Романовской) [5, 2–3].

С этого момента Хоперцы оказались как бы «в тылу». Служба их заключалась в несении караульной службы в станицах и на постах второй линии, а также в готовности резервов на случай набегов горцев. Кроме того, они принимали участие в экспедициях регулярных войск Кавказской Линии за Кубань. Благодаря расположению станиц на месте службы, Хоперцы имели возможность заниматься сельским хозяйством, а потому жили они гораздо зажиточнее соседей.

Исторический факт свидетельствует, что лишь в сентябре 1792 года Антон Головатый высадил на берегу Таманского полуострова первую партию Черноморских казаков. В 1793 г. был основан город Екатеринодар, а в Приазовье появилось 38 куреней, ставших станицами с теми же названиями, что и на Запорожье. Сегодня именно эта дата – 1792 г., – стала отправной в изучении истории Кубани. Широко отмечается праздник высадки в построенном Выставочном комплексе «Атамань» – казачьей станице под открытым небом. Странно, что при этом в галерее Атаманов Кубани мы не увидим наказных атаманов Кубанского Линейного Войска. Нет там и портретов командиров Хоперского, Кубан-

ского и Кавказского полков. Нет там места даже князю Григорию Потемкину, который еще 1 марта 1790 г. был назначен Великим Гетманом, т.е. атаманом Екатеринославских и Черноморских казачьих войск и способствовал переселению Черноморцев на Кубань. Он же успешно командовал войсками на Кавказе с 1776 по 1791 г. Нет там и портрета и первого наказного атамана ККВ Николая Евдокимова. И роль остальных казаков в освоении Кубани, к сожалению, стирается из памяти. Я уж, не говорю о первом Кубанском Войске, давшего присягу Крымскому хану, имеющему все регалии Войска, которое сменило постепенно Войско Кубанское Игнатово Кавказское. Эти казаки здесь не только жили, но и осваивали местность. При этом они имели контакты со старой Родиной – Доном. Строили скиты и храмы, освящали источники вод, которыми пользуемся как святыми и ныне, например, у старого скита близ Темижбекской, куда староверы совершают паломничества до сих пор. Но освоение Старой линии в кубанской исторической науке остается второстепенным направлением исследований, хотя старшинство Кубанского Войска считают по «славному нашему Хоперскому полку» от 1696 г., и отмечают дату возникновения Войска по хоперскому старшинству, но менее торжественно.

В 90-х гг. XVIII в. государственная территориальная политика России приобрела ярко выраженную тенденцию к закреплению приобретенных земель путем создания на них мощных опорных пунктов, крепостей и укрепленных линий. Таким образом, после присоединения Правобережной Кубани к России начинается планомерное заселение края казаками, поскольку военно-казачья колонизация была испытанным средством, применявшимся российским правительством при занятии и освоении новых территорий.

Исходными этноопределяющими Кубанского казачества выступили три компонента: великорусский, донской, запорожский и малороссийский. В исторической литературе до настоящего времени распространены стереотипы и упрощенное рассмотрение черноморцев как «потомков запорожских казаков», а кубанских линейцев – только как «потомков донских казаков» [6, 45]. Уже к 1794 г. в Черноморском войске бывшие запорожцы составляли

не более 30%. Около 40% приходилось на долю «охотников», набранных во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг., а 30% составляли «прочие», примкнувшие к отрядам Захария Чепеги и Антона Головатого в причерноморских и приазовских степях [7, 7]. Костяком казаков-линейцев части Кубанской правой линии оставались выходцы с Дона, которые формировали идеологию и вырабатывали новые формы культуры, на которые равнялись вновь прибывающие и приписные. В работах ставропольского исследователя В. А. Колесникова вообще утверждается превалирующая роль в формировании линейного казачества Кубани выходцев из южно-русских однодворческих населенных пунктов и слободской Малороссии [8]. Однако, признать абсолютным это утверждение невозможно, ибо традиции казаков очень быстро приобретались вновь прибывшими и, за исключением фольклора, который они приносили с собой, остальное впитывалось ими и заставляло равняться на родовых казаков.

Даже генеалогические линии держались казаками строго десятилетиями, а то и веками. При этом служилые крестьяне-однодворцы не перенимали, например, солдатского фольклора и традиций солдатских слобод близ которых они поселялись, хотя казалось, они должны им быть ближе и понятнее. Казаковать этим людям нравилось. И оставшиеся разрывы Старой линии нужно было заполнить постоянно живущим населением. В 1802 г. состоялось переселение на Кубань казаков бывшего Екатеринославского Войска, изъявивших желание переселиться, дабы не потерять свой казачий статус. В указанном году были заселены здесь еще четыре станицы при редутах Ладожском, Тифлисском, Казанском и Темижбекском с одноименными названиями [9, 8]. Жителями этих станиц стали бывшие казаки Екатеринославского войска, переименованные в 1796 г. в гражданское звание. Они «в числе 3277 душ мужского пола предпочли спокойной жизни однодворцев переселение в беспокойный край из-за сохранения дорогого им казачьего звания» [10, 25]. Причем, как говорится в реляциях «основали на собственный кошт». Из них был образован Кавказский полк. Переселением на Северо-Западный Кавказ бывших казаков Екатеринославского войска было положено начало

массовому привлечению потомков «детей боярских», русских служилых людей к охране правого фланга Кавказской линии. Под наименованием «екатеринославские казаки», вопреки мнению некоторых современных исследователей, считавших их малороссами по происхождению, скрывались однодворцы бывшей Украинской линии, переведенные в 30-е гг. XIX в. из Белгородской засечной черты [11, 259]. (В давние времена это также был обмен: слободских казаков направили жить в Воронежскую губернию, а Белгородцев – под Екатеринослав (Донецкая область).

В 1804 г. на Кавказскую линию снова переселили 378 мужчин-однодворцев Слободжанщины, которые также прежде служили в Екатеринославском войске. Эти переселенцы основали станицу Воронежскую и вошли в состав Кавказского полка [12, 48]. В виду того, что Кавказский полк вклинился в расположение Кубанского полка, вскоре станица Усть-Лабинская была передана в его состав, а в Кубанский отошла Темижбекская. В 1804 г. создана пятая станица Кавказского полка – Воронежская, населенная однодворцами Змиевского уезда Харьковской губернии [13, 647]. С этого времени казаки Кавказской линии стали реальным оплотом на южной границе России против не мирных горских народов, продолжив кордонную линию, занятую черноморцами, от урочища «Изрядный источник» до урочища Темижбек и ст. Темнолесской. А с 1825–1826 гг. левый фланг Кубанского полка был выдвинут на берег Кубани. Ставропольская станица перестала существовать, а Покровская церковь по преданию на плечах отправилась к новому месту службы и жительства в ст. Баталпашинскую (ныне Черкесск). Из казаков и крестьян станицы Темнолесской здесь образованы станицы: Убеженская и Николаевская. Кубанский и Кавказский полки, с поселением на Кубани, получили достаточное количество земли, и сразу попали в хорошие экономические условия. Узнав об этом, донские казаки уже сами стремились на Кубань, но так как это приняло массовый характер, то начальством были приняты меры для прекращения самовольного ухода с Дона.

В 1826 г. на Кавказскую линию были вызваны с Дона Хоперцы и поселены в станицах Баталпашинской, Беломечетской, Невин-

номысской, Барсуковской и Карантинной, образовав 2-й Хоперский полк [14, 84]. После этого переселения Хоперцев, цепь казачьих поселений протянулась от Тамани до Константиноградской крепости и далее до устья реки Терека. Необходимо отметить, что начиная с 1785 г. было основано первое селение Новомарьевское под крепостью Ставрополь, а в ближайшие годы селений таких было несколько десятков, часть коих была в 1833 г. обращена в казачьи станицы, а жители приписаны в казаки. В целях усиления Войска, по распоряжению начальства, ряд сел этого региона: Расшеватское, Успенское, Рождественское, Новотроицкое, СENGилеевсксе, Надеждино, Бешпагир, – были включены в состав Кавказского Линейного Войска и переименованы в станицы. Впоследствии, уже из состава Кубанского Войска, часть этих станиц вновь была обращена в села Ставропольской губернии. Но память станичников о своем казачьем происхождении не удалось стереть и красным комиссарам. Таким образом, старыми полками Кубанского Войска на Линии были: Хоперский, Кубанский и Кавказский. Полки эти до 1832 г. жили каждый обособленно и подчинялись Командующему Кавказской Линией, а через него высшему Кавказскому начальству. С 1832 г. они вместе со Ставропольским полком и пятью полками на Тереке образовали Кавказское линейное казачье войско, которое воевало до 19 ноября 1860 г. [15, 25–26] Но Войско это получило первое Положение о себе лишь в 1845 г., а до тех пор Наказной Атаман его был лишь ходатай за своих казаков перед высшим начальством, которое распоряжалось ими по своему усмотрению. Первое и единственное Положение о Кавказском Линейном Войске было издано в 1845 г. Земля по нему была разделена на 17 полковых округов. Войско должно выставять Команду Конвоя Его Величества, 17 конных полков, конно-артиллерийскую бригаду и Дивизион в составе Кавказского конно-иррегулярного полка. Войско подчиняется командиру Кавказского отдельного корпуса. Во главе Войска – Наказной Атаман. В станицах были станичные атаманы по назначению начальства [16]. Наказные Атаманы Кавказского Линейного Войска: Верзилин Петр Семенович. 1832–1837 гг.; Николаев Степан Степанович. 1837–1848 гг.; Круковский Феликс Антонович.

1848–1852 гг.; князь Эристов Георгий Романович. 1852–1955 гг.; Рудзевич Николай Александрович. 1855–1860 гг.

В 1833 г. состав линейцев Кубани был увеличен новыми переселенцами из числа жителей казенных селений и трех станиц, отдаленных от Кубанского и Хоперского полков, из которых был образован Ставропольский казачий полк. По данным первого наказного атамана Кавказского линейного войска генерал-майора П. С. Верзилина на 31 марта 1837 г., казачье население Кубанского, Кавказского, Хоперского, Ставропольского и Волгского полков составляло 56702 душ мужского пола, размещенных в 54 станицах [17]. Тем не менее, вопрос о пополнении Кавказского линейного войска не терял своей актуальности, и кавказское начальство не упускало ни одного случая, чтобы превратить не только казенных крестьян, но и горожан в казачье звание. В 1837 г., например, когда заштатный город Александров был причислен к Хоперскому казачьему полку, то позволено было выехать в другие города только купцам православного вероисповедания, а всех других «без исключения, к какому бы сословию они не принадлежали, зачислить в казаки» [18, 1]. Существует и старинная былина на этот счет: якобы в г. Александров возросло влияние секты жидовствующих, а потому на перевоспитание жителей и приписали в казаки. Так в КЛВ появились жидовствующие казаки [19, 184–187]. Кроме того, в состав линейных казаков переводились и многочисленные семейства казенных поселян, живших в казачьих станицах и потерявших кормильцев, а также нижние военные, гражданские чины, взятые на службу из тех селений, которые в 1832 г. были обращены в казачьи станицы [20, 19–20].

В 1841 г. созданы станицы: Лабинская, Чамлыкская, Вознесенская и Урупская и сформирован Лабинский полк. Для заселения Лабинской линии были вызваны по жребию, с допуском охотников, казаки с Линии, переселенцы из малороссийских губерний, а также отставные солдаты Кавказской армии. В то же время обращены в станицы несколько сел: Тихорецкое, Терновское, Новопокровское и пр. В 1858 г. был основан ряд станиц уже за Кубанью, так называемая Новая Линия. В 1858 г. образована Урупская бригада и построены укрепления: Майкопское, Псебайское и ста-

ницы: Спокойная, Подгорная, Удобная, Передовая, Исправная и Сторожевая [21, 76]. Так Российское правительство создало необходимые условия для зарождения этногенетических процессов, приведших к возникновению новой восточнославянской общности – субэтнуса кубанское казачество [22, 155]. Его официальный статус был утвержден указом Александра II от 19 ноября 1860 г., в котором предписывалось: «Черноморскому казачьему войску именоваться «Кубанским казачьим войском». В состав Кубанского казачьего войска обратить первые шесть бригад Кавказского линейного войска в полном составе, с землею, которою они доселе пользовались, со всеми войсковыми и общественными заведениями и зданиями, в районе этих бригад находящимися» [23]. Служба Линейных полков, как и Черноморских, состояла в охране границы от набегов народов закубанских, в ответных походах за Кубань и в участии во внешних войнах России. Холодный хронологический перечень, но за ним реки пролитой казачьей крови в борьбе с горцами, начиная с переселения на Кубань и вплоть до полного покорения Кавказа в 1864 году. Горцы всегда говорили своим сыновьям: «Крепость похожа на камень, ее разрушат ветер, солнце и дождь, а станица похожа на растение она укореняется на нашей земле». И потому станицы и села подвергались наиболее частым нападениям молодых наездников из-за Кубани. Такова краткая история Хоперских казаков, которые в октябре 1919 года, находясь в корпусе ген. Шкуро в братоубийственной гражданской войне, с победными боями против красных достигли границ утерянной ими в 1777 году своей родины в Воронежской губернии. И, затем, горькою долею своей казачьей судьбы – красными армиями в жестоких боях были оттеснены на свою Кубань-Отчизну и, как и все Казачество, коммунистическою властью из Москвы упразднены в своем Казачьем родословии...

Сегодня можно отметить, что возрождение в обществе интереса к своим корням нашло отражение и в развитии исторической науки. Культурно-антропологические исследования со второй половины XX в. расширяют содержание самого понятия генеалогия. Генеалогия стала пониматься как социокультурное явление, представляющее собой совокупность представлений о родовом

прошлом не только индивида, рода, но и коллектива, и этноса с высокой конституирующей ролью в сфере общественного бытия. Тенденция генеалогических исследований XX в. выражена в появившемся к ней интересе в широких слоях общества – крестьянства, купечества, ремесленников [24]. Интересные результаты дает применение генеалогии в сочетании с исследованиями по исторической демографии казачества [25].

Использованные источники и литература

1. Фелицын Е. Д. Материалы по истории Северного Кавказа. Всеподданнейший доклад Г. А. Потемкина об учреждении Азовской линии и переселении на Северный Кавказ Волгского и Хоперского казачьих войск/Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1895. – Т. 3.

2. Бентковский И. В. Заселение западных предгорий главного Кавказского хребта // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883. – Т. 1.

3. Фелицын Е. Д. Побег с Кубани трех Донских полков в 1792 году, бунт на Дону и поселение станиц, вошедших в состав Кубанского конного полка 1895 года // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1898. – Т. 4.

4. Фелицын Е. Д. Указ. соч.

5. Ламонов А. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска (1794–1894) // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1898. – Т. 4.

6. Матвеев О. В., Ракачев В. Н., Ракачев Д. Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. – Краснодар, 2003.

7. Шевченко Г. Н. Черноморское казачество в конце XVIII – первой половине XIX в. Сословный строй. Социальные отношения. – Краснодар, 1993.

8. Колесников В. А. Одноворцы-казаки. – СПб., 2000. Он же. От служивых людей Московии: К 200-летию со дня основания Темжбекской, Казанской, Тифлисской, Ладожской и Воронежской станиц // Освоение Кубани казачеством: Вопросы истории и культуры. – Краснодар, 2002.

9. Могилевцев Н. М. Краткие исторические сведения о Кавказском конном полке Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1894. – Т. 3.

10. Орлов П. Памятка Кубанского казака. – Екатеринодар, 1914. – С. 25.

11. Колесников В. А. Указ. соч.

12. Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседствующих горских народах. – СПб., 1823.

13. Шахов Д. Воронежская станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883. – Т. 1.

14. Колесников В. А. Станицы Ставрополя. Историко-статистический и топонимический справочник (посл. треть XVIII в. – 1917 г.). – М., 2012.

15. Толстов В. Г. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896 гг. – Тифлис, 1900. – Ч. 1.

16. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): Собр. 2-е. – Т. 4. – Ст. 3205.

17. Бентковский И. В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Моздокские так называемые «крещенные калмыки». Извлечение из «Ставропольских губернских ведомостей». – 1880. – №№ 35, 38, 42.

18. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 318. Оп. 1. Д. 135.

19. Нутрихин Р. В. К вопросу об «иудействующих казаках» Юга России // Слава престолу, честь для себя. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: «Казачество в политической жизни России: история, формы самоуправления, культура, посвященная 400-летию призвания на царство Дома Романовых»/под ред. С. О. Звонок. – Ставрополь: СИЭУ, 2013.

20. ГАКК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 157.

21. Бентковский И. В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Заселение западных предгорий главного Кав-

казского хребта // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883. – Т. Г

22. Бондарь Н. И. Кубанское казачество в контексте проблемы: этнос – пространство – время // Старый Свет: Археология. История. Этнография. – Краснодар, 2000.

23. ПСЗРИ: Собр. 1-е. – Т. 35. – Ст. 36327.

24. Генеалогия [Электронный ресурс] // Энциклопедия Всемирная история. –

URL:https://w.histrf.ru/articles/article/show/gieniealoghiia_ghriech_genealogia_rodoslovnaia.

25. Славные дела славного полка. 320 лет Хоперскому полку. Материалы науч.-практич. конф./Под ред. С. О. Звонок. – Ставрополь, СИЭУ, 2017.

Из содерж.: Дюкарев А. В. Генеалогия Кубанского казачества как полидисциплинарный метод изучения Северо-Кавказского регионального пространства. С.117–120; Примакова Т. А. История моего рода (Из истории семей Хоперских казаков Александровского уезда кон. XIX – нач. XX веков.). – С.67–74; Беловолов В. В. Вопросы истории расселения казаков по Царицынско-Ставропольскому тракту. 75–83.

*Материал к публикации подготовила Н. А. Базюк-Звонок,
Ставрополь, 30.09.2019 г.*

В. И. Колесов
(г. Краснодар, Россия)

ГЕНЕАЛОГИЯ ЧЕРКЕСОГАЕВ БАРОНОВЫХ: СЕТЕВО-АКТОРНЫЕ СВЯЗИ ЧЕРКЕССКИХ АРМЯН И ГОРСКИХ ГРЕКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В СЕРЕДИНЕ XIX В.

Северо-Западный Кавказ в предколониционный период (конца XVIII –первой половины XIX в.) представлял собой совокупность небольших обществ, сообществ, групп, одни из которых в российском административном и научном дискурсе именовались «племенами», другие – «нациями», третьи не удостоивались никакой классификационной номинации. Эти группы возглавлялись князьями (в тех, где они были) и старейшинами, главами семей и выдвинувшимися в период Кавказской войны воинами. Среди этих адыгоговорящих сообществ чаще всего дисперсно, хотя в обозначенный период уже шла определенная интеграция, приведшая к появлению «особых» поселков (аулов), проживали «армяне» [1] (по самосознанию, этнониму, конфессии и статусу) называемые в документах сначала «закубанскими» или турецко-подданными (не забываем юридической принадлежности Закубанья до 1829 г. Османской империи), затем «горскими», в церковных метрических книгах – черкесогаями, при том, что сами они себя называли «эрмел» [2, 112–115] (турецко-татарский термин, обозначавший, в том числе, причастность к армянскому миллету [3, 15–22] Османской империи). Колонизационная политика

Российской империи и Кавказская война стали катализаторами переселения гетерогенных черкесогайских групп на территории, подвластные России – землю Черноморского казачьего войска (Гривенский Черкесский аул/курень/станица, Пашковский и Переясловский армянские поселки [4] при одноименных станицах, а также небольшие хутора/аулы на правом берегу р. Кубани черкесских владельцев, перешедших на сторону России) и Правый фланг Кавказской Линии (поселок около ст-цы Казанской [5, 7] и аул напротив ст-цы Прочноокопской – Армавир [6]). Интеграционные процессы среди черкесогайского населения Закубанья, обусловленные окончанием Кавказской войны и российской политикой, привели к формированию этноконфессиональной общности после объединения большинства армянских семей в Армавире в 1860-е гг. с выработкой своего этнолекта [7], как продукта смешения различных адыгских диалектов/говоров. В рамках анализа данной консолидации эффективным может быть латуровский подход, представляющий это явление как «процессы отнесения себя к той или иной группе, постоянно идущие процессы, состоящие из неопределенных, хрупких, противоречивых и меняющихся связей [8, 43]. Вот эти то «связи» представляется возможным проследить с помощью исследования семейно-брачных и иных социальных отношений и выстраивания родовых генеалогий. В качестве примера нами в статье будет проанализирована генеалогия черкесогаев Бароновых. В процессе работы с историографией и архивными источниками XIX в., нами было выделено несколько родовых групп Бароновых. Эти группы-семьи, возможно и не родственники, а только однофамильцы, проживали среди различных адыгских этнических обществ Северо-Западного Кавказа. Кроме того, важно отметить, что в российских делопроизводственных документах фамилия фиксировалась с различными вариациями: Барино, Баронов, Бароноглуев, Бароньянц.

«Екатеринодарская – Пашковская» группа. Состояла из Бароновых, служивших в Черноморском казачьем войске (ЧКВ) и основавшихся в Пашковском армянском поселке [9, 192–195]. Владимир Аведикович (Авдеевич) Баронов (1806 –?) с 1819 г. служил переводчиком с черкесского языка в ЧКВ. В 1831 содействовал

известному военному деятелю и ученому, капитану Г. Новицкому в сборе сведений в Закубанье. Участвовал в 1839 в переселении армянского аула из Закубанья на территорию ЧКВ (когда собственно и появился армянский поселок при Пашковском курене/станции), за отличия, оказанные в этом деле, пожалован был Серебряной медалью с надписью «За храбрость» на Георгиевской ленте. В 1845 г. вступил на службу в ЧКВ, с 1 января 1846 г. – переводчик с черкесского языка в канцелярии Наказного атамана ЧКВ, урядник (1846), хорунжий (1848). Владел разговорным русским и черкесским языками, по-армянски мог читать и писать. Женат был на Марии, дочери закубанского армянина Карпа Чентамирова. Владел в Екатеринодаре кирпичным домом и четырьмя кирпичными лавками [10, 363 об. – 365]. В апреле 1844 г. нахичеванский мещанин Вартирес Асвадурович Минасов-Баронов подавал прошение Наказному атаману ЧКВ Н. С. Заводовскому о причислении его в войсковое сословие, объяснив, что он происходил из «закубанских горских армян», в детстве родственниками был вывезен в Нор-Нахичевань, где обучился грамоте. С 1820 г. проживал по торговым делам в Екатеринодаре, женился на родственнице – дочери хорунжего ЧКВ Якова Чентамирова по имени Серма, у них появилась дочь Тиким. Не желая возвращаться в Закубанье, обзавелся в городе хозяйством. Во время 8-народной переписи (1833 г.) причислился в мещане Нор-Нахичевани. Незадолго до подачи прошения из-за Кубани переселился его брат (?) Асвадур Аведикович Баронов, который был зачислен в ЧКВ, в станицу Пашковскую. Вартирес в декабре 1843 взял увольнительную подписку в Нор-Нахичевани, позволявшую перейти в другое «ведомство». Желал проживать вместе с братом и родственниками Чентамировыми в Пашковском армянском поселке. Заводовский вроде бы просьбу отклонил, но в октябре 1844 Минасов-Баронов дал подписку, что по зачислению в казачье сословие останется в нем навсегда с потомками [11, 2–5, 10, 19]. Еще один Асвадур Аведикович Баронов, закубанский житель мирного хамышевского аула (в другом документе – аула прапорщика Инамисука), в 1849 г. пересек границу по р. Кубани с семьей на семи арбах и имуществом (16 штук рогатого скота, 11 буйволов,

5 лошадей, 200 баранов). Возможно, что это тот же самый Баронов, о котором речь шла выше. Он изъявил желание поселиться в ауле подпоручика Беберды Батокова, состоящем на Кавказской линии напротив станицы Казанской. Семья Асвадура Аведиковича (50 лет): жена его Майрам (36), дочери – Ганишхоз (6), Гошемаф (5), Голлуной (1), братья его Торос (30), Пшемаф (25), Яков (20), Разух (22), мать братьев Сирма (50), сестры Лашлон (14), Цу (8), жена Тороса Гаш (22), их дети сыновья Аслан (7), Арютин (4), дочь Бзу (6 мес.). По решению начальника правого фланга Кавказской линии Ковалевского должен был быть поселен в Армавир [12, л. 32, 34, 39, 41, 45]. Сопоставление семьи Асвадура Аведиковича Баронова и семьи Асвадура Аведикова, в апреле 1841 г. переселившейся из хутора поручика Тугуза Инелюкова в Пашковский поселок, позволяет утверждать о тождественности этих семей, потому что во второй семье тоже находились братья Асвадура – Тарас, Пшемаф и Яков [13, 152–153].

Параллельно вышеуказанной группе Бароновых представители этого рода оседали в Гривенском Черкесском ауле/курене/станице (т. н. «гривенская» группа). В 1834 г. в ней поселился Бох (Бях, Бах) Деолишин (т. е. Деолишевич) Б. (на 1835 г. ему 50 лет) с женой Хани-Марфой Демтировой (черкесская гречанка, сестра Петра Демтирова) [14, л. 38]. При собеседовании в канцелярии Наказного атамана ЧКВ Бох. Б. рассказал, что он уроженец шапсугских владений из а. Гатукай на р. Убин, отца его звали Джевлеше, мать – Цыцы, лет тридцать он жил в а. Депикой, принадлежавшем прапорщику Биберде Батоку (Батокову). Переходил границу вместе с женой Хани, дочерью Нашко (Насхо) и братом Шерухом (25 лет) [15, 287–289]. По ревизской сказке в 1835 г. в тогда еще Гривенском Черкесском ауле числились Бароновы: Чхолух Чаупович (60 лет), его жена Марьям (35), сыновья Базарук (40), Джанклиш (30), Мелкон (22), Апак (8), Нафрай (5), Пшемаф (1), дочери – Ацац (18), Дуд (16), Догарь (1), жена Базарука (Безрука) Серма (20), жена Джанклиша – Фяж (30), сын Джанклиша – Саркис (7). Сам Чхолух с тремя старшими сыновьями переселился из Закубани в 1821 [16, 1 об. – 4 об.]. В 1845 урядник Безрук Баронов был станичным судьей [17, 5, 28, 34 об.]. В 1847–1848 он же

указывал в документах на свое происхождение «из дворян» [18, 16]. При составлении списков 1848 г., помимо вышеуказанных, в станице числилась семья Гапака Б. (51 год) «из дворян»: жена его Мари (41), братья его Качадур (31), Хушпак (19) [19, 213–215]. Семьи Бароновых, вместе с другими черкесогаями станицы в 1848 г. были переселены в р-н Переясловской ст-цы, образовав одноименный поселок. Семьи Боха, Безрука, Джанклиша и Мелкона Бароновых фиксировались в нем до 1855 г. включительно [20, 14–18 об.]. Эти семьи и были теми восемью семьями Бароновых, которые по сведениям Ф. А. Щербины в конце 1850-х гг. переселились в Армавир, осев в самом позднем по времени появления квартале – Хакубхабле [21, 13]. В тоже время еще в 1848 г. вместо р-на Переясловской ст-цы в Армавир хотел переселиться житель Гривенской Черкесской ст-цы «Почетный старик житель сей станицы из Армян» Шовлух Баронов с женой Мерем, сыном Шумафом и дочерью Макрыт [22, 169]

Какая-то семья Бароновых в 1840-е гг. жила в хуторе корнета Алагуша Цухо при р. Кубани. Житель этого населенного пункта Даху Б. был награжден в 1844 г. единовременно денежной суммой 29 руб. 50 коп. «за отличие, оказанное в экспедиции 1842 года» [23, 120 об, 125]. Видимо, этот же человек, Тоху Баронов в 1846 г. живший в Закубанье в районе 2-й части Черноморской кордонной линии в ауле прапорщика Бейслана Улаока, перешел на российскую сторону при Великомарьинском посту с четырьмя арбами имущества, семьей из 8 чел., 28 штуками рогатого скота и 1 лошастью. Был направлен в Армавир [24, 59–59 об.]. Уже как житель Армавира («селения Армянского поселенного противу крепости Прочноокопской»), он прибыл в августе 1853 г. на Константиновский пост Черноморской кордонной линии с товаром, который, вроде бы, предназначался в уплату долга живущему в ауле князя Кончукова Нахупшу Баронову [25, 16–17].

В Армавире концентрировались и другие семьи Бароновых. Одна из фамилий Б. проживала среди хатукаевцев, и в 1839 г. переселилась в Армавир, вместе с другими армянскими семьями «хатукаевской» группы (Айдиновы, Шахановы, Сеферовы, Куликовы, Каплановы и др.). Другая фамилия Б. проживала среди

егерухаевцев. В 1839 г. вместе с другими «егерухаевскими» черкесогаями, 4 семьи Б. переселились в Армавир, где образовали самостоятельный квартал Егерухай. По рассказам, собранным Ф. А. Щербиной, Бароновы вели свое происхождение от крымских татар. По легенде крымский мурза, нечаянно убив ханского сына, скрывался в кавказских горах у черкес, и чтобы не быть выданным хану, женился на армянке и принял христианство [26, 9,12–14]. Позднее, в феврале 1853 г., житель Армавира Макар Баронов просил о дозволении переселиться для совместного с ним жительства четырех семейств его родственников: семейство армянина Гушмазука Б. жило у Джанклыша Хах Гаджимукова в ауле Хаджегабль, семейство Пака Б. у Хатука Салимчирея в ауле Хатугабль, два семейства Хапака Б. и Качадура Б. у Конемата Шунамукова в ауле Энем. В июне того же года энемские армяне переправились на российскую сторону при Мостовом Алексеевском укреплении и последовали в Переясловский армянский поселок: Качедур, Хуапак и Степан Б. с двумя женщинами и имуществом на двух пароволовых арбах и одной верховой лошади с рогатым скотом. В составленном именном списке зафиксированы: Гапак Б. (50 лет), его жены Мари (40) и Мафа (30), его братья Кашандир (30), Хушпак (18) и Степан (10). Кроме того, с ними из Энема переселился закубанский грек Семен Серафимов. Тогда же в июне 1853 г. из аула Пшемафа Кончукова переселилось 6 семей Бароновых и Айвазовых в Армавир. Семьи Бароновых: Сергей Б., его жена Буко, брат его Мартин, мать их Сирим, дочь Сергея Нануш Занизан, сын Артем; Христофор Б., его жена Дахацук, сыновья Бек Мурза, Князь, Крикор, дочери Каман, Карети, Ханифа; Христофор Б., мать его Хабзь, братья Мелкон, Шумаф, сестра Анна; Минай Б., братья его Нагой, Сергей, жена его умершего брата вдова Хацац, жена Титу Баронова, их дочь Тяфехан Усас. С ними были их крестьяне и имущество на 34 пароволовых арбах, 30 буйволов, 125 штук рогатого скота, 20 лошадей, 60 овец [27, 25, 48,51,57–59]. В 1859 г. житель Армавира Пшимиф Баронов просил «дозволения» вывести ему с четырьмя товарищами из-за Кубани его родственника Кучмеса Баронова. В прошении ему было отказано [28, л. 9–10].

В период Кавказской войны представители фамилии Бароновых участвовали в боевых действиях. В 1856 г. погиб Антон Б., в 1857 г. ранены Назар Б., Борок Б. Были награждены: милиционер Б. Егор Христофорович – медалями «В память царствования Николая I. 1825–1855», За покорение Западного Кавказа 1864 г. и крестом «За службу на Кавказе»; милиционер Мелкон Б. – знаком военного ордена Св. Георгия IV ст., медалями «В память царствования Николая I. 1825–1855», За покорение Западного Кавказа 1864 г.; юнкер Накар (Маркар) Б. – знаком военного ордена Св. Георгия IV ст., Серебряными медалями «За храбрость» в петлице и на шею, Золотой медалью «За усердие» на шею, медалями бронзовой «В память войны 1853–1856» и крестом «За службу на Кавказе»; юнкер Пшемаф (Хачерес) Б. – знаком военного ордена Св. Георгия IV ст., Серебряной медалью «За храбрость» на шею; милиционер Христофор Аракелович Б. – Серебряной медалью «За храбрость» в петлице, словесный переводчик Нижне-Кубанского приставства Даниль Б. – знаком военного ордена Св. Георгия IV ст. [29, 9, 69, 99, 107].

В 1860-е гг. несколько семей Б. были внесены в «Список лицам сел. Армавирского Кубанской области, заявившим о своем привилегированном происхождении»: Степан Б. (5 чел. м. п.), Иван Б., Саркис Б. (2 чел. м. п.), Исаак Б. (6 чел. м. п.), Кеворк Б. (4 чел. м. п.), Никогоз Б. (2 чел. м. п.), Агоп (3 чел. м. п.), Хачадур (2 чел. м. п.), Микирдыч Б. (2 чел. м. п.), Мелькор Б. (3 чел. м. п.), Иваниз Б., сын его Михаил (5 чел. м. п.), Саркис Б. (6 чел. м. п.), Аракел Б. (3 чел. м. п.), Минас Б., сын его Карп (2 чел. м. п.), Карабет Б., сын его Никита (3 чел. м. п.), Антон Б., сын его Лусеген (5 чел. м. п.), Барон Б. (3 чел. м. п.), Саркис Б. (3 чел. м. п.), Саркис Б. (1 чел. м. п.), Мартын Б, сын его Акоп (2 чел. м. п.), Давид Б., сын его Лазарь (2 чел. м. п.), Макар Б., сын его Ованес (2 чел. м. п.), Егор Б. (4 чел. м. п.), Крикор Б. (2 чел. м. п.), Карабет Б., сын его Никита (1 чел. м. п.) [30, 51–60]. Как вы видите, объединение в Армавире привело к концентрации в этом селении, будущем городе, и его окрестностях, большинства черкесогаев, превратив их, по существу, в т.н. «одноаульную» общность (этническую группу), так хорошо нам знакомую по дагестанским реалиям.

Вне контекста оказались лишь немногочисленные случаи таких упоминаний Бароновых в документах, когда их практически невозможно отождествить с другими более поздними персонажами. В июле 1819 г. среди поступивших в Екатеринодарский карантин из Закубани на «очищение» было несколько мальчиков – закубанских армян, следовавших в Нор-Нахичевань «для обучения армянской грамоте», в том числе, Аракел Баронов и Борух Барон (Баронов). Параллельно с ними «очищение» проходили приказчики войскового старшины (имеется в виду ЧКВ) Ханука (Магомет-Гирей Ханук – отец известного адыгского просветителя Султана Хан Гирея [31, 15–16]), среди которых фигурировал Закубанский армянин Бедрос Баронов, и работники закубанского армянина Описа Хандамова, среди них – Хамрис Баронов [32, 44 об. – 45,53–56 об.].

Метрические книги (МК) Успенской церкви Екатеринодара Астраханского епископата Армянской Апостольской церкви (самые ранние записи датируются 1832 г.) во многом позволяют не только увидеть межсемейные связи Бароновых в середине XIX в. с другими черкесогайскими и даже греческими родами, но и наметить генеалогию самих Бароновых. Екатеринодарские священники, обслуживая религиозные потребности/выполняя миссионерские задачи, ездили в закубанские аулы и населенные пункты проживания черкесогоаев в пределах ЧКВ. Совершенные ими обряды крещения и венчания свидетельствуют об отсутствии долгие годы церковного пасторского попечения над этими армянами. Например, в декабре 1846 г. в Гривенской Черкесской ст-це были обвенчаны вышеупомянутые Бох (Аствацатур) Баронов (68 лет, вторым браком) и «черкесогайская дочь» вдова Мариам Никагосовна (вторым браком, 50). Причем имеется примечание, что Бох, овдовев, женился на ней 23 года назад. Свидетелем на их венчании был грек Петр Демтиров [33, 45 об. – 46]. Сложность проведения генеалогических исследований обусловлена наличием, во многих случаях, как минимум, двуименности черкесогоаев, имеющих черкесское (бытовое) имя, доминировавшее всю первую половину XIX в. и армянское (церковное) имя, постепенно к концу столетия вытеснившее адыгское [34, 176–180]. В документах на

русском языке в первой половине XIX в. часто можно увидеть у Бароновых адыгские имена, в МК, написанных древнеармянским церковным языком (грабар) такие имена тоже встречаются, но намного реже, ожидаемо преобладают христианские имена. Мы видим в церковных записях уже известных нам Мелкона, Габаха, Атсатура (Асвадур или Аствацатур?), Гуджмазуха и др. Вартерес Аведикович был крестным у дочери прапорщика Бекмурзы Джантемирова (Чентамирова), что выглядит закономерным, зная, что сам Вартерес был женат на девушке из рода Чентамировых. По частности упоминания, этот черноморский казачий офицер Вардерес Баронов, наверное, чаще остальных встречается на страницах МК как крестный, распорядитель и свидетель на свадьбах.

Записи в МК продемонстрировали социальные связи Бароновых, закрепленные церковными обрядами крещения и венчания, с другими черкесогайскими родами – Назаровыми, Хамжиевыми, Акопджановыми, Миесеровыми, Дановыми, Айдиновыми, Шарпковыми, Аслановыми, Алтыбармаковыми, нахичеванцами Харановыми, Кирлиовыми (Кирлианами), Муратчаевыми.

Концентрация Бароновых в Армавире, практически полное исчезновение адыгских имен к 1870-м гг. поставило много вопросов в разработке единой генеалогии этого большого черкесогайского рода. На данном этапе логичным представляется выделение двух этапов истории рода, условно называемые, «закубанский» и «армавирский», между которыми очень затруднительно провести генеалогическую линию из-за сложности определения преемственности лиц с адыгскими и христианскими именами. Даже в тех случаях, когда приводилось параллельное имя, например, см. выше юнкер Пшемаф/Хачерес, то невозможно однозначно утверждать его место в родовой генеалогии. Можно предположить, что этот герой Кавказской войны тот самый Пшемаф, брат Асвадура и Тороса Аведиковичей, соответственно, тоже Аведикович, но в МК в 1840-е гг. зафиксированы два Хачереса, и ни одного Пшемафа: один Хачерес был женат на Хангирей Аслановне (у них дочь – Затик Варвара), другой Хачерес – на Варваре Гаспаровне (у них сын Мкртич). Другой пример: среди награжденных упоминался Христофор Араkelович, он несколько раз встречался

в МК в 1840-гг. как крестный и распорядитель свадьбы у своих родственников Бароновых, но как Хачатур Аракелович. В те же годы в записях мелькал Аракел Баронов – свидетель по невесте Мариам Аракеловны (возможно, его дочери) в 1845 г., свидетель по жениху на венчаниях Айвазовых, Саркисова, Каракашева в 1847 г. Но мы не уверены, что Аракел – отец Христофора/Хачатура Аракеловича. Документы и записи в МК позволяют исследовать синхронные («горизонтальные») связи, нежели выстраивать диахронные, «классические» генеалогические поколения.

Несмотря на все сложности, генеалогия является неотъемлемой составной частью истории семейной и, шире, этнической группы, особенно актуальной для таких дисперсных «сетевых» сообществ, как черкесогаи. И генеалогия Бароновых подтверждает данный тезис. Родственные, свойственные и «кумовские» связи соединяли черкесогайские семьи в единое сообщество.

Использованные источники и литература

1. *Харатьян Г. С.* Этническая история черкесогаев. Диссертация на соиск. учен. ст. канд. истор. наук. Л., 1981.

2. *Колесов В. И.* Горские армяне, черкесогаи, эрмелы: дискурсивные практики и наименование группы адыгоязычных армян // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы III Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2018 г.). Ростов н/Д, 2018.

3. *Ortaylı, İlber.* The Ottoman Millet System and it's Social Dimensions // Ortaylı I. Ottoman Studies. Istanbul, 2004.

4. *Короленко П. П.* Горские поселенцы в Черномории // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Выпуск III. Екатеринодар, 1902.

5. *Щербина Ф. А.* История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар, 1916.

6. *Ктиторов С. Н.* История Армавира (досоветский период: 1839–1918). Армавир, 2002.

7. *Набокова Н. М.* Морфологические особенности Армавирского говора адыгейского языка // Ученые записки Адыгейского

государственного пединститута. Майкоп, 1963. Вып. 2. Сер. филологическая. С. 118–130; *Набокова Н. М.* Фонетические особенности Армавирского говора адыгейского языка // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1964. Т. 20. Сер. филологическая. С. 24–39; *Набокова Н. М.* Особенности армавирского говора адыгейского языка Автореф. дисс. канд. филол. наук. Майкоп, 1964. 17 с.

8. *Латур, Бруно.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию/Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М., 2014.

9. *Колесов В. И.* Из истории Пашковского Армянского поселка (1839–1846 гг.) // Третьи кубанские литературно-исторические чтения: Материалы научно-теоретической конференции (доклады, научные сообщения, публикации)/Науч. ред. В. К. Чумаченко. Краснодар, 2001.

10. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 2. Д. 136.

11. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 374.

12. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 956.

13. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1648.

14. ГАКК. Ф. 324. Оп. 1. Д. 182.

15. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1333 а.

16. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 935.

17. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 728.

18. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1732.

19. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1841.

20. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1732.

21. *Щербина Ф. А.* История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар, 1916.

22. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1841.

23. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 597.

24. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 828.

25. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1370.

26. *Щербина Ф. А.* История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар, 1916.

27. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1343.

28. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1901.
29. *Щербина Ф. А.* История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринодар, 1916. Приложение № 1 «Список Армавирских армян, получивших ордена, награды и похвальные свидетельства».
30. ЦГА РСО – Алания. Ф. 262. Оп. 1. Д. 54.
31. *Вершигора А. Д.* Хан-Гирей: новые документы и источники. Нальчик, 2003.
32. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 749.
33. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 1.
34. *Колесов В. И.* «...Иванис, он же Чанклыш...»: Традиция сосуществования двух имен у адыгоязычных христиан Кубани в XIX веке // Традиции и обычаи народов России. Вторая российская конференция с международным участием (16–18 мая 2000 г., Санкт-Петербург): Тезисы докладов и сообщений в 2-х тт. Т.1. СПб., 2000.

О. В. Матвеев
(г. Краснодар, Россия)

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ АРГАТОВЫХ

Согласно распоряжению Председателя Правительства Российской Федерации Д. А. Медведева о 26 марта 2019 г. № 524-р хутору Октябрьскому Усть-Лабинского района Краснодарского края было возвращено историческое наименование Аргатов. Судьба семьи Аргатовых, связанных с основанием одноименного хутора, трагична вдвойне. Сначала Аргатовы попали под молот репрессий против крестьянства в начале 1930-х гг., затем прошли через тернии предвзятых оценок беспамятных земляков.

Каких-то только нелепых версий не выдвигали в связи с дискуссиями о возвращении хутору исторического наименования: якобы Аргатов был жестоким помещиком, привязывал детей крестьян к колесам телег, чтобы детвора не мешала работать батракам. Аргатыне якобы настолько ненавидели этого злобного эксплуататора, что, когда он умер, тайно выкопали тело помещика и бросили в речку, скормив ракам [1, 2].

По другой, более позитивной версии, озвученной в справке Усть-Лабинского районного краеведческого музея, Аргатов приехал из центральной России, имя его «история не сохранила», но будто бы он был грамотным казаком, поскольку имел за плечами четыре класса образования, просил общество станицы Усть-Лабинской о выделении земельного надела. Этот надел положил начало хутору, которому его обитатели дали имя в честь «старшего казака Аргатова». В 1870 г. у Аргатова родился сын Антон. Последний женился в 1893 г. на дочери казака Дашкова. У мо-

лодых родился сын Иван, при котором заселили сначала южный берег речки, затем северный. Эта версия подкреплена тем, что на хуторском кладбище имеются погребения Ивана Антоновича Аргатова (1893–1964) и его супруги Дарьи Матвеевны Аргатовой (1896–1970).

Обратимся к документам. Пока удалось установить немного, но должен разочаровать сторонников обеих версий. Ни помещиками (т. е. дворянами, владеющими поместьем), ни казаками Аргатовы не были. Из документов 1-й бригады Кубанского казачьего войска, хранящихся в Государственном архиве Краснодарского края, следует, что в 1865 г. государственный крестьянин Андрей Аргатов приобрел 60 квадратных саженой земли (это около 270 кв. м) на хуторах при р. Кирпилях у казака станицы Воронежской Павла Калинина [3, л. 50 об.]. За это он платил станице Воронежской посаженную плату 30 копеек в год, как иногородний, имеющий оседлость [3, 143].

К сожалению, документ не дает сведений о том, выходцем из какой губернии был государственный крестьянин Аргатов. Косвенным образом ответ на этот вопрос представляют данные метрических книг церкви ст. Воронежской, хранящиеся в Архивном отделе Администрации Усть-Лабинского района. За 1875 г. есть запись о том, что 3 февраля этого года были повенчаны государственный крестьянин села Николаевки Павлоградского уезда Екатеринославской губернии Исакий Андреев Аргатов, 25 лет и дочь казака ст. Воронежской Феодосия Гаврилова Головинова, 17 лет [4, 47 об.]. По-видимому, речь идет об одном из сыновей Андрея Аргатова.

Кроме того, в книге за 1880 г. сохранилась запись о том, что 22 ноября скончалась, а 24 ноября была погребена, скончавшаяся от лихорадки, Наталья Петровна Аргатова, 31 год, жена крестьянина Екатеринославской губернии Павлоградского уезда, села Никольского [5, 89 об.]. 21 февраля 1883 г. скончался «Екатеринославской губернии Павлоградского уезда, волости и села Николаевки крестьянина Ивана Аргатова сын Михаил», 11 лет от лихорадки [6, 91 об.]. Можно предположить, что речь идет о брате Андрея, прибывшем вместе с ним на Кубань. Если судить по возрасту его умершей

жены, Ивану Аргатову в 1865 г. могло быть примерно 17–18 лет. Тем не менее, эта линия Аргатовых не угасла. В метрической книге церкви станицы Раздольной (до 1903 г. хутор Праздничный) за 1912 г. нам встретилась запись о том, что 22 января этого года был рождён, а 23 крещён младенец Иоанн. Его родители: мещанин г. Екатеринодара Максим Иоаннов Аргатов и законная его жена Татьяна Романова. Среди восприемников упомянута наряду с казаком ст. Раздольной Ильёй Ефимовым Кундеровым дочь мещанина г. Екатеринодара Килина Иоаннова Аргатова [7, 12 об.].

Село Николаевка Павлоградского уезда было основано на р. Самара в 1776 г. как слобода Никольская Луганского пикинерного полка, население которого составляли бывшие бахмутские казаки, сербы, болгары, македонцы, греки так называемой Славяносербии. Командовал полком будущий вдающийся русский полководец М. И. Кутузов. Ф. Макаревский отмечал, что поскольку «Бахмутский казачий полк в городе Торе принадлежал к церкви Николаевской, составлял собою и с семействами своими приход Николаевский, то и новопоселяемую Мариенпольского уезда на р. Самаре местность велено именовать воинскою Никольскою слободою Луганского пикинерного полка» [8, 482–483]. Впоследствии Луганский полк послужил основой для Мариупольского гусарского полка, где и служили по-видимому, слобожане. В пореформенный период слобода была переименована в село Николаевку, а слобожане стали государственными крестьянами. Аргатовы – одна из старейших слобожанских фамилий, представители которой проживали в Николаевке и в середине XX в. [9]. Фамилия восходит к нарицательному прозвищу. В словаре украинского языка Б. Д. Гринченко *аргат* – «работник, наёмник», «рабочий на запорожских рыбных ловлях, большей частью бездомный бродяга» [10, 9]. Аргатами у украинских казаков называли наиболее бедных казаков, которые батрачили в Крыму, Молдавии, Валахии и др. Не случайно аргаты активно участвовали в движении гайдамаков, и из их среды вышли несколько вожаков повстанческих отрядов. Оказались, по-видимому, носители этого прозвища, а затем фамилии, и среди потомков бахмутских казаков, основавших Николаевку.

Андрей Аргатов, по-видимому был предприимчивым, инициативным, хозяйственным крестьянином. Не каждый покинет родные места, родственников и отправится искать счастья в дальние края, не каждый мог освоиться среди казаков ст. Воронежской, цепко державшихся за свои земельные и сословные привилегии. Ему удалось не только арендовать у воронежцев участок земли, но и перечислиться в сословие мещан города Екатеринодара. Помимо сына Исакия, родившегося у Андрея Аргатова в 1850 г., по метрическим книгам известны сыновья Алексей и Иван, дочери Мария и Марфа. Сына Ивана Андрей Аргатов женил на казачке, а дочь выдал за казака. Сохранилась запись в метрической книге о венчании 29 мая 1883 г. уволенного в запас рядового Ивана Андреевича Аргатова, 26 лет и станицы Воронежской казачьей дочери девицы Анисьи Андреевны Кундаревой, 19 лет [6, 68 об.]. 11 октября 1887 г. состоялось венчание казака Петра Ивановича Кудактина, 20 лет и мещанки города Екатеринодара Марией Андреевной Аргатовой, 18 лет [11, 89 об.]. Таким образом Андрей породнился с тремя казачьими фамилиями ст. Воронежской: Кандауровыми, Кудактиными и Головиновыми, чем значительно укрепил свой социальный статус. Дочь мещанина города Екатеринодара Марфа Андреевна Аргатова встречается в записях в качестве крестной казачьих детей [6, 12 об., 45 об. – 46].

Екатеринодарский мещанин Алексей Андреевич Аргатов также встречается среди крестных родителей казачьих детей ст. Воронежской и пос. Праздничного [12, 24 об. – 25]. Именно Алексей продолжил дело своего отца по укреплению хутора. В документе комиссии по рассмотрению жалоб о лишении избирательных прав за 1936 г. один из колхозников рассказывал: «Я знаю Аргатова Алексея Андреевича как бывшего крупного арендатора земли на 500 десятин. Эту же землю он сдавал бедным. Хозяйство крупное кулацкое, две паромолотилки, лошадей 5 штук, волов 3 штуки, мелкого скота 5 штук, волов 3 штуки, батраков двух, сроковых, никого из них живых не осталось. <...> Имел батраков сезонных до 30 человек. Это в год 3 человека. Он же занимался скупкой-продажей крупного рогатого скота в Ставрополе» [13, 5].

На самом деле, описанное хозяйство не особенно крупное: тогдашние зажиточные крестьяне имели гораздо больше. Но на сезонных рабочих, нанимавшихся до революции на уборку, сенокос и другие работы, материальный достаток, по-видимому, умение трудиться и вести хозяйство Аргатовыми оказывали глубокое впечатление. К 1917 г., судя по сельскохозяйственной переписи на хуторе уже было 9 хозяйств [14, 15]. Сохранившиеся в Усть-Лабинском районном архиве записи в метрических книгах показывают, что многие старались пригласить Аргатовых быть либо поручителями молодых, либо восприемниками (крестными) родившихся детей. Так, в 1882 г. Алексей Андреевич стал крестным у сына казака ст. Воронежской Стефана Семеновича Белякова вместе с казачьей дочерью девицей Меланьей Тимофеевной Лозиной [6, 73 об. – 74]. В 1891 г. Алексей Андреевич Аргатов опять стал восприемником дочери этого же казака Екатерины [11, 24 об. – 25]. 30 сентября 1911 г. родилась, а 1 октября была крещена Устинья, дочь Ванифатия Прохорова Овсянникова и жены его Матроны Васильевой. Восприемником Устиньи значится мещанин г. Екатеринодара Алексей Андреевич Аргатов. Ванифатий Прохорович был дедом известной впоследствии на хуторе труженицы и общественницы Марии Антоновны Овсянниковой. Отец последней, Антон Ванифатьевич был записан восприемником в книге Вознесенской церкви станицы Раздольной за 1915 год вместе с мещанкой г. Екатеринодара Ульяной Васильевной Аргатовой [15, 59 об. – 60]. Ульяна Васильевна, в девичестве Сергиенко – это жена Николая Алексеевича Аргатова – сына главного арендатора. Кроме того, Овсянниковы были связаны родством с родом Сергиенко через Рудиков. Супругой Алексея Андреевича, по-видимому, была Феодосия Филипповна Аргатова, которая встречается в записях за 1887 г. как «жена мещанина города Екатеринодара» [10, 16 об. – 17].

Дело отца и деда продолжил Николай Алексеевич Аргатов, который стал подлинным крестьянским вожаком. В первые годы Советской власти ему удалось совершить то, что было невозможно до революции: хутор стал самостоятельным как в земельном, так и в административном отношении. Реализовать на деле ленин-

ский Декрет о земле, совершить справедливое перераспределение земли, преодолеть исключительное право на неё казаков даже в период начала 1920-х гг. было непросто. Это могло получиться только благодаря упорству, инициативе Николая Алексеевича и безусловной поддержке хуторянами своего лидера. «Список населённых мест Кубанского округа», составленный по материалам переписи 1926 г., датирует основание хутора Аргатов 1922 годом [16, 64]. Как мы видели, хутор существовал и раньше, однако в 1922 г. произошло, по-видимому, официальное признание его статуса как отдельного поселения. Если бы хуторяне так ненавидели основателя хутора, как сегодня толкуют некоторые «знатоки» истории, вряд ли бы крестьяне называли поселение этим именем. На дворе была Советская власть, и никто не позволил бы закрепить за хутором имя «помещика и мироеда». Напротив, Николай Алексеевич настолько пользовался уважением, хуторян, что они даже избрали его... председателем Комитета содействия бедноте (Комсод). Согласно переписи 1926 г. на хуторе уже было 156 хозяйств, проживали 354 мужчин и 364 женщины, по национальности русские [16, 64]. Благодаря инициативным и деятельным хуторянам: Аргатову, Кузнецову, братьям Рудикам, Бебиху, Диканеву, Кузнецову и др. хутор рос, обростал хозяйством, у людей появились собственные средства.

Согласно сохранившимся документам комиссии по рассмотрению жалоб лишенных избирательных прав Николай Алексеевич Аргатов родился в 1891 г., в 1936 г. имел жену Ульяну Васильевну (в девичестве Сергиенко) и дочь Анну (согласно устным данным, Анастасию) [17, 2].

Длительное время у нас укреплялось представление, что крестьяне были «темными», «невежественными», «забытыми», поэтому кто-то постоянно шел «в народ» пропагандировать, выводить из косности и невежества: народники, большевики, «дадцатипятитысячники»... А если крестьянин был активен, имел хозяйственную сметливость, то он объявлялся «чуждым», «кулаком», с которым позже и разделились. Отношение к крестьянству, как к темной силе, которая все что-то недопонимала, имело самое прямое отношение к стилю административного управления селом.

Поэтому любой выбившийся во власть партийный деятель считал возможным с легкостью пренебречь огромным народным опытом в хозяйстве. Начавшуюся в 1930-е гг. коллективизацию стали проводить по навязываемым крестьянству схемам те, которые не имели понятия о давних народных традициях коллективизма и взаимопомощи. Сложившаяся практика хозяйствования, основанная на взаимопомощи и ответственности, явно не устраивала любителей социальных экспериментов.

С народными вожаками хутора Аргатова расправились в духе «ликвидации кулачества как класса». Коренные хуторяне, обустроившие в своё время Аргатов, вошедшие в его самоуправление, были объявлены врагами Советской власти. В газете райкома партии «Колхозный путь» один из местных активистов, трусливо скрывшийся за псевдонимом Зоркий Глаз, вещал: «В хуторе Аргатовском орудует классовый враг – кулаки. Пользуясь близорукостью местной парторганизации, кулаки пролезли в состав совета, комсода и секцию РКИ. Например, председателем секции РКИ является кулак Кобыляцкий Андрей. До 1927 года Кобыляцкий имел постоянных батраков. Сейчас имеет две коровы, свиней, пасеку и т. д. Перекрасившись в красный цвет, этот кулак заделался «активистом» и стал председателем секции РКИ. Другой кулак Пасечников пролез в состав совета и даже в члены президиума. Этот «член совет» сознательно ведёт агитацию против хлебозаготовок и против займа. В председатели комсода пролез сын кулака Аргатов (хут. Аргатов назван по имени его отца). И вот этот Аргатов, при поддержке кулацкой своры, проявляет вредительские действия. Мало того, Аргатов пользуется ещё и «милостью» местных организаций. Так, при даче заданий по сбору семфондов некоторым батракам беднякам было доведено задание в 6 центнеров, а ему, сыну кулака, только... 1 цен. Кулак Броницкий тоже почему-то до сих пор живёт в хуторе и вместе с этой сворой кулаков ведёт разлагательскую работу среди колхозников. Мы требуем от вышестоящих организаций с корнем вырвать кулачество, засевшее под крылышком у парторганизации хут. Аргатовского» [18, 1].

Для шельмования здесь хуторян задействована явная ложь: как Аргатов, председатель комсода, находившийся постоянно на

виду у хуторян, мог себе снизить нормы? Другое дело, что он и его соратники, по-видимому, как могли, сопротивлялись навязываемым грабительским нормам хлебазаготовок, в результате которых на Кубани в конце 1932 – начале 1933 гг. начался страшный голод. В результате, 7 мая 1933 г. Николай Алексеевич Аргатов был осужден тройкой Северокавказского края по 58-й статье (часть 10 – саботаж) к заключению в исправительно-трудовом лагере на 5 лет [17, 2]. Были осуждены и другие аргатяне...

Срок крестьянский вожак отбывал, как показывают документы, в третьем отделении Байкало-Амурского трудлагеря. Из пяти лет Н. А. Аргатов отсидел три: его выпустили на свободу, очевидно, за ударный труд [17, 2]. Казалось бы, если тебя так ненавидят земляки, зачем возвращаться в родной хутор? Но Николай Алексеевич упорно и настойчиво, судя по сохранившимся справкам, добирается на родину. К этому времени хутор сильно опустел после преступных экспериментов над людьми. В. П. Фомиченко вспоминала о голоде 1932–1933 гг.: «Умирали от голода много. Особенно нам бабушка рассказывала, Тая Браницкая, по материнской линии бабушка была, так у ей детей много было и много умирали» [19]. «Голод был сильный, – вспоминал Н. И. Аргатов. – Семья ж была большая, двое-трое ушли побираться, так и не вернулись» [20].

Избирательных прав была лишены и супруга Николая Алексеевича Ульяна Васильевна Аргатова и дочь Анна, несмотря на то, что они работали в колхозе им. Матвеева. После лишения прав они вынуждены были перебраться к отцу Ульяны Васильевны. В постановлении Президиума Аргатовского сельсовета от 31 декабря 1933 г. говорилось: «В связи с тем, что Аргатовы семья, имевшая ранее до 100 га земли, наемную рабочую силу, паромолотилку и т. д., и под его именем именуется хутор Аргатов, сам Аргатов Николай Алексеевич выслан в период ликвидации саботажа, семья, сумевшая забраться в колхоз занимается разлагательством труддисциплины в колхозе <...> лишить избирательных прав голоса Аргатову Ульяну Васильевну, 48 лет и дочь Аргатову Анну Николаевну, 18 лет по ст. 15 п. «л» инструкции ВЦИК о выборах в Советы» [13, 3]. В заключении инспектора районного ис-

полнительного комитета Мыляева отмечалось: «Поименованная гражданка Аргатова Ульяна Васильевна является женой кулака Аргатова Николая Алексеевича, в 1932 г. высленного из пределов Аз.-Чер. края, живших вместе и имевших одно хозяйство, с 1902 до 1920 Аргатов Н. А. вместе со своим отцом имел участок собственной земли 500 га, сдавший в аренду иногороднему населению, 60 шт. лошадей, крупный рогатый скот, 2-х постоянных батраков, до 1928 г. имел 2 паромолотилки с обслуживающим к ним составом наемной силы в 12 чел. В период ликвидации саботажа 1930 г. сам Аргатов Николай выслен, семья его, как-то: жена Аргатова Ульяна Васильевна и дочь Анна Николаевна, 18 лет, с целью укрытия самих себя с 1932 по 1934 гг. проживали в одной семье кулака Сергиенко, в том же населенном пункте, занимаясь неопределенным занятием. В 1935 году в силу потери классового чутья со стороны руководителей к-за гр-ка Аргатова была принята членом колхоза им. Матвеева» [13, 10].

Вернувшись на хутор после отбытия заключения, Николай Алексеевич настойчиво требует от Президиума Аргатовского сельсовета возвращения ему избирательных прав, заставляет и супругу выступить против несправедливого решения. Разорившие хутор новые хозяева жизни срочно ищут у тружеников колхоза им. Матвеева подтверждения о «кулацком» прошлом Аргатова для повторного осуждения народного вожака. Ищут и...не находят, к своему ужасу. Многих из тех, кто нанимался на сезонные работы к Аргатовым, уже нет в живых: эксперименты над хутором добились многие семьи, а те кто дал показания, основывают их на слухах или приписывают эксплуатацию под диктовку «ответственных» товарищей. Один из колхозников показывал, что его отец работал на Николая Аргатова, бывшего, «владельца аргатовской земли, 6 лет, которому только и работали за то, что он даст ему или 1 гектар земли посеять или дать 2–3 пуда муки, а он ему работал 2-три месяца за это. Аргатов имел 500 га земли, 2 паромолотилки, 60 лошадей, землю он раздавал беднякам ту, которая была засорена, и за неё брал большую плату» [13, 8]. Другой колхозник пишет, что «сам Аргатов арендовал землю до 500 га, эту же землю он раздавал беднякам в кабальных условиях, эти

люди умирали от тяжелых налогов и труда» [13, 2]. Это и другие свидетельства несут на себя печать эпохи: нетерпимость, пристрастность, нежелание разобраться в порушенных человеческих судьбах, восстановить справедливость. Не тогда ли родились эти нелепые домыслы о жестоком «помещике и мироеде»? Не потому ли сегодня с официального сайта наследников партии раздаются грозные призывы против возвращения хутору исторического наименования? Не Аргатов мучил хуторян непосильным трудом и налогами. Вспомним, при Аргатове в 1926 г. на хуторе проживало более 700 жителей; в 1930-е же годы население хутора резко сократилось, и даже сегодня численность хуторян не достигает 400 человек.

Вера Петровна Фомиченко (Браницкая) вспоминала, что ничем особенным Аргатов от остальных колхозников не отличался: «У Пасошниковых был дом рубленый и железом накрытый. А у деда Аргата, я как щас помню, у их была хата-мазанка турлучная! Из палочек делали, а потом забивали грязью. И вот они жили, уже сын ихний женился, а они всё у той хатке жили. Я не скажу, что они зажиточно жили» [19]. Что же касается тиражируемых сегодня проивниками возвращения исторического наименования рассказов о привязывании малолетних детей к телегам, то это весьма распространенная традиция на Кубани и на Юге России во время полевых работ: ребенка привязывали, чтобы он не дай Бог не попал под копыта домашних животных, под косу и пр.

Сохранилось постановление Президиума Аргатовского сельсовета Усть-Лабинского района от 16 мая 1936 г., в котором говорилось: «В виду того, что Аргатов после прихода его с мест наказания на работе не доказал себе преданности на работе, а по этому поводу воздержаться до проявления активности в общественно-полезном труде» [17, 3]. Это был заколдованный круг: восстановить избирательные права невозможно, поскольку Аргатов не трудится в колхозе, а в колхоз не принимают, поскольку он лишен избирательных прав...

О дальнейшей судьбе Николая Алексеевича нам поведала его правнучка, Наталья Владимировна Петросян (в девичестве Шпакова), а ей, в свою очередь рассказывал отец, Шпаков Владимир

Григорьевич, сын Анастасии Николаевны Аргатовой и Григория Тимофеевича Шпакова. Не найдя справедливости, Николай Алексеевич с семьёй перебрался на хутор Третья Речка Кочеты (нынешнее с. Суворовское). Его мятущаяся душа искала успокоения, и Н. А. Аргатов принимает священнический сан и уходит куда-то на Северо-Восточный Кавказ. Владимир Григорьевич рассказывал дочери, что дед присылал последний раз свою фотокарточку в священническом облачении после войны откуда-то из Моздока. После этого известия о нём не приходили [21]. Это к сведению тех, кто распространяет сегодня домыслы об осквернении могилы Аргатова и его «съедении раками». Ульяна Васильевна Аргатова и Анастасия Николаевна Шпакова (Аргатова) теперь покоятся на суворовском кладбище. Сохранился документ о том, что муж Анастасии, красноармеец Владимир Тимофеевич Шпаков, 1909 г. р., попал в плен в 1942 г. под Керчью и умер в немецком концлагере в декабре 1944 г. Упомянула Наталья Владимировна и том, что кроме Анастасии у Николая Алексеевича Аргатова ещё были дочери Александра и Глафира, которые после войны проживали в г. Усть-Лабинске...

Кем же приходится основателю хутора Иван Антонович Аргатов, похороненный вместе с супругой на кладбище хутора Октябрьский? В списке землевладельцев Кубанской области 1909 г. по ст. Платнировской упоминается Антон Андреевич Аргатов, владелец 10 дес. земли [22, 289]. По-видимому, это тот самый Антон, о котором упоминает справка из районного музея и, очевидно, брат Алексея Андреевича, устроителя хутора на Кирпилях. Поэтому представляется, что Иван Антонович Аргатов приходится двоюродным братом Николаю Алексеевичу. В 2011 г. нам удалось встретиться с его сыном Николаем Ивановичем Аргатовым, 1937 г. р., проживавшим в г. Усть-Лабинске. По его словам, «отец – Иван Антонович Аргатов, мать – Дарья Матвеевна Аргатова (в девичестве Дашкова). Оба – коренные жители хутора Аргатова. Дашковых много было сестер и на хуторе, и в Кирпилях, и в Раздольной – замуж повыходили, и в Бураковский» [21]. Отца раскулачили, и семья Ивана Антоновича жила на хуторе Бураковском в Кореновском районе, а потом уже накануне войны переехала

в Аргатов и построились. Отец говорил ему, что чуть-чуть деда застал: «Он поселился – в сторону Кирпилей земля была». Имя и отчество деда Николай Иванович не вспомнил. Но эта устная информация позволяет опять же уточнить справку из районного музея: не Антон Аргатов был женат на «дочери казака Дашкова», а его сын, Иван Антонович вступил в брак с дочерью аргатовского крестьянина Матвея Дашкова.

Из документов комиссии по жалобам лишенных избирательных прав следует, что до революции Иван Антонович был «бедняком-хлеборобом», в 1917–1920 гг. служил в Красной Армии, но в годы НЭПа занялся предпринимательством, как отмечено в документе, «применение наемного труда и спекуляция». Поэтому в октябре 1935 г. ему было отказано в восстановлении избирательных прав. В справке Платнировского стансовета от 27 сентября 1935 г. говорилось, что «гр. Аргатов Иван Антонович занимался перепродажей лошадей и скота до 1929 года, а также в настоящее время продает рыбу, семечки и нигде не работает, а живет заработком его сына и жены, которая осуждена на 2 года по опросу граждан хутора Верхнего колхоза «Соцударник»» [23, 4а]. Ещё одна трагическая судьба, обломанная социальными преобразованиями 1930-х гг....

Это пока всё, что нам удалось найти об Аргатовых, но архивные разыскания продолжаются. Тем не менее, уже сейчас представляется значимым вклад этой династии в становление и развитие хутора Октябрьского (Аргатова), что требует восстановления справедливого отношения к ней. Все негативные оценки Аргатовых как мироедов и эксплуататоров несут на себе печать эпохи ликвидации кулачества как класса, когда уничтожались наиболее инициативные и предприимчивые крестьяне. Пусть живет память созидающая!

Использованные источники и литература

1. Гусельникова Т. Правда об Аргатове // <http://www.ngkub.ru/obshchestvo/oktyabrskij-argatov> (Дата обращения 26.03.2019).

2. *Октябрьский-Аргатов*. Бои «неместного» значения // <http://ustlabinfo.ru/2019/03/21/oktyabrskiy-argatov-boi-nemestnogo-znacheniya.html> (Дата обращения 20.04.2019).

3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 353. Оп. 1. Д. 1854.

4. Архивный отдел Администрации Муниципального образования (АО АМО) «Усть-Лабинский район». Ф. 331. Оп. 1. Д. 11.

5. АО АМО «Усть-Лабинский район». Ф. 331. Оп. 1. Д. 12.

6. АО АМО «Усть-Лабинский район». Ф. 331. Оп. 1. Д. 13.

7. АО АМО «Кореновский район». Ф. 145. Оп. 1. Д. 4.

8. *Макаровский Ф.* Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии: церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. – Екатеринослав, 1880. – Вып. 1. Нынешние уезды Екатеринославский, Верхнеднепровский, Новомосковский и Павлоградский. 575 с.

9. https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_kartoteka1421912692/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3D%D0%90%D1%80%D0%B3%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2%26first_name%3D%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%BB%26middle_name%3D%D0%9A%D0%B8%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87%26date_birth%3D%26adv_search%3Dy%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_potery%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_vpp%26page%3D1 (дата обращения 18.05.2019).

10. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина»/Ред. с добавл. собств. матер. Б.Д. Гринченко. – Киев, 1907. Т. I. А-Ж. 494 с.

11. АО АМО «Усть-Лабинский район». Ф. 331. Оп. 1. Д. 14.

12. АО АМО «Усть-Лабинский район». Ф. 331. Оп. 1. Д. 23

13. ГАКК. Ф. Р-832. Оп. 1. Д. 6.

14. Алфавитный список дач и населенных пунктов Кубанской области по данным переписи 1917 г. – Екатеринодар, 1917.

15. АОАМО «Усть-Лабиский район». Ф. 331. Оп. 1. Д. 38.
16. Список населённых мест Кубанского округа. Составлен по материалам Всесоюзной Переписи 1926 г. – Краснодар, 1927.
17. ГАКК. Ф. Р-832. Оп. 1. Д. 7.
18. *Зоркий Глаз*. В х. Аргатове орудует классовый враг-кулак // Колхозный путь. – 1933. – № 18 (449). – 31 января.
19. Полевые материалы автора 2011 года (ПМА-2011). – Хутора (Хут.) Октябрьский Усть-Лабинского района (р-на) Краснодарского края (кр.). – Информатор (Инф.) Фомиченко Вера Петровна 1938 года рождения (г.р.).
20. ПМА-2012. – г. Усть-Лабинск Краснодарского кр. – Инф. Аргатов Николай Иванович, 1937 г.р.
21. ПМА-2019. – С. Суворовское Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. – Инф. Петросян (Шпакова) Наталья Владимировна, 1973 г.р.
22. Кубано-Черноморский землевладельческий сборник. Составил 2-го отделения Екатеринодарской казенной палаты В.С. Сазонов. – Екатеринодар, 1910.
23. ГАКК. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 72.

КАВКАЗОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

З. П. Бердиев
(г. Черкеск, Россия)

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ-ОСЕТИНЫ – ЛИШЕНЦЫ КАРАЧАЕВСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 20-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Исследование лишения избирательных прав бывших белогвардейских офицеров-осетин в КАО в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов представляется важным по причине слабой разработки этой темы в историографии. Цель работы состоит в изучении конкретных процессов, связанных с лишением права голоса по социальному признаку и их последствиями. Статья дает первые результаты исследования проблемы. Научная новизна данной работы состоит в том, что она является первым в современной отечественной историографии исследованием данной проблемы в порядке ее постановки. На основании значительного количества исторических фактов и архивных материалов, большая часть которых в научный оборот вводится впервые, воссоздана картина превращения представителей этой социальной группы в изгоев и маргиналов-лишенцев.

С первых дней Советской власти раскол общества по «классовому принципу» закрепил меры социальной дискриминации для т. н. «бывших». В частности, эти категории граждан лишались пассивного и активного избирательного права, приобретая статус «лишенца». Секретарь ВЦИК А. С. Киселев, рассуждая о необходимости более внимательного отношения к составлению списков лишенцев, признавал, что «даже временное пребывание на положении лишенца оказывается весьма тягостным для лиц, испытавших это состояние» [1, 7]. Как справедливо замечает современная исследовательница М. С. Саламатова: «В обществе, где статус гражданина определялся не степенью образованности, не экономическим положением, а наличием политических и гражданских прав, принадлежность к «полноправным» или «лишенцам» играла решающую роль» [2, 21].

Как известно, лишение избирательных прав главы семьи влекло лишение права на получение среднего и высшего образования детьми лишенцев. Бюро Карачаевского обкома партии, рассмотрев на заседании 25 августа 1928 г. доклад начальника местного отдела ОГПУ К. Лициса по данному вопросу, приняло решение: «Снять с учебных заведений как чуждых элементов ... 41 студента» [3]. При этом нередко сведения о «нетрудовом» происхождении тех или иных обучающихся в органы власти и руководству вузов поступали от местных партийно-государственных органов. О Баскаеве Георгий Сергеевиче Совет села Георго-Осетиновского Карачаевской автономной области (КАО) 9 ноября 1934 г. сообщал дирекции и парторганизации Ленинградского Института инженеров железнодорожного транспорта: «в вашем институте учится сын крупного кулака-лишенца ... который пробрался в ваш институт по ложным документам ... просим отобрать у него документы и исключить его из института» [4, 2].

На что Бюро спецзаданий Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта 22 ноября 1934 г. под грифом «Не подлежит оглашению» просит подтверждения со стороны председателя облисполкома КАО «... По имеющейся справке, выданной Осетинским с/с в августе 1933 г. ... утверждается, что г. Баскаев является сыном крестьянина-бедняка» [5, 21].

В ответ областной Исполнительный Комитет КАО сообщил, что «студент Вашего института Баскаев Георгий Сергеевич постановлением Областной Избирательной Комиссии КАО от 29 ноября 1934 г. совместно с отцом лишены избирательных прав по ст. 15, п. «д» Инструкции ВЦИКа как спекулянты-перекупщики. На основании этого считаем необходимым об исключении его из института как чуждого элемента. Результаты просим сообщить Облисполком» [6, 19]. Дальнейшая судьба Георгия по архивным документам не прослеживается, но и представленные документы красноречиво говорят о том, что жизнь молодого человека была сломана.

В другом случае, даже восстановление избирательных прав Облизбиркомом КАО 29 ноября 1934 г. студентов из того же села не спасло их от лишения стипендии, которая, подчас, была единственным источником существования: «Постановление аулизбиркома утвердить, Цахилова Алешка лишить избирательных прав как сына белого офицера-палача, старшины, а остальные члены семьи Саша, Артем, Анатолий восстановить в избирательных правах как занимающихся ряд лет общественно-полезным трудом, поставить вопрос о снятии их с госстипендии в тех учебных заведениях, в которых они учатся» [7, 1].

На этом бедствия братьев не закончились, один из них – Цахилов Александр Сергеевич был «исключен из Московского института инженеров транспорта на основании справки сельсовета от 9 ноября 1934 г. ... о том, что гр. Цахилов и вся его семья лишены избирательных прав» [8, 6].

Комиссия советского контроля при СНК СССР 19 марта 1935 г. просит Председателя Обисполкома КАО «срочно проверить и сообщить нам о соц. и имущественном положении семьи Цахилова и лишен ли он избирательных прав» и что «гр. Цахилов категорически отрицает факт лишения его избирательных прав и присылку справки из с/совета объясняет враждебным отношением к нему работников с/совета» [9, 6].

Надежды молодого человека не оправдались. «Областной исполнительный комитет КАО 26 марта 1935 г. отвечает комиссии советского контроля СНК СССР 19 марта 1935 г.: «Орготдел Ка-

рачаевского Облисполкома представляет Вам выписку из протокола Президиума Облика от 29 ноября 1934 г. по вопросу о лишении избирательных прав Цахиловых» [10, 7].

Главными условиями восстановления лишенцев в правах голоса были лояльность к советской власти, отказ от своих прежних занятий, которые стали причиной лишения, а также «занятие общественно-полезным трудом» в течение длительного времени. Областная комиссия по проверке списков лиц, лишенных «избирательных прав голоса» 11 мая 1929 года сочла лишение избирправ Кулаева Хаз-Булата не правильным, как «живущего отдельным хозяйством от своего отца (лишенца) и более пяти лет занимавшегося общественно-полезным трудом, с 1921 по 1928 год состоял на советской работе» [11, 4]. Вторично Кулаев Хаз-Булат Тимофеевич был лишен сельским избиркомом 19 апреля 1930 г. по ст. 15, п. «к» Инструкции ВЦИКа как «белый офицер и сын крупного шахтовладельца» [12, 10]. В мае того же года облизбирком КАО подтвердил это решение [13, 1].

Совет с. Георго-Осетиновского 18 июля 1930 г. за № 2288 дает справку Кулаеву Хаз-булату в том, что «он в чине офицера никогда не был», что, видимо, объясняется тем, что справка была подписана «Зам. предсовета» [14, 14], т.е. чиновником более человеческого, ибо все документы с отрицательным решением были подписаны председателем совета.

20 июля 1930 г. Кулаев Х. обращается в Облизбирком КАО с жалобой, представив 12 всевозможных документов, на неправильное лишение [15, 8–8 об.]. Обращение во всевозможные инстанции и в областную комиссию два раза за три года дали положительный результат: «Кулаева Хазбулата восстановить в избирательных правах за недоказанностью материала» [16, 3]. Также был восстановлен постановлением избирательной комиссии при Карачаевском областном исполкоме в мае 1930 г. «в избирательных правах за недоказанностью его пребывания в банде» [17, 1] Зангиев Федор Габитович.

Борьба за избирательное право Баскаевым Сосраном Сахуговичем является примером того, что избирком его родного села отбирал у него это право – «Время лишения – 19 апреля 1930 г. по ст.

15, п. «к» ... белогвардейский офицер и руководитель Г-Осетинского восстания против Соввласти» [18, 3], а облизбирком КАО постановлением от 12 июня 1930 г. принял более объективное решение – «жалобу гр. Баскаева Сосрана Сагуговича удовлетворить, восстановив его в избирательных правах за недоказанностью его участия в восстании и как занимающегося общественно-полезным трудом в течение 11 лет, что подтверждается предоставленными документами» [19, 1 об.].

Весьма красноречиво его заявление в облизбирком 26 мая 1930 г., цитируемое нами в силу этого почти целиком: «Ни одной минуты я ни главарем, ни руководителем не был не только целыми восстаниями, но даже над 2–3 вооруженными людьми.

В 1917 и 18 годах не только руководил, но даже совершенно не был на Северном Кавказе; из старой армии был демобилизован в июне 1918 г. и приказано мне было отправиться в распоряжение Майкопского уездного воинского начальника, но я не хотел ехать на Кубань, занятую белыми и прожил в Тифлисе до декабря и потом выехал в Терскую область, где власть была советская и жил до февраля 1919 г. в доме большевика-кормениста Баскаева Дзабе в с. Ардон и только, когда белые победили и заняли Терскую область я был мобилизован в инженерный батальон, но через 4 дня я убыл в 2-недельный отпуск в село Г. Осетиновка... В отпуску я на положении дезертира до конца мая, т. е. почти около 3,5 месяца и потом вторично был мобилизован двумя телеграммами на имя правления села. За время пребывания в Осетинском дивизионе, куда я был переведен по просьбе односельчан из инженерной части, я подтверждаю, что работа моя ослабляла силу части, т. к. я тайно отпускал всадников, нуждающихся бедняков под видом командировки за домашним обмундированием, снабжая их документами за печатью от денежного ящика, т. к. я был завхозом, спасая от смерти дезертиров... Главари восстаний так бы не поступал. А в конце концов направил большинство всадников на путь общего совместного покидания военной службы и ухода самостоятельно домой.

В 1920 г. я секретно вел беседы с бывшими всадниками, чтобы воздерживаться в дальнейшем от выступлений, т. к. мы как ма-

ленькое нацменьшинство в районе можем сразу погибнуть в пожаре восстаний и что из себя представляет власть Деникина мы тоже на практике уже знаем... В 1920 г. восстание поднял ген. Келеч Гирей и руководил он, а не я руководил ... во время боев в районе Осетиновки и Каменноостского находился на кошу около Брус сырта... Не имея ничего общего с военщиной я уже в 1920 г. сразу вступил в союз, чтобы работать по специальности... В 1921 году, когда в районе бандитизм еще был в разгаре, я уже стал одним из руководителей борьбы с бандитизмом...

Хотя я и был прапорщиком ... но все-таки я пришел и сдал себя в руки Уполномоченного ОГПУ по Хумаринско-Зеленчукскому району одним из первых, когда еще масса рядовых гр-н не вернулись, когда многие бежали в Закавказье и за границу, хотя я и имею некоторую вину, но я считаю, что уже искупил ее искренней работой за 9 лет, а какую-либо видную руководящую роль никогда не занимал и никто не докажет этого, потому что такого случая не было, а приписывание мне событий 17–18 и 19 года считаю открытой клеветой» [20, 4–4 об.].

Личное дело Бязрова Александра Дрисовича содержит интересный материал о том, что он и его две сестры были лишены избирательных прав на уровне сельского и областного избиркомов в ноябре 1934 г. [21, 2,3]. Но «подтверждение» односельчан за подписью 25 человек [22, 5] и неумолимые факты, что не было никакой эксплуатации чужого труда и малолетние дети белого офицера, умершего в 1920 г., не несут ответственности за деяния малограмотного отца-некадрового офицера [23, 4–4 об.], убедили облизбирком «в виду отсутствия в деле материалов к лишению Бязрова избирательных прав, отменить постановление избиркома с. Г. Осетиновского от 9 ноября 1934 г. и постановление Облизбиркома от 16 ноября 1934 г., Бязрова Александра восстановить в избирательных правах» [24, 6].

Классическим примером лишения как бывшего землевладельца и белого офицера является дело Баскаева Трофима Давидовича с семьей. Судя по анкете, «лишен 19 апреля 1930 г.» [25, 3]. Но до этого лишен еще раз – осенью 1928 года и был «восстановлен в правах ... 30 октября 1929 г.» [26, 6].

В своей жалобе Оргбюро Облика КАО 18 сентября 1930 года и в заявлении Президиуму Карачаевского Облисполкома 13 марта 1936 г. он объясняет суть его дела: «...2) Лично я никогда землевладельцем не был...»; «3) В белой армии я никогда никакого участия не принимал и принимать не мог, так как я человек не военный...»; «4) После того, как только при соввласти начали функционировать школы, я с 5 марта 1921 года начал работать ... и по сей час всей душой согласен работать по силе и возможности, но некоторые ... по их личным счетам ставят мне всякие препятствия, не дают работать на пользу трудящихся масс. На основании изложенного прошу сделать распоряжение о восстановлении меня в избирательных правах, как неправильно лишенный таковых. 18 сентября 1930 года» [27, 6–6 об.].

Во втором документе, появившемся почти через 6 лет, он просит: «...Учитывая все вышеизложенное и принимая во внимание мою безукоризненную работу, как до советской власти, так и после на поприще школьного работника прошу вас восстановить меня в избирательных правах и дать мне возможность умереть полноправным гражданином советского союза. 13 марта 1936 г.» [28, 15–15 об.].

Примечательно, что всё это происходило после того как 6 февраля 1935 г., выступая на VII съезде Советов СССР, В.М. Молотов говорил: «В Советском Союзе открыта дорога к полноправной жизни для всех честных тружеников и круг лишенцев всё более сокращается. Мы идём к полной отмене всех ограничений в выборах в Советы, введенных в своё время «в качестве временных мер»» [29]. Тем не менее, даже в период подготовки Сталинской конституции, отменившей институт лишенчества, Президиум областного исполкома КАО СКК 3 июля 1936 г. отмечал, что «Установлено: ... Баскаев является бывшим крупным землевладельцем (150 десятин собственной земли), активный белогвардеец, участвовавший в армии генерала Шкуро и являлся карателем на территории Карачаевской области в 1919 и 1920 годах... Своей лояльности к советской власти не показал. Постановили: Ходатайство отклонить» [30, 17].

Еще большее количество людей пострадали как иждивенцы

лишенцев, что было еще более несправедливо и репрессивно. Яркое свидетельство – очень грамотное, с юридической точки зрения, заявление Баскаевой Александры Григорьевны: «В апреле месяце с. г. (1930 г. – З. Б.) избиркомом селения Георго-Осетиновского я лишена избирательных прав как иждивенка мужа гр-на Тлатова Александра, лишённого избирательных прав по пункту «к» ст. 15 Инструкции ВЦИКа о перевыборах Советов. Отнесение меня к этим категориям лиц считаю незаконным по следующим основаниям:

Брак мой с гр-м Тлатовым А. прекращен еще задолго до лишения меня избирательных прав 9 ноября 1928 года... Следовательно, я не принадлежала в момент лишения меня избирательных прав к членам семьи гр-на Тлатова Александра, а тем более не могла быть ... его иждивенкой.

Фактически и при существовании брачных отношений в течение последних 5–6 лет я не состояла на его иждивении, а моим источником к существованию являлась госстипендия, получаемая мною от Государства. Таким образом, я не была в материальной зависимости от бывшего мужа. ... Прошу рассмотреть мое заявление и восстановить меня в избирательных правах. 1 сентября 1930 г.» [31, 6–6 об.].

Орготдел Карачаевского областного исполкома обращается с запросом в стол лишенцев г. Ростова на Дону, на что получает 12 сентября ответ: «Стол учета лишенцев сообщает, что гр-ка Баскаева Александра Г. в списках лишенцев по гор. Ростову не значиться» [32, 5]. Дальнейшая судьба лишенки не ясна по архивным документам, но мнение ее: «При изложенных обстоятельствах, подтверждаемых полностью прилагаемыми документальными данными применение ко мне пункта «п» ст. 15 Инструкции не должно иметь места» [33, 6 об.] – неоспоримо!

Другим примером, как затягивалась петля лишения избирательных прав, является история Цахилова Алексея. «Мы, гр-не села Г.-Осетиновского КАО даем настоящую подписку с/избиркому в том, гр-не нашего села Цахиловы: Алешка, Саша, Артем и Анатолий являются сыновьями бывшего белого офицера – атамана села, который в селе устроил виселицу для красных, служил

в жандармерии, в чем и подписываемся» [34, 2] – такие подписки организовывались властями, чтобы получить общественную поддержку и формировать соответствующее массовое сознание. Следующим шагом была справка, выданная ему 10 ноября 1934 г. Советом села Георго-Осетиновского: «...Сын атамана – белого офицера, устроившего виселицу в Осетиновке в 1919–20 годах; сам Алексей активно выступал против Красной армии в 1917-18-19-20 годах. Применяет наемную силу, занимается извозом» [35, 6 об.].

Далее – из протокола заседания избиркома села Г.-Осетиновского, состоявшегося 22 ноября 1934 г.: «...прежнее решение избиркома подтвердить – Цахилова А. С. отнести в список лиц, лишенных избирправ...» [36, 3]. Точку в этой истории поставило заседание Облизбиркома КАО 29 ноября 1934 г.: «...Постановление аулизбиркома утвердить, Цахилова Алешка лишить избирательных прав как сына белого офицера-палача, старшины...» [37, 1].

Таким образом, материал статьи показывает, что лишение избирательных прав по мотивам службы в белой армии, как для самого бывшего офицера, так и для членов его семьи был сопряжен как социально-политическими, так и экономическими и иными дискриминационными и репрессивными мерами. Лишенцы превращались в изгоев, в граждан «второго сорта». Нередко лишение избирательных прав становилось основанием для дальнейших репрессий против данного человека.

Использованные источники и литература

1. Киселёв А. С. Задачи кампании перевыборов Советов (1930/31 г.). М.-Л., 1930.
2. Саламатова М. С. Лишенные избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы: Сб. статей молодых историков. М., 1996.
3. Цит. по: Атаев Т. И. Дискриминационные ограничения лишенцев в военной и образовательной сферах в 1920–1930-е гг. (на материалах Карачаевской автономной области). URL: <http://ilmu.su/diskriminatsionnye-ogranicheniya-lishentsev-v>

voennoj-i-obrazovatelnoj-sferah-v-1920–1930-e-gg-na-materialah-karachaevskoj-avtonomnoj-oblasti/(дата обращения: 24.04.2018).

4. Государственный архив Карачаево-Черкесской республики (далее – ГАКЧР). Ф. Р. – 307. Оп. 2. Д. 594.

5. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 594.

6. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 594.

7. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 126.

8. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 126.

9. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 126.

10. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 126.

11. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 109.

12. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 109.

13. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 109.

14. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 109.

15. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 109.

16. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 109.

17. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 94.

18. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 71.

19. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 71.

20. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 71.

21. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 77.

22. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 77.

23. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 77.

24. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 77.

25. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 73.

26. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 73.

27. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 73.

28. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 73.

29. Правда. 1935. 6 февраля.

30. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 73.

31. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 115.

32. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 115.

33. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 115.

34. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 126.

35. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 126.

36. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 126.

37. ГАКЧР. Ф. Р. 307. Оп. 2. Д. 126.

А. М. Гарсаев, Ш. А. Гапуров, Х.-А. М. Гарасаев
(г. Грозный, г. Москва, Россия)

О РОЛИ ЧЕЧЕНЦЕВ-МУХАДЖИРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ В ИОРДАНИИ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Потомки чеченских мухаджиров стояли у истоков создания Иорданского Хашимитского Королевства, во всем поддерживая официальную власть и длительное время оставаясь привилегированной частью общества, очень близкой к королевскому двору [1, 34]. Уже к завершению Первой Мировой войны они пользовались большим влиянием в Аммане и его пригородах, поэтому официальным властям, как турецким, так и и английским, приходилось серьезно считаться с ними.

Тема формирования чеченской военной элиты на Ближнем Востоке очень широка и в одной работе, естественно, невозможно осветить все связанные с ней, вопросы [1, 76].

Данная работа посвящена двум ярким личностям – первому генералу и первому Герою Иордании Ахмаду Рамзи Абдин, дивизионному генералу, а также основателю и директору Главного разведывательного управления Министерства обороны Иордании Мухаммаду Башир Исмаил Ибрагим. Они, как и многие чеченцы – мухаджире, являют собой показательный пример значимого участия представителей чеченской диаспоры в формировании военной элиты Иорданского Хашимитского Королевства.

Потомки чеченских мухаджиров, как и черкесских, стояли у истоков создания иорданского государства, во всем изначально поддерживая официальную власть и длительное время оставаясь привилегированной частью общества, очень близкой к королевскому двору [2, 34].

Уже к завершению Первой мировой войны они пользовались большим влиянием в Аммане и его пригородах, поэтому официальным властям, как турецким, а позже так и и английским приходилось серьезно считаться с ними.

В 1920 году Заиорданье было включено в подмандатную территорию Палестины и передано Великобритании.

Верховный комиссар Палестины Герберт Самуэль (1920–1925) на совещании представителей знати в ас-Салте отметил, что английское правительство будет поддерживать создание органов местного самоуправления с участием британских союзников. В итоге в ас-Салте, Кераке и Аджлуне из представителей бедуинской знати были созданы «национальные правительства», которые часто враждовали между собой [3, 127].

Нестабильность и внутренние междуусобицы в 1920 году вынудили прибыть в Иорданию, в Маан, второго сына шерифа Хусейна – Абдаллаха с целью объединения этой территории под своим началом при поддержке Англии.

Местные племенные шейхи не хотели подчиняться Абдаллаху, так как в этом случае теряли часть власти в кочевых районах.

В 1921 году эмир Абдаллах был вынужден направиться в Амман и только благодаря поддержке чеченцев и черкесов смог начать укрепление государственной власти. Из адыгов и чеченцев Иордании была сформирована личная охрана Абдаллаха, а генерал черкесского происхождения Мирза бей Васфи Кумук стал другом и первым заместителем эмира.

На состоявшейся в марте 1921 года в Каире конференции английских колониальных администраторов вопрос о дальнейшей судьбе Заиорданья стоял в числе первейших. Здесь было пересмотрено положение палестинского мандата в отношении его действия в Заиорданье.

По итогам работы конференции и при участии У. Черчилля, Абдаллаха бин Хусейна, Верховного комиссара Палестины Герберта Самуэля и полковника Т. Лоуренса было решено выделить территорию Трансиордании из мандата на Палестину и образовать Эмират во главе с Абдаллахом бин Хусейном.

За эту серьезную уступку эмир признал власть английского резидента в Аммане в виде помощи для поддержания безопасности в регионе. 24 июля 1922 года был принят новый статус Заиордания на сессии Лиги Наций, а в 1923 году было официально заявлено Г. Самуэлем о признании независимой Трансиордании посредством соглашения [3, 129].

С 1928 года на долгие годы Трансиордания была поставлена в зависимость от английского внешне-политического курса, а 22 мая 1946 г. в Лондоне был подписан договор между эмиром Абдаллахом и Э. Бевином (Министр ИД Великобритании), отмечающий английский мандат и дающий Иордании независимость. 26 мая Эмират был провозглашен как Иорданское Хашимитское государство.

В независимом уже государстве остро встал вопрос о создании вооруженных сил. Надежда на бедуинскую знать была ненадежной ввиду частых восстаний в их среде. Нужно было создавать армию, лояльную и преданную государственной власти.

Английский офицер Фредерик Пик по поручению Г. Самуэля сформировал из местных первые армейские части, чьей задачей было проведение эффективного английского контроля.

На базе этих отрядов в 1923 году был создан Арабский Легион, в который были включены чеченцы и черкесы, которые быстро добились значительных высот в службе и составили солидную часть офицерского корпуса.

Необходимость защиты границ государства содействовала созданию в 1926 году пограничных войск Иордании, которые были подчинены Верховному комиссару Палестины виконту Пламеру [3, 130]

Теперь уже за внутренний порядок отвечали подразделения Арабского Легиона, а защиту от внешнего врага обеспечивали Трансиорданские пограничные войска. Служба чеченцев и черкесов в этих частях постепенно превратилось в наследственную про-

фессию, сформировались кланы, прочно державшие позиции внутри армии.

Представителей чеченской диаспоры охотно принимали в госбезопасность и полицию (традиция эта продолжается до сих пор).

Здесь необходимо назвать имя дивизионного генерала-чеченца Ахмада Алауддина Арслана, дважды удостоенного звания Героя Иордании за выдающиеся заслуги перед отечеством; Ахмада Рамзи – первого генерала-чеченца Иорданской Армии и первого Героя Иордании; Мухаммеда Башира, штабного бригадного генерала, заместителя начальника Генштаба Министерства Обороны страны; Сами Абдул-Хади Бино и Самах Муса Бино, отставные генералы госбезопасности и др. [4, 76].

Далее речь пойдет о двух талантливых военачальниках Иорданской Армии и органов государственной безопасности этой страны. Одним из этих выдающихся и неординарных личностей является Ахмад Рамзи Абдин – первый генерал и первый Герой Иордании из чеченцев – мухаджиров, родившийся в горном селе Беной -Алхан Ножай-Юртовского района Чечни в 1893 году в богобоязненной и многодетной семье среднего достатка, в которой было 4 брата (Мохьмад, Мусхьаб, Умар) и 2 сестры (Айша, Деши). Он принадлежал известному тайпу Беной Онжби-некъе (ветвь тайпа). Кстати, здесь важно отметить, что с Кадыровыми его объединяют кровнородственные связи. В 1903 году в возрасте 10 лет, как и многие чеченцы, вместе со своей семьей покинул историческую родину и перебрался в Османскую империю. Успешно отучившись там в военном училище, а затем в Стамбульской Военной Академии, он в ходе несения службы дослужился до генерала Иорданской армии.

Ахмад Рамзи участвовал во многих войнах и конфликтах на Ближнем Востоке, как с британцами и французами, так и с израильтянами, в Ливане и Сирии, а также в боевых действиях за Палестину. За свои успехи на военном поприще он заслужил уважение Британской Короны и лидеров многих стран, в том числе короля Иордании Абдаллаха I. Когда в стране начались беспорядки и она оказалась на грани развала и служба безопасности короля отказалась выполнять свои функциональные обязанности, Ахмад Рамзи вместе с соплеменниками взял эти функции на себя и спас страну от

развала, а короля – от свержения с престола. За проявленные мужество и героизм при защите суверенитета, целостности и законных интересов Хашимитского Королевства от различных врагов страны он получил глубокую признательность и уважение тогдашнего короля Иордании Абдаллаха I, назвавшего его арабским рыцарем чеченского происхождения, присвоил ему звание Героя Иордании, добавив к его имени Ахмад «Рамзи» и подарил ему довольно внушительный участок земли, который тот сразу же раздал остро нуждающимся чеченцам-мухаджирам, живущим в Иордании.

До вступления в Иорданскую армию Ахмад Рамзи служил в Турецкой армии (1912–1916 гг.), где получил свое первое офицерское звание, затем службу продолжил в Сирийской армии Фейсала (1918–1920 гг.). Только в 1920 г. он вступает на службу в Арабскую армию, которая образовалась в Маане (Иордания) с прибытием туда Принца Абдаллаха I ибн Хусейна.

В 1921 г. его назначили командующим группой войск в Джераше.

В 1927–1930 гг. был командующим войсками в Маане и Карасе.

С 1935 г по 1938 гг. – заместитель командующего военными округами Маан, Балка, Карак, Аджлун, а в 1943 г. – военный комендант. В том же году ушел в отставку.

Здесь хотелось бы привести в качестве примера описание участия в битве при Майсалоне в Сирии 22-х рыцарей-чеченцев из г. Зарка во главе с Ахмадом Рамзи. После французской оккупации этой страны и подготовки Его Величества Короля Фейсала I к её защите совместно с лидерами сирийского народа и ее повстанцами эти 22 всадника из г. Зарка во главе с Ахмадом Рамзи Абдином добровольно отправились в Сирию, чтобы принять участие в битве при Майсалоне. Инструкции командующего Ахмада Рамзи заключались в том, что ни один чеченец не выйдет с поля боя независимо от результата, пока последний французский солдат не уйдет с места битвы.

Даже после того, как участвовавшие в битве арабские войска спешно отступили, в центре поля боя оставалась группа кавалеристов-чеченцев. Естественно, французский командир был удивлен этим и отправил своего заместителя разобраться со сложившейся

такой неординарной обстановкой. После переговоров сторон ответ чеченцев был таков, что они не покинут ни при каких обстоятельствах поле битвы и готовы воевать до последней капли крови, пока оттуда не уйдет последний французский солдат. Французский офицер отдал дань уважения группе и, вернувшись, сообщил своему командующему о ситуации. Лидер ответил, что эти гордые и отчаянные чеченцы заслуживают уважения и приказал французской армии уйти с поля боя, чтобы чеченцы могли свободно уйти и забрать с собой тела своих двух шахидов.

Ахмад Рамзи был не только талантливым военачальником, но и созидательным гражданским руководителем.

Прочитав письмо Председателя правительства Иордании от 3 января 1927 года Ахмаду Рамзи, временно возглавлявшему тогда Губернию Ирбида, мы можем воочию убедиться, насколько уважали и ценили работу нашего земляка в Иордании и в гражданской должности: «Секретно и Лично – заместителю губернатора Ирбида и командующему этим регионом, Комиссару Ахмад Рамзи Бэк: Правительство выражает Вам свое удовлетворение и признательность за хороший стиль управления во время вашего пребывания в правительстве Ирбида, и славный эффект, который явился результатом вашей четкой административной деятельности в этой провинции в нелегкое время. Сообщаем о желании и впредь продолжать тот курс, который вы проводили в администрации данной провинции, так как он показал большой успех в управлении. Кроме того, моя вам личная признательность за ваш государственный подход в управленческой деятельности и в связи с этим предлагаю вам свой мандат на принятие должности губернатора Ирбида, главным административным правителем в течение двух лет переводом из арабской армии. Я был бы рад, если бы смог получить ваш ответ с согласием, чтобы провести церемонию назначения». (Документ из семейного архива А. Рамзи)

27 февраля 1927 года была объявлена воля Его Величества Принца с назначением Ахмада Рамзи губернатором Ирбида.

Во время арабского восстания против Османского Владычества Ахмад Рамзи был военным губернатором Дамаска. В то время он носил другое имя, который сменил после просьбы Короля

Иордании Абдаллаха I, чтобы влиться в истеблишмент Иорданской армии. Затем Ахмад Рамзи стал командующим – губернатором Северной Иордании и за время службы своей полностью обезопасил северные границы государства, искоренив угрозы и сопротивление врагов Иорданского Хашимитского Королевства. Во время внешней угрозы для страны он выполнял функции министра обороны. До сих пор он считается одним из пионеров, трансформировавших Иорданскую армию. В последующем он создал полицейские силы и стал амиром полиции Иордании, т.е. Министром Внутренних Дел. Трое братьев его – Муса, Мухаммад и Абдул-Гапур являлись боевыми офицерами, а один из сыновей Ахмада Рамзи Мансур также служил полковником в Иорданской Армии. В семье Ахмада Рамзи свято чтит традиции чеченского народа, особенно трепетно относились к чеченскому языку. В общении с родными он запрещал говорить по-арабски, чтобы все помнили родной язык и разговаривали на нем. Эту славную традицию до сих пор продолжают его потомки.

Ахмад Рамзи умер в 1969 году в результате постхирургических осложнений, возникших после операции в Главном госпитале Зарки, во время которой здание госпиталя подверглось обстрелу из минометов и легких вооружений со стороны палестинских мятежников, в результате которого отключилось электричество, эвакуировали врачей и медицинский персонал. Ахмад Рамзи был переправлен после этого в свой дом, где и скончался от последующих осложнений через несколько дней. Спустя некоторое время в Иордании началась гражданская война.

В честь Ахмада Рамзи одна из главных улиц г. Аммана (столица Иордании) названа его именем, а в г. Зарка (второй город по величине в этой стране) один из его районов также носит имя этого легендарного чеченца-мухаджира).

Мы уверены также в том, что, зная уважительное отношение Главы Чеченской Республики, Героя России Р.А. Кадырова к заслуженным мухаджирам, одну из улиц Грозного он непременно назовет именем этого великого сына чеченского народа Ахмада Рамзи Абдина.

Чеченцы занимали высокие посты не только в Иорданской

Армии, но и в органах госбезопасности. При относительной малочисленности чеченской общины в процентном отношении число военачальников разного уровня, генералов и крупных чиновников – чеченцев здесь весьма высок.

К таковым относится «главный военный разведчик Иордании» Мухаммад Башир Исмаил Ибрагим.

Мухаммад Башир добросовестно трудился в числе министров Иордании и одновременно является также рыцарем иорданской воинской славы, его заслуги безо всяких слов говорят сами за себя. Его смелость, организаторские способности, искренность и преданность имеют свои базовые корни. Он потомок легендарного наиба имама Шамиля Талхига, эвлия Берса-Шейха, стоявшего у истоков распространения ислама в Чечне. Неслучайно он вобрал в себя лучшие качества своих предков. Его биография – история преданности своей Родине – Иордании. Его чувства к ней выше описания.

Мухаммад Башир Исмаил родился в городе Зарка в 1933 г. Воспитывался окруженным заботой любящего отца, отличавшегося благородством, своим происхождением из тайпа Курчалой и бывшим из числа первых чеченцев, основавших Зарка.

Мухаммад Башир Исмаил перенял от своего отца высокие идеалы и любовь к Родине. После окончания начальной школы в Зарка и средней школы в Колледже им. Хусейна в г. Маан, он успешно окончил колледж «Командование и персонал штаба» в Пакистане и Королевский колледж оборонных исследований в Великобритании. В последующем его карьера на военном поприще сложилась весьма успешно. Поступил на службу Вооруженных Сил Иордании в 1951 г. в звании «кандидат в офицеры» с последующим продвижением по службе в званиях и ответственных должностях до 1961 г. В этом же году он становится студентом колледжа «Командование и персонал штаба» в Пакистане. В 1963 г. создал первый парашютно-десантный полк в Вооруженных Силах Иордании, ставший надежной основой для современного Подразделения специального назначения.

В 1964 г. служил вместе с другими восемью офицерами из Иордании в командовании Объединенных Арабских Вооруженных Сил. В 1965 г. создал первое подразделение безопасности, нынешнее

Управление Военной безопасности. В 1968 г. стал командующим пехотной бригадой, а в 1969 г. – директором отдела военной разведки. В 1971 г. назначен командующим пехотной дивизии. В 1975 г. учился на курсах в Британском Королевском колледже оборонных исследований в Лондоне.

В 1976 г. работал заместителем начальника Генерального штаба после повышения в звании «бригадный генерал». В августе того же года ушел в отставку по собственному желанию. В 1983 г. работал председателем правления общества военных пенсионеров, а затем его генеральным директором.

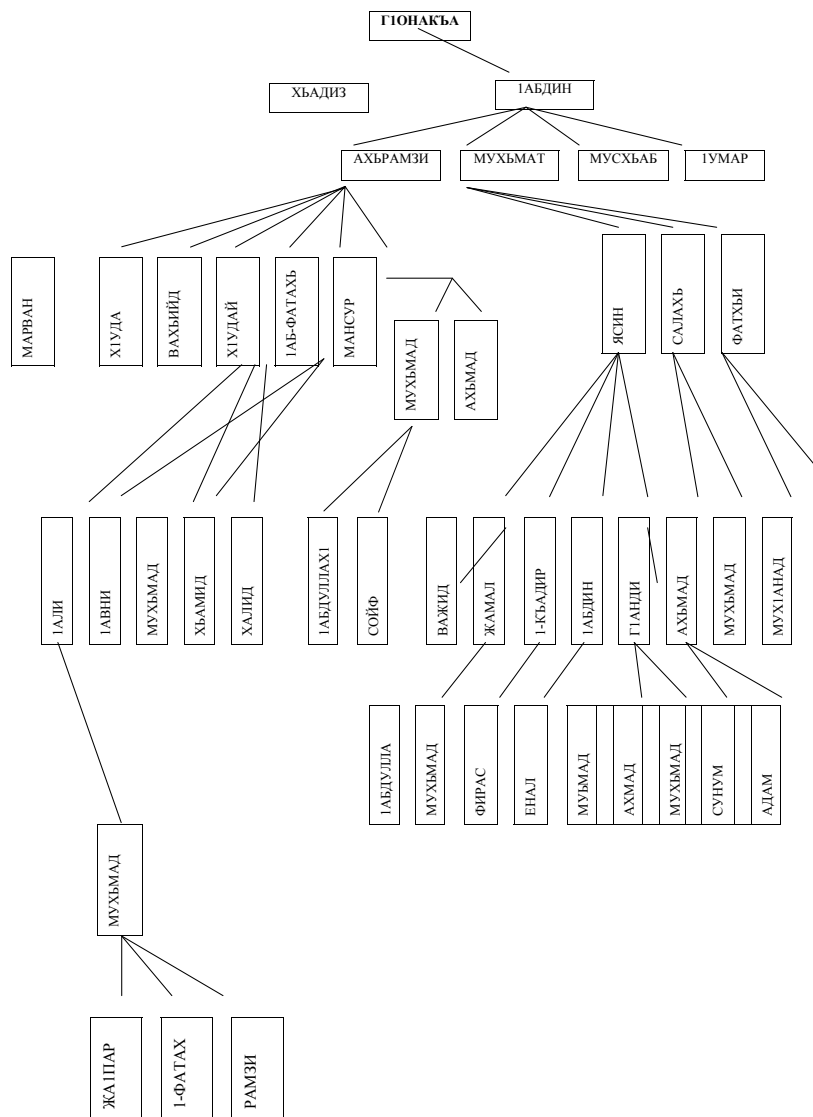
Мухаммад Башир с 1984 по 1985 г. работал министром сельского хозяйства в правительстве Ахмада Убейдата. С 1992 г. по 1993 г. руководил главой муниципалитета столицы Амман. Сейчас он занимается выращиванием овощей и фруктов на своем земельном участке. Живет в родовом имении своих предков в г. Зарка. Любит ухаживать за своим садом, где растут оливковые деревья и лимоны. Урожаем сада с удовольствием делится с соседями, родственниками и просто горожанами. Помимо ухода за садом он любит чтение, особенно историческую литературу о Чечне и Кавказе.

Мухаммад Башир примерный семьянин, пользуется огромным уважением в стране. У него в гостях часто бывает король Иордании Абдалла II и другие высокопоставленные лица государства, а также очень дорогие его сердцу земляки из Чечни.

Служебная деятельность Мухаммада Башира отмечена высокими наградами: Орденом Возрождения (Ал-НахIда) первой степени, Орден Независимости (Аль-Каукаб) первой степени, Национальным орденом Кедрa, врученный президентом Ливана.

Традиционная, впитанная с молоком матери склонность чеченцев к военной службе позволила вышеназванным генералам и многим другим чеченцам достичь огромных успехов на различных должностях в Иорданской Армии и органах государственной безопасности, что вызывает у нас восхищение и гордость за наших соотечественников.

Приложение 1

Генеалогическое древо составлено потомком Ахмада Рамзи
Бешировым Габдул-Керимом Убайдовичем в 2017 г.

Использованные источники и литература

1. *Гарсаев Л. М., Гарасаев Х.-А. М.* «Чеченский лев арабской пустыни – Ахмад Ала ад-Дин Арслан (Яким)» // Известия № 1 (9) ЧГУ, Грозный, 2018. 130 с.
2. *Гарсаев Л. М., Гарасаев Х.-А. М.* Дважды Герой Иордании чеченец (Бийтро) Ахмад Ала ад-Дин Арслан (Яким) // Таллам № 1 (14) (Поиск, научно-образовательный журнал Академии наук Чеченской Республики), Грозный, 2018. 128 с.
3. *Ганич А. А.* Черкесская диаспора в странах Ближнего Востока (кандидатская диссертация). Нальчик, 2003. 280 с.
4. *Гарсаев Л. М., Гарасаев Х.-А. М.* «Чеченский лев арабской пустыни – Ахмад Ала ад-Дин Арслан (Яким)» // Известия № 1 (9) ЧГУ, Грозный, 2018. 130 с.

Ю. М. Идрисов, И. И. Ханмурзаев
(г. Махачкала, Россия)

ЭРПЕЛИНСКИЕ КАРАЧИБЕКИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ИСТОРИЯ

Несмотря на то, что во время земельной реформы в Дагестане представители карачибекского сословия «считают, что родоначальники их пришли во главе племени, которое населяет владение Тарковское, за несколько веков ранее появления в Дагестане арабов» [1, 2], слово карачи-бек татарское, золотоордынское и потому истоки такого феодального сословия как карачибек, или по кумыкски карачи-бийи следует связывать с эпохой Золотой Орды. После распада Золотой Орды в каждом из образовавшихся ханств (Казанское, Астраханское, Сибирское и Крымское) карачибек составили высшую знать, которую русские источники того времени сравнивали с привычными им боярами. Турецкий исследователь Халил Иналджик так описывал функции карачибек в татарских ханствах: «Карачу командовали основными силами племенных войск в ханстве и были основными проводниками его политики. Эти лидеры карачу-беки, присутствовали на собраниях государственного совета (корюниш или корюнюш) при обсуждении и решении важных дел с ханом» [2, 5]. Карачибек возводили на престолы ханов Крыма, Казани и Сибири. Есть данные о том, что монгольские императоры, в частности, Угедей, наделяли титулом карачибек правителей местных народов признавших их власть.

Сами карачибек считали себя исконными правителями ку-

мыков и утверждали, что их предки были князьями ещё за несколько веков до прихода арабов. Историк Джамалутдин Карабудахкентский утверждал что исламизатор Дагестана Абу-Муслим возложил на них судейские функции [3, 138].

При решении спорных вопросов, зашедших в тупик, кумыки отправлялись именно в эти села и там, в присутствии карачибек, которые слыли знатоками старинных кумыкских обычаев, получали окончательное разрешение. Так, в декабре 1761 г. аксаевский владелец Солтан-бек Уцмиев, недовольный решением местного суда и притеснениями со стороны остальных аксаевских беков, изъявил желание обратиться за справедливостью в «карачинскую деревню» [4, 344].

В Дагестане карачибек жили в селениях Эрпели, Карабудахкент, Гелли, Кафыр-Кумух, Губден и других. Полагая невозможным исследовать генеалогию всех карачибекских фамилий в рамках одной статьи, мы избрали в качестве предмета своего исследования только один из них – Эрпелинский владетельный дом.

Дагестанский краевед Булач Гаджиев писал, что в молодости он встретил в Эрпели (селение, ныне относящееся к Буйнакскому району РД) «последнего князя» Сокур-Герее, бывшего к тому времени слепым стариком. Он утверждал, что его предком в 19-м колене был грузин по имени Георгий, который якобы принял Ислам и стал Гереем. Могила этого первого Герее располагалась на спуске эрпелинской дороги к Шура-Озень. Конечно, в этом отрывке присутствую ошибки и вольные толкования. Во-первых, Герей не был «последним князем», как его в романтическом духе обозначил Гаджиев, а был одним из многих потомков карачибек. Во-вторых, невозможно хранить память о событиях, происходивших 19 поколений назад (одно поколение это в среднем 25 лет), без опоры на какие-либо письменные источники. Что до «грузинского» происхождения названного карачибек, то после исламизации дагестанские народы были склоны всё христианское в родном крае приписывать грузинам и даже своих предков-христиан именовать грузинами. Гораздо большую ценность представляет записанное Булачом Гаджиевым со слов Сокур-Герее генеалогическое древо его рода. В этой родословной своим первопредком он назвал от-

чего-то не вышеназванного Герей-Георгия, а некоего Сурхайхана, чьим сыном был Газихан, у которого в свою очередь был сын Умалат, сам являвшийся отцом Султан-Ахмада, у последнего был сын Мусавус, чьим сыном был Будаичи, сыном которого являлся Махди, его сыном являлся Герей, сыном Герей был Атай. Сыном Атая в свою очередь был отец Сокур-Герей Эдиль [5, 129–130]. Итого 10 колен. Упомянутые Гереем Будаичи и его сын Махди значатся в реестре горских правителей Д. Ф. Еропкина как правители верхнего Эрпели в 1732 году. Предки Будаичи упоминаются в письме «От кадия, учёных, хаджиев, глав, взрослых и праведных Унцукуля к владетелям, знати, старших, стариков, молодёжи Эрпели и особенно Мусаусу, и Мухаммаду сыну Газихана и Ханмухаммаду» [6, 53]. Таким образом, родословная Сокур-Герей вполне подтверждается и может считаться достоверным историческим источником.

Вышеназванный Будаичи II к 1732 году уже имел взрослого сына, что позволяет предположить, что родился он как минимум в конце XVII столетия. Сурхай-хан, с которого начинается родословная, предок Будаичи в пятом колене. Если принимать в расчёт за колено 25 лет, то это примерно 120 лет и значит, Сурхайхан родился где-то в конце XVI века, во времена Дели-Будаичи. Сейчас трудно судить, был ли он сыном самого Будаичи, или одного из его братьев (по русским документам известны имена двоих из них: Магомет-Мурза и Кейхосров), но интересно, что в 1726 году в русских документах фигурируют два равноправных эрпелинских князя. Владелец Верхнего Эрпели – Будаичи Сурхаев и владелец Нижнего Эрпели Герей Исмаилов. Таким образом, Будаичи назван Сурхаевым по имени своего предка в пятом колене или в честь отца, наречённого так в честь указанного отдалённого предка. Но если предположить, что он и Герей обозначены фамилиями именно по отдалённым предкам, то можно предполагать что род карачибеков распался уже в XVI веке.

Первым известным по письменным источникам эрпелинским карачи-беком является Исмаил. Так в османском реестре мусульманским владетелям Северо-Восточного Кавказа 1574–1586 годов упоминаются «Комук-беги Исмаил» и «Кейхусрев». Упомянуты

они за 1581–1582 годы среди 24 северо-кавказских владетелей, которым отправил фирманы (в данном случае дипломатические документы) турецкий султан [7, 46–47]. Кейхусрев – это родной брат знаменитого Будаичи, известный русским документом как «Смаилев сын Кохостров». Любопытно, что сам Будаичи в указанном реестре не обозначен. Это объяснимо, если предположить, что он к тому моменту ещё находился в юношеском возрасте. Любопытно, что Исмаил в цитируемом отрывке реестра отмечен как «комук-беги», то есть кумыкский бек.

Ко второй половине XVII в. Эрпелинское карачи-бекство включало в себя селения Верхнее и Нижнее Эрпели, Ишкары, Каранай и Мадигин. Во всех этих селах имелись свои ветки карачи-бекского рода.

В 70-е годы XVII века согласно русским документам в Эрпелинском владении правил Султан-Мурза. Вполне вероятно, что его полное имя звучало как Султан-Ахмет-Мурза и он являлся отцом князя Мусавуса из родословной Сокур-Герее. Султан-Мурза входил в коалицию кумыкских владетелей в числе брата шамхала Будая, буйнакского владетеля Казы-Мурзы, сыновей бывшего шамхала Эльдара, карабудахкентского владетеля Солтанбека, Чопана и Арп-Арслана Мурзы, кумторкалинского владетеля Магомета. Эти владетели ориентировались на дружеские отношения с Россией [8, 10–11].

До наших дней дошёл уникальный документ о разделе владений между Будаичи, сыном Сурхая, и потомками Исмаила сына Герее. Перевод этого документа нам любезно предоставлен научным сотрудником Дагестанского научного центра Российской академии наук Исмаилом Ханмурзаевым: «Именем Аллаха Милостивого, Милосердного. Хвала Аллаху Господу миров и да благословит Аллах и приветствует Своего посланника Мухаммада, его семью и всех его сподвижников. Амин. Сообщество мусульман, знайте, что Будаичи сын Сурхая и потомки Исмаила сына Герее договорились между собой, по поводу деревень и мест, о том, что аул Верхний Эрпели принадлежит Будаичи, а Нижнее Эрпели принадлежит детям Исмаила. И аул Каранай принадлежит детям Исмаила. Что же касается вопроса

Башлар (رئیس), за исключением Бойунчу (چن یوب), то он общий между их свободными (ахрар). И если один из них нарушит слово и обещание и начнет приводить весомые (азим) документы и ценные залого, то есть, если нарушит Будаичи это упомянутое обещание, то его места, которые находятся в Бойунчу перейдут Будаю сыну шамхала Адильгерей. А если нарушат дети Исмаила, то соответственно их места, которые в Бойунчу, безоговорочно также перейдут Хасбулату сыну Адильгерей-шамхала. Свидетелями содержания [договора] являются Атанай сын Шамхала, Генже сын Балакая, пишущий эти строки Ахмад сын кадия Якуба, Будаичи сын Сурхая ал-Хили (из Гелли), Абакар сын Казануфа, Шахмандар сын Али, ал-хаджи Идрис сын Тукай-хаджи, Мухаммад сын Мирзабека, Муртазали сын Алхаса, Худайнат сын Ислама, Гебек сын Сайидакая, Алхас сын Татархана, Мирза сын ал-хаджи Рустана, Булат сын Алхана, Алхан сын Муртазали, Беле сын Амириали, Мухаммад сын Муртазали, Хасбулат сын Шамхала, Будаи сын Шамхала, Хасбулат сын Умалхата, и весь джамаат Верхнего и Нижнего Эрпели и Караная.

Это состоялось 21 дня благословенного Аллахом месяца джумада ал-авваль 1141 года от хиджры Избранника, да благословит его Аллах и приветствует. (23.12.1728)». Ряд имён эрпелинских владетелей приводится в «Реестре горским владельцам», составленном комендантом крепости Святой Крест Д. Ф. Еропкиным в 1732 году: «Деревня Нижние Эрпели, ею владеют два брата Муцал да Салтан бек Гиреев, да их же владения деревня Карана, а расстоянием от крепости до их жилища 90 верст, ко оным деревням проезд свободной, поселение имеют Эрпели на ровном месте, Каранай в горах на чистом месте, лесу кругом в близости нет.

Деревня Верхние Эрпели, в ней владелец Будаичи, да у него детей: «1», Бартахан, «2», Казыхан, «3», Мурза, «4», Салтан, «5», Магди, а расстояние до их жилищ 100 верст, проезд свободной, поселена между гор на ровном месте, кругом ее лес большей.

Деревня Медигин, оною владеет Алихан, расстоянием от крепости 100 верст, проезд свободной, кругом ее великие буяраки, поселена в горе, лесу довольно и место крепкое» [9, 122].

В 1735 г. эрпелинские владельцы были приняты в подданство России и от них взяты в аманаты Патали Акламов и Пребудуг Будаев» [10, 34]

В 1763 году главным эрпелинским владельцем как и в 1720–1730-е годы оставался Будаичи [10, с.35]. Как и прочие карачибекские эрпелинские владельцы выполняли судебные функции, опираясь при этом в своих решениях на особую книгу, обозначенной немецким путешественником второй половины XVIII века Якобом Рейнеггсом как «Исмаил-Куран». Один из основоположников русского востоковедения академик Х. М. Френ в середине XIX столетия писал, что «Исмаил-Куран» представлял собой перевод Корана с арабского на один из местных языков [11, 94]. Таким образом, налицо любопытное смыкание в местном законодательстве такого традиционного, по сути адатного института как суд карачибекских с законами шариата.

В первой половине XIX в. был известен карачи-бек майор Уллубий-Хаджи. Сын Уллубия прапорщик Мухутдин Уллубиев умер молодым в 1856 году. После него осталась вдова Газет-Бийке с малолетним сыном Уллубием [12, 122].

Сохранились сведения, что в конце XIX в. в соседнем с Эрпели селении Ишкарты проживал карачи-бек Гаджи-Мама Али-Султан-оглы – выходец из Эрпели. В Государственном архиве Республики Дагестан сохранился его послужной список: «Из беков. Вероисповедания магометанского. Женат на эрпелинской жительнице Бикебай Кара-Мурза-оглы. Детей от неё не имеет. Имеет детей от умершей жены Батей-Кази Мама-кызы, родившихся в 1824 году сыновей Алескендера, Биярслана в 1829 году, Мамай-Хана в 1832 году, Абдул-Муталима в 1839 году, дочерей Айбала в 1836 году, Ханум-Меседу в 1840-м году [13, 6].

Согласно переписи жителей Эрпели 1886 года главным беком в селе считался Улубий-Бек Мухутдин-оглы, у которого было четверо детей, в том числе двое сыновей: Мухутдин и Султан-Меджид. Следующим по богатству шёл Ибрагим-Хан Мухарам-Бек-оглы, 17 лет. Заметно беднее их были карачибекские: Магомед Абдуллабек-оглы, Юсуп-Бек Малыхбек-оглы, Эдиль-бек Гереев, Махтибек Мусаус-оглы и брат Мирза бек Мусаус-оглы.

Мы сосредоточили внимание на старшей ветви эрпелинских карачибеков – князьях Уллубиевых. Сын вышеупомянутого Уллубий-Бека Уллубиева Мухутдин умер молодым, не оставив потомства. Род продолжила линия его брата Султан-Меджида, у которого были сын Ахмед и три дочери: Рувайдат, Тахбике и Умукусом, все заканчивали гимназию. Дети и внуки их живут в основном в Махачкале, трудились и трудятся в разных сферах. Среди них инженеры – строители (Абдуллабеков Абдуллабек, Абдуллабеков Султан, названный в честь деда, Алибеков Митхат), работники народного хозяйства (Тарковский Махти, проработавший много лет начальником цеха на молзаводе, директором хлебозавода, его сестра Насретдинова Умрахмат, была главным технологом и начальником отдела объединения «Дагрыба», почётный работник рыбного хозяйства РФ), научные работники (Абдуллабекова Дина, к. т. н., ведущий научный сотрудник одного из институтов ДНЦ РАН). Отметим, что и сам Султан-Меджид был яркой фигурой. Он мечтал стать врачом, но по требованию отца продолжил династию военных и дослужился на фронтах Первой мировой войны до погон штабс-ротмистра. Женат был на дочери каранаевского карачибека Джалил-Хаджи Исмаилова – Умсапийт. В конце 1920-х годов Султан-Меджид Уллубиев, опасаясь дальнейших репрессий, был вынужден вместе с семьёй покинуть Дагестан и уехать Бухару, где прожив несколько лет, скоропостижно скончался [14].

В 1930-е годы главой семьи стал Ахмед Султан-Меджидович, окончивший Бухарский сельхозтехникум и проработавший много лет в сельском хозяйстве Дагестана на разных должностях – участковым и старшим агрономом, директором Манасской МТС, директором совхоза в Шамхале и более 20 лет председателем колхоза в Карабудахкенте и Нижнем Дженгутае. Его трудовые заслуги отмечены двумя орденами «Знак почёта», орденом Трудового Красного Знамени (1966 г.) и медалями [15].

Как рассказывал об Ахмеди Султан-Меджидовиче его племянник Махти Тарковский: «Его ценили на самом верху и закрывали глаза на княжеское происхождение. Больше того, вокруг него сформировался своеобразный княжеский двор из близких род-

ственников и дальней родни – чанка. В народе дядю метко прозвали Уллубий Ахмад» [16]. В 1976 году Ахмеду Султан-Меджидовичу была назначена персональная пенсия, умер он в 1981 г., похоронен в Буйнакске.

Дети и внуки Ахмеда Уллубиева реализовали мечту своего деда Султан-Меджида о профессии врача. Абдулмуслим Ахмедович Уллубиев и дочь Умусапият Ахмедовна Уллубиева – врачи. Сын работает в Буйнакске, дочь – в республиканском кардиологическом диспансере по специальности врач-эхокардиографист в Махачкале, врач высшей категории, отличник здравоохранения РД. Их дети – Наби Уллубиев, кандидат медицинских наук, врач-невропатолог, работает в Москве, Зухра Абдуллабекова – врач-эхокардиографист, Амина Уллубиева, врач-ординатор, недавняя выпускница Дагестанской медицинской академии, получила красный диплом и мечтает стать ЛОР-доктором.

Два других внука – Уллубий Уллубиев и Далгат Абдуллабеков, экономисты, предприниматели [17].

Два года назад, нами, совместно с Тимуром Узденовым, был протестирован представитель этого карачибекского рода – Ахмед Уллубиев. Анализ показал следующие данные J1. 1223141013–181113111411302714 [15, с. 120]. В истории происхождения карачибеков еще немало белых пятен и наша статья лишь один из первых робких шагов на пути их заполнения достоверными фактами.

Использованные источники и литература

1. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 72-а.
2. *Абзалов Л. Ф.* К вопросу о преемственности аппарата управления Золотой Орды и Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. IV. Казань, 2012.
3. История Кавказа и селения Карабудахкент Джамалутдина Карабудахкентского. Махачкала, 2001.
4. *Акбиев А. С.* Общественный строй кумыков в 17–18 вв.: дис.... докт. ист. наук. Махачкала, 2000.

5. *Гаджиев Б. И.* Буйнакский район в истории и легендах. Махачкала, 2003.

6. *Мирзамагомедов Г. М.* Характеристика арабоязычных дагестанских памятников эпистолярного жанра XVIII – начала XIX вв. // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986.

7. *Алиев К.* Османский (турецкий) реестр мусульманским владельцам Северо-Восточного Кавказа // КНКО: вести. Махачкала, 2007. Вып.12–14. С. 46–47.

8. РГАДА. Кумыкские дела. Ф. 121, Опись 1. Л. 10–11.

9. *Еропкин Д. Ф.* Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. М., 1958.

10. *Атаев Р. А., Ханмурзаев И. И.* Эрпелинское владение: образование и политическое положение в XVII–XVIII вв. // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2016. №63. С. 30–37.

11. *Генко А. И.* Арабский язык и кавказоведение // Труды Второй сессии ассоциации арабистов. М. – Л., 1941 г. Вып. 36. с. 94.

12. *Хашаев Х. М.* Феодалные отношения в Дагестане XIX – начале XX: архивные материалы. М., 1969.

13. НА ИИАЭ ДНЦ РАН Ф. 2. Оп. 1. Д. 194.

14. Записано Идрисовым Ю. М. со слов Дины Абдуллабековой.

15. Луч коммунизма, 27 мая 1966.

16. Устное сообщение Махти Камильевича Тарковского.

17. *Идрисов Ю. М.* Новые данные по геногеографии кумыков (предварительные тезисы) // Кумыкский архив. Вып. 1. Махачкала, 2018. С.117–121.

С.Х. Исаев
(г. Грозный, Россия)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИНГУШСКОГО НАРОДА В СВЕТЕ ДАННЫХ ФОЛЬКЛОРА, ГЕНЕАЛОГИИ И ГЕНЕТИКИ

Ингуши – русское название юго-западных нахчийских (=нахских) обществ, выходцев из различных тайпов. Этноним «ингуши» утвердился в литературе в XIX веке, и происходит от названия селения Ангушт (современное селение Тарское), расположенного на юге нынешнего Пригородного района Северной Осетии.

Существуют различные версии происхождения названия селения *Ангушт*. Одна из версий его толкования, считающаяся приоритетной у некоторых современных ингушских исследователей, разделяет название на *Ан* («небо»), и *гучт* («видеть»), т. е. «небесные наблюдатели». Версия настолько беспочвенная, что не стоит ее даже рассматривать. Наиболее распространенной является версия, озвучиваемая в своих публикациях ингушскими историками, по которой название *Ангушт* происходит от *Ан* – «горизонт», и *гучт* «видеть» (т. е. «откуда виден горизонт»). Данная версия, по нашему мнению, также не выдерживает критики, так как *Ан* – это не «горизонт», а «небо» и оно видно с любой части поверхности Земли. Более того, данное толкование само по себе не характерно для топонимики, а также не имеет типологических аналогов, и потому вряд ли может быть приемлемо.

Как правило, названия населенных пунктов возникают от имен своих основателей, географических особенностей, этнической принадлежности, особенностей хозяйственной деятельности

и т. п. В данном случае, по нашему мнению, интерес также представляет версия о возникновении названия Ангушт от эпонима *Ионгш*. Эта версия связана с широко известным среди старшего поколения представителей тайпа ЧАьнти (жителей Итум-Калинского района) преданием. Согласно этому преданию, некий купец по имени *Ионгш* из тайпа ЧАьнти, жил в боевой башне Джог-Голд-Гал, которая и поныне возвышается над селением Хас – Кхел. По приданию, *Ионгш* торговал медью, и по торговым делам бывал практически во всех районах Кавказа, но в основном он торговал с кабардинцами. Так, в одной из своих поездок в Кабарду, *Ионгш* купил у кабардинских князей землю на берегах Терека, заплатив за нее цену в 70 быков. Позже, на этой земле *Ионгш* основал селение, которое в последствии получило его имя *ИонгшмIе*, буквально «к Ионгша поселению» (где конечное *mIe* – формант местности). В пользу такого толкования, как будто указывают и многочисленные (в чечено-ингушской топонимике) примеры образования названий поселений от имен их основателей. При этом, наиболее древняя форма названия этого селения – *Онгушт* (*ИонгуштI*), фонетически ближе по форме к чеч. имени *Ионгш*.

Сведения о том, что основателями селения Ангушт были выходцы из различных чеченских (нахчийских) обществ, приводят Н. С. Нухажиев и Х. С. Умхаев: «*Так, по Броневскому, из принадлежавших к «обоим Ангушам» деревень: Галга, Тироль, Ака, Беци, Ялгор, Корби, Аздар, Вушу, Голай, Ной, Гой, Цулай, Мелер, Паланг, как минимум 6 сел имеют самое прямое отношение к современным чеченцам: Тироль – Терла, Ака – Аьккха, Беци – (аккинское село Бецах), Ялгор – Ялхар, Голай – Галай, Гой – ГЮй (один из гаров чеченского тайпа «наихой»)»* [Н. С. Нухажиев, Х. С. Умхаев. 2012. С.78]. Как можно заметить, из восьми хуторов в данном перечне только три (Галга, Паланг – Пялинг и Ной – Ний) уверенно связываются с горными ингушами. Вопрос тайповой принадлежности остальных пяти хуторов остается открытым.

И. А. Гильденштедт в 1773 году описывая «*округ Шалха*, который русские называют Малой (Малый) Ангушт, потому что он расположен совокупно с предыдущим и находится у подножия гор. Села обоих: Галга, Тирол, Ака, Беци, Гемир, Ваурху, Кир, Мереш, Голай, Иалхар, Цорай, Ной, Хой, Какхой, Местой, Нашах,

Цулуй, Мелер, Корби, Махши, Ассай, Шадгиа, Асдай, Хейрехи, Цизди, Паланг», приводит наименования 25 хуторов, но не в самом Ангушет, который он упоминает отдельно, у подножия гор в округе Шалха которую называет малым Ангуштом. Сам аул Ангушт он локализует в большой долине Кембелеевки. Отсюда можно сделать вывод о том, что жители большого Ангушта как и его основатель преимущественно, были выходцами из тайпа Ч1аьнти [2. с. 238–240]. В приведенном выше списке хуторов появились еще шесть названий, помимо тех, что приводились в прежнем перечне, которые соответствуют названиям чеченских селений: Гемир – Гемар (тукхум Терлой), Кир – Кири (тукхум Шарой), Мереш – Мержой (тукхум Орстхой), Хой – Хой (тукхум Ч1ебарлой), Нашах – Нашах, Хейрехи – Херах (тукхум Чаьнти).

Появления первых ингушских хуторов на равнине, по всей видимости, связано с указом Екатерины I о праве переселения ингушей с гор на равнину от 1762 г., чему предшествовало прибытие в Кизляр ингушского посольства с целью добиться принятия ингушей в подданство России. В последующие годы ингуши еще не раз обращались к представителям царской администрации на Кавказе с просьбой о принятии в подданство, но окончательное их принятие произошло в 1810 году с подписанием акта присяги ингушей. Приведем некоторые выдержки из данного акта присяги: «1. Отныне впредь на вечные времена мы, ингушевский вольный и ни от кого независимый народ, считающийся в родах 6-ти фамилий: Торгова, Цельмембохова, Агиева, Картугова, Юрьева и Хамхоева и потомство наше е. и. в. всероссийскому г.и. Александру Павловичу и его наследнику, кто назначен будет, вступает добровольно в совершенное верноподданническое состояние», а при том обязуемся:

2. Всех врагов российскому престолу е. и. в., почитая за таких здешних окружающих нас мухаммеданского Закона народов, мы должны считать равным образом и своими врагами и без ведома и позволения здешнего начальства российского мир заключать с оными отнюдь мы не должны; в противном же случае, ежели мы сами собою с оными мир заключим, тогда должны мы сами почитаться врагами России и за то подвергаем себя справедливому наказанию от российского начальства.

...10. Отныне впредь навсегда мы и потомство наше обязуется:

кабардинцам и прочим, здешним мухаммеданского закона народам податей отнюдь никаких не платить (как было до сего), а ежели против сего преступим и будем давать подати оным, тогда российское начальство имеет с нами поступить яко с врагами своими» [З. с. 899–901]. Из приведенного документа мы видим, что до выселения на плоскость перечисленных в документе шести исконных галгайских родов, эта местность была уже ранее заселена теми, кому переселившиеся позже галгайцы платили подать за возможность там проживать, и от этой подати они были освобождены царской администрацией после принятия подданства. По всей видимости, уже в период активной фазы Кавказской войны, представители других народностей были переселены из Тарской долины и на их место поселены более преданные царской власти ингуши.

Ч. Э. Ахриев, первый ингушский просветитель и этнограф, чье имя носит сегодня Ингушский научно – исследовательский институт гуманитарных наук, так же отмечал что предок галгайцев *«Галгай вышел из ущелья Гайши (Аргунского округа), поселился в теперешнем Галгаевском ущелье и основал Галгаевское общество»* [Ч. Э. Ахриев – 1875. с.30]. Ущелье Гейши (территория обществ Терлой и кей) – это ущелье реки Гейши-хи, левого притока реки Чанты – Аргун в нынешнем Итум-Калинском районе Чеченской республики.

Вахушти Багратиони в своей работе География Грузии, составленной в 1745 году, упоминает большое селение Ангусти (Ангушт), жители которого мусульмане сунниты. А ингуши, как известно, приняли ислам только в самом конце 19-го века. Описывая район расселения Глигвов (галгай), Вахушти Багратиони пишет, что к западу от них в Джейрахском ущелье живут кисты и дзурдзуки, и называет земли к западу от Глигви Кисто – Дзурдзукией, а с востока и севера описывает ущелья, которые составляли Дзурдзукетию [Вахушти Багратиони]. Вахушти также отделяет глигвов от кистов и дзурдзуков, описывая их как отдельный народ. В то же время, называя территорию к западу от глигвов Кисто-Дурдзукией он дает понять что кисты и дзурдзуки этнически более близки между собой, чем с глигвами (галгай).

Об отсутствии прямого генетического родства между галгай (кхаькхалой) и ингушами доказывают и современные генетические

исследования. Не смотря на то, что большая часть населения Ингушетии носители гаплогруппы J2, сами ее носители делятся на две ветви и обе происходят от более древних чеченских ветвей. Непосредственно кхаькхалой относятся к так называемой шатойско-галгайской ветке. А в данной ветке чеченские линии более древние, чем галгайские, и общий предок всех кхаькхалой жил не ранее, чем 1500 лет назад. Остальные носители гаплогруппы J2 в Ингушетии восходят к более старшим нахчамакхкойским ветвям. Значительна в Ингушетии и доля гаплогруппы J1, носители которой в основном происходят из тейпов, исторически проживавших в юго – западной части Ингушетии, и родственным чеченским тайпам Аргунского ущелья. Более подробно расписывать схему генетической картины в Ингушетии нет необходимости, так как вся информация об этом находится в свободном доступе в интернете, при этом этот вопрос не является предметом нашего рассмотрения.

Таким образом, на основе изложенного, нам представляется, что в основе возникновения названия селения Ангушт (возникшего в процессе объединения выходцев из горной Чечни и местных нахчийских тайпов), могут лежать данные, приведенной нами чеченской легенды. Кроме того, приведенные выше фольклорные и исторические данные (а также данные ДНК-генеологии), также указывают в пользу того, что значительный вклад в формирование состава нынешнего ингушского народа внесли выходцы из различных чеченских тайпов.

Использованные источники и литература

1. Нухажиев Н. С., Умхаев Х. С. В поисках национальной идентичности. Грозный, 2012.
2. Иоганн Антон Гильдеништедт. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. Петербургское востоковедение. СПб., 2002.
3. Акты Кавказской Археографической Комиссии. Т. IV. Тифлис. 1870 г., док. 1382. стр. 899–901.
4. Ахриев Ч. Э. Ингуши (их предания, верования и поверья)// Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1875.
5. Вахушти Багратиони. География Грузии. Составлена в 1745 году.

С. А. Касими
(г. Баку, Азербайджан)

О МУЗЫКЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ КАВКАЗА

Эмоциональный склад тюркоязычных народов Кавказа, тюркская духовность, основы ментальности тюркоязычных народов – все это отразилось и в искусстве этих народов:

- близость этногенеза тюркоязычных народов Кавказа;
- исторические параллели;
- социально – политические процессы исторических этапов развития культуры;
- общность художественных традиций;
- духовный склад;
- общность географического ареала;
- параллели в мировидении, миропредставлении.

Творческая практика тюркоязычных народов Кавказа свидетельствует о наличии многих общих черт. Учитывая специфически родственные художественные основания этой культуры, можно констатировать типологическое качество этих общих черт.

Поэтому выявить специфическое и общее, роднящее азербайджанскую музыку с музыкой тюркоязычных народов Кавказа – актуальная задача азербайджанского музыковедения.

Как хорошо известно объектом исследования этномузыкознания является народная музыка. Обращение к этносам позволяет изучать разные стороны человеческой жизнедеятельности. В этом смысле музыковедение изучает не только музыку, интегрируясь

соответствующими науками, этноведение непосредственно взаимодействует с другими науками, изучающими культуру, быт, нравы, общество. Здесь возможны связи с культурологией, социологией, географией, этнографией, этномузыкологией.

Как подчеркивают ученые, «степень взаимосвязи этнологии с этими науками различна, с каждой из них они определяется количеством проблем и вопросов, представляющих взаимный интерес для обеих наук» [7, 5–7]. Этногенез тюркоязычных народов Кавказа формировался и в результате историко – социальных и культурных процессов. Общие формы жизнедеятельности, сформированные на общей территории привели к параллелям этносоздания.

Эстетическая природа художественного аспекта культуры народов, творчество которых анализируется здесь, ярко выразила во всех видах и формах искусства, в частности, в космологии.

Так, Л. К. Текеева отмечает, что ярким проявлением тюркской духовности явились космогонические представления тюркоязычных народов Северного Кавказа. Так, Небо и Земля образуют двуединый сакральный космос [8, 25]. По мнению автора, «особенностью космогонических представлений тюркоязычных народов Северного Кавказа является наличие двух мифосистем: древнекавказской и древнетюркской. Именно эта особенность наложила отпечаток на все структурные компоненты материальной и духовной культуры народов, которые являются носителями тюркских традиций в северокавказском регионе» [8, 25].

Сравнивая миропредставления древних тюрков с миропредставлением тюркских народов Северного Кавказа, мы находим, определенные параллели, имеющие закономерный и типологический характер. Так, Л. К. Текеева пишет: – «По представлениям тюрков, любая система вселенной состоит из трех частей. Карачаевцы и балкарцы об этом говорили «Юч кьат», что означает «три слоя – три мира». В каждом из этих миров своя жизнь, природа, свои обитатели. Все три зоны вселенной – небесная, земная и подземная, в свою очередь, делятся на видимое и невидимое (абстрактное) первоэлементное мироздание для тюркоязычных народов Северного Кавказа, как и для их предков, было небо. Об этом

свидетельствует значимость бога неба – Тейри (древнетюркское Тенгри), возглавляющего карачаево – балкарский языческий пантеон» [8, 28].

Приведу другой пример. Круг с четырьмя прямыми лучами (крест в круге), который является древним символом огня и солнца (свойственен и карачаево – балкарскому народному орнаменту).

«...В солярном культе бога Тенгри (Тейри) необходимо искать прежде всего, представления древнетюркских народов о солнце как об обновителе природы и его большой роли в животноводстве. Подобные представления наблюдаются и у карачаевцев, и у балкарцев, у которых животноводческая форма хозяйства ведущая и является наследием тюркоязычных предков» [1].

Интересно и важно отметить, что выводы Текеевой о традиционном мировоззрении тюркоязычных народов Северного Кавказа полностью совпадают с космоатической системой азербайджанского народа. Отметим единство человека и природы свойственно традиционному этническому сознанию изучаемых этносов, что ярко иллюстрируют бесчисленное множество фольклорных сюжетов. Мифопоэтическое сознание народа устремлено к внешним проявлениям природных свойств. Эмоциональные и этические характеристики наделяются вполне зримыми формами, сопоставляемыми с известными природными объектами. Это позволяет сделать вывод о том, что традиционное мировоззрение тюркоязычных народов Северного Кавказа, формировалось в тесной связи с окружающей его экологической системой, сохраняя при этом отдельные элементы той отдаленной эпохи, к которой относится древнетюркский кочевой компонент карачаевцев, балкарцев, ногайцев и кумыков».

Космогонические представления тюркоязычных народов Северного Кавказа и Азербайджана во многом совпадают.

Природный фактор играл огромную роль в космогонических представлениях тюркоязычных народов Северного Кавказа. Эти представления совпадали по основным параметрам. Тождество с небом, Землей, Солнцем и т.д. служило основанием миропредставления тюркских народов. Безусловно, единство человека

и природы свойственно многим мифологемам мирового пространства, многим этносам и народам. Последнее выявляется и в оформлении артефактов, в фольклорной сюжетике.

Однако мифологическое сознание тюркских народов имело специфические отличия.

Речь идет не только об отождествлении с природными явлениями, не только миропредставлении, адекватном природному.

Космогонические представления тюркских народов удивительно эмоциональны, выразительны.

Важную роль в типологических совпадениях сыграл и Ислам. По мнению ученых «проникновение ислама на Северный Кавказ в целом и в кавказскую тюркскую среду, в частности, не имело какого – либо единого и единственно исходного центра. Это был длительный, дискретный, прерывистый процесс, включающий прямые и косвенные культурно – исторические контакты, военные столкновения этого региона и с арабским миром (уже в 737 году арабское войско во главе с Мерваном вторгается в места обитания болгар, савир, аранов и хазар в прикаспийских степях), ислама и с сельджукской Турцией, и позднее, с Османской империи и с Ираном через Азербайджан, и с кочевниками Великой степи, и с мусульманской цивилизацией Средней Азии, и с северными окраинами европейского мусульманского мира – с Волжской Булгарией, с культурой Золотой Орды. В лоне золотоордынской культуры и государственности и в системе тех ханств, на которые распалась в XV в. Золотая Орда (прежде всего Крымского, Ногайского и Астраханского), чьи владения распространяются на часть Северного Кавказа, вызревают основные этнокультурные комплексы тюркоисламского мира Северного Кавказа» [2].

Этнокультура, этнокультурные комплексы, в которых музыка играла существенную роль, имели достаточно четкие, ясно воспроизводимые черты общности и в художественном творчестве азербайджанского народа в художественном творчестве тюркоязычных народов Северного Кавказа.

Добавим также, что не тюркские народы Кавказа объединяла религия – Ислам. Например, Дагестано – Вайнахский этнокомплекс.

Учитывая и географический фактор, следует дифференцировать региональные особенности. Так, интересны наблюдения кумыкских фольклористов об эволюции музыкальной культуры и региональном отличии южной части Кумыкии и Северной. Так, по их наблюдениям на юге Кумыкии более проявляют себя лиризация обрядовых и песенных жанров. Другой важный момент сходства (к серьезной основе для сравнения раннефольклорного интонирования) заключен в том, что элементы художественного творчества в южной части Кумыкии более архаизированы.

Важные наблюдения касаются унисонного хорового пения, а в Северной – многоголосия.

Так, в южной части (границающей с Азербайджаном) сильны элементы огузско – тюркской древнетюркской культуры, тогда как на севере Кумыкии более сильны кипчако – тюркские элементы.

«У южных и отчасти центральных кумыков больше законсервирована древнетюркская (видимо, хазарская, в рудиментах, вплоть до гуннской) ритуальность с некоторым взаимовлиянием с азербайджано – туркменскими и даргинскими фольклорно – этнографическими элементами» [2].

Аналогичные мысли высказаны и исследователями этнокультуры тюркоязычных народов Северного Кавказа, подтверждающих высокую степень консервации архаики в обрядах. Причем отмечается системность и выявленность практически во всех жанрах, связанных с обрядовой этнокультурой. А. Аджиев пишет: «...наглядно видна не только архаика образов, мотивов, сюжетов, но, что особенно интересно, и стадияльно архаичный этап генезиса эпической поэзии вообще... Записаны уникальные для кумыкского фольклора синкретичные памятники, сочетающие в себе черты многих генетических архаичных жанров: мифа, обрядовой поэзии, древних типов предания, сказки, баллады, героического эпоса» [3, 8].

Типологический сравнительный анализ ладоинтонационного уровня родственных жанров тюркоязычных народов Кавказа целесообразен в силу устойчивости ладовой основы при всех вариантах разнообразия других слагаемых музыкального языка.

Первый слой выявляет себя в верхнем мелодическом голосе с опорой на бурдонирующую – звук до – фа – соль – ля. Причем интонационно и ритмически подчеркнута роль звука соль как тоники, а звука фа как натурального вводного тона. Далее, звук до, как бурдонирующая основа, приобретая значение временной опоры как бы рождает свой микроцикл с соответствующей интонацией нижнего натурального вводного тона – до – си бемоль – до – ре – до.

Мелодия йыра движется вверх по «типологической» цепочке. Значение временной опоры приобретает звук ля и закрепляется через семантику нижнего натурального вводного тона – ля – соль – фа# – соль – ля.

В целом здесь ярко выявляется закономерность ладовых систем многих тюркских народов: целотонная основа нижнего тетрахорда:

Обращает на себя квинтовое соотношение – до – соль, ре – фа# – ля, сиб – ре – фа.

Обратимся к произведению Александра Алябьева «Французская кадрили из азиатских песен» (1834 г).

По мнению исследователей «длительный исторический процесс взаимообмена» музыкальных культур, внутреннее, типологическое родство интонационного строя, жанровых форм, принципов развертывания материала позволяли одному народу считать собственным достоянием напев какого – либо другого народа. Это затрудняло задачу русских музыкантов, соприкасавшихся с богатством восточного фольклора, дифференцировать строго этнические признаки» (Карагичева, с.Муз.) [6].

Безусловно, русским композиторам сложно было посчитать тонкости музыкального этногенеза, но, тем не менее, внимание и умение распознать особенности музыки народов Кавказа на региональном уровне позволяло достаточно четко ставить национально характерные вехи.

Ладовая логика народной музыки различной этнической принадлежности может совпадать. Так, в русской ориентальной музыке использовалось достаточно специфически использованное нисходящее секвенцирование. В чем специфика секвенцирования в азербайджанской музыке?

О трактовке нисходящей секвенции «Французской кадрили на азиатские темы» пишет Л. Карагичева. По ее наблюдению «нисходящая секвентная цепь составляет завершающий, «сворачивающий» этап формы, противостоящий первоначальному восхождению». Кроме того, автор отмечает специфическую функцию секвенций, общей для восточного и кавказского регионов, а именно, функция, призванная «замедлить, затормозить, сделать гибче и многозначительнее «во времени и пространстве» движение мелодии от вершины к тонике. Отсюда и общий тип ячейка – зерна: активный фактор опевания и парный состав мотива, где конечная интонация словно создает эффект «мелодического сопротивления» [6 с.93].

Русские композиторы – ориенталисты использовали также на такое типологическое свойство нисходящих секвенций как опора на два устоя, чаще между временной тоникой и заключительной. Подчеркнем секвентно – вариантное продвижение исходной мотивной ячейки.

Л.В. Карагичева отмечала высокую степень «стабильности» тех или других формообразующих принципов и выразительных элементов внутри эстетической системы восточного искусства. В частности, в восточной монодии сильны предпосылки к кристаллизации художественных стереотипов. По мнению российских ученых ориентализм развивался от фрагментарного использования однотипных элементов до «осознания потенциальных возможностей восточной музыки» [6, 91].

В произведениях русского ориентализма: отбирались фольклорные образцы «спорные между собой по тем или иным признакам» и, вместе с тем, выделение «общего или родственного, типового для восточной музыки, но не локально характерного».

Секстовые интонации в их восточном «колорите» использовали русские композиторы в своих ориентальных опусах –

А.А. Алябьев, М.И. Глинка, А.П. Бородин, М.А. Балакирев, П.И. Чайковский. Имею ввиду повышение субдоминантовых звуков в качестве вводнотоновых, опевающих или вспомогательных элементов.

Несмотря на типологическое сходство тонической каденции, мы вслед за Л. Карагичевой повторим, что «...это парафразы, где мелодический материал, даже цитатный, заметно «прокорректирован, приспособлен к нормам русского салонного танцевального попури первых десятилетий прошлого века. Кавказские ритмы упрощены, проецированы на движение польки, вальса, галопа и т.д., подлинные интонации смыкаются с типовыми формулами композиторского «словаря эпохи», а иногда в нем «размыты». Вот почему в мелосе «Кадрили» мы угадываем в первую очередь черты ладоинтонационного сходства с тем или иным конкретным фольклорным образцом, а не жанровые приметы, которые, как правило, стерты» [6, 91].

Эта цитата подтверждает и важность ладоинтонационного аспекта сравнения.

Поэтому попытаемся в опусах русских ориенталистов найти не только типологические координаты музыки кавказских народов, но и национально – специфические параметры.

По свидетельству Л. Карагичевой в этот опус вошли мелодии из черкесского, азербайджанского, кумыкского, персидского и грузинского фольклора.

В «Азербайджанской» мелодии воспроизводится типологически четкая тоническая каденция лада Шур. Разница существенна в области метроритма, поскольку танцевальные мелодии данного ладоинтонационного строя, как правило, звучат в размере 6/8.

Единое региональное пространство, определенные параллели в исторической судьбе народов Кавказа, вхождение в орбиту общих социально – политических процессов является основанием исследовать определенные универсалии культуры Кавказа.

Использованные источники и литература

1. Cyberleninka.ru/article`n`kosmogonicheskie-predstavleniya-tyurkoy
2. Kumukia. ru/article-9041.html
3. Kumukia.ru/article-122.html
4. Kumukia.ru/obshnazionalnoe-lokalnoe...
5. *Гасанов Г.* Кумыкские йыры и сарыны» // Музыкальный фонд СССР (старинные и современные песни народов СССР). Москва, 1956.
6. *Карагичева Л.* Французской кадрили на азиатские темы. 1989.
7. *Садыхин А. П.* Этнология. – М.: Гардарики, 2000.
8. *Текеева А. К.* Космогонические представления тюркоязычных народов Северного Кавказа. 2013. № 1 (21).

Э.С. Парастаева
(г. Цхинвал, Южная Осетия)

ДРЕВНИЙ ОККУЛЬТНЫЙ КАМЕНЬ «ЦЫКУРАЙЫ ФÆРДЫГ»: ДЕТИ КВАРЦА И ПРОКЛЯТЫЕ КВАРЦЕМ

О невероятном магическом камне *Цыкурайы фæрдыг-Сукрају фæрдыг* (букв. «бусина что попросишь», то есть «волшебная бусина, исполняющая желания») в осетинской части этнографической науки известно многое, и в то же время почти ничего не известно, сокрыто – такова диалектика его природы, для описания и изучения которой, как нам кажется, требуется особый подход. В обеих частях Осетии о камне непосредственно или от старожиллов знают если не все, то многие точно. Кроме того, он до сих хранится в некоторых семьях (обычно камень «предпочитает» сельскую местность, но встречаются и редчайшие исключения) как величайшее магическое наследие предков, и оберегается от посторонних посягательств еще более тщательно и трепетно, чем «зеница ока»!

Близкое знакомство с материалами, повествующими о невероятном чудо камне *Цыкурайы фæрдыг* и людьми, непосредственно контактировавших с ним (контактерами), не оставило у нас сомнений, что перед нами один из предметов древнейших сакрально-магических технологий (предположительно используемых в различных оккультных ритуалах), обладающих чудодейственными свойствами и фантастическими проявлениями, которые ставят в тупик даже современную науку (к таким предметам, например, относятся магический кристалл, более известный как

хрустальный шар – знаменитый и непревзойденный атрибут гадателей-ясновидцев (кристэлгейзеров) и невероятный, таинственный *хрустальный череп Митчелл-Хеджеса*, который считается самой загадочной находкой XX века и др.; о них, и еще о многих интересных вещах, мы подробно расскажем в нашей книге о *Цыкурайы фæрдыг*, которая выйдет под названием «Таинственное наследие предков – магический камень *Cykurajy færdyg*. Связь времен: от прошлого к настоящему», по настоящее время над ней ведется активная работа! Культ камня *Цыкурайы фæрдыг* среди осетин издревле носит стойкий и непрерывный характер. Даже и в наш современный век он находится под традиционным священнойейшим табу (!): глазеющий на него без надобности, из праздного любопытства (взирать на него можно было в торжественном порядке (!) только по особым случаям, и, как нам всем известно, в ночь на Ног бон/Новый год), будет жестоко проклят сам и весь род его! Да, реальность такова, что и сейчас *Цыкурайы фæрдыг* вызывает у нас неосознанный (подспудный) мистический страх и трепет. Большинство информантов – обладателей камня в категорической форме отказывались предоставлять нам информацию, по определению Коста Хетагурова, о своей «величайшей святыне» [1, 11–12], представьте себе, из-за сильного страха (граничащего с паническим) навлечь на себя ее гнев, за то, что потревожили «всуе»! А о том, чтобы позволить открыть камень (обычно он хранился в особой закрытой коробочке) и заснять его на пленку и речи быть не могло! Но зато они с большим энтузиазмом и во всех подробностях (и за это тоже им огромное спасибо) расскажут вам много историй о чужих камнях и даже опишут их внешний вид.

Что касается внешнего вида камня *Цыкурайы фæрдыг*, то он достаточно детально описан научной этнографией в исследованиях Гагловой З. Д. [2, 171] и Чибирова Л. А. [3, 146]. Вот что в них говорится о стандартном, т.е. среднестатистическом камне (его наиболее распространенный вид):

«Цыкурайы фæрдыг – это блестящий драгоценный камень овальной (строгой и не очень) формы, величиной от горошины до голубиногo яйца, имеет слегка желтоватый оттенок, прозрачен и излучает в темноте довольно сильный фосфоресцирующий

блеск» (выделено нами – П. Э.)

На основе этнографических материалов, упомянутыми учеными выявлено и определено еще семь интересных и примечательных разновидностей камня [4]:

1. *Черного цвета с белыми и красными пятнами.*
2. *Белого цвета с желтым оттенком.*
3. *Красного цвета с тремя полосками: синей, черной и белой.*
4. *Белого цвета с мягким синим оттенком.*
5. *Черного цвета.*
6. *Белого цвета с черным оттенком.*
7. *Красного цвета без полосок* (выделено нами – П. Э.)

Это и есть классический перечень разновидностей камня *Цыкурайы фæрдыг*. На основе новейших этнографических данных, собранных нами за последние несколько лет, перечень дополнен еще восьмью весьма нетипичными, можно даже сказать, экстраординарными разновидностями [5]:

8. *Блестящего лазурного цвета.*
9. *Бело-голубой, в виде человеческого глаза (камень-глаз)*
10. *Грязно-белого цвета с человеческим лицом (камень-голова)*
11. *Зеленого цвета с изображением двух пар крылышек.*
12. *Хрустальный (прозрачный) камень.*
13. *Цвета янтаря.*
14. *Цвета мокрого асфальта со светло-серыми пятнами.*
15. *Хрустальный камень в форме миниатюрного человеческого черепа.*

Что касается магико-окультирной сущности камня, то осетины традиционно воспринимали его как живое существо (!!!), способное **реально** (выд. нами – П. Э.) воздействовать на био- и психо-энергетику человека! И это вовсе не сказки, и не фантастические измышления больного воображения, а реальные рассказы очевидцев – обладателей камня, людей вполне здоровых физически и умственно. Автор настоящих строк подтверждает это и на собственном опыте, так как была очевидцем того, как камень разновидности №13 на глазах менял внутренние очертания и явным образом воздействовал на сновидения его обладателя. И однобокий описательный подход с сопутствующими клише «суеверий»:

«по верованиям...», «...по поверьям осетин», «в представлении народа...» при исследовании природы камня *Цыкурайы фæрдыг* совершенно не продуктивен и ведет в тупик. Истории, связанные с новейшими разновидностями, еще более необычны, в сравнение с камнями классического перечня. Но это тема отдельного разговора. А в настоящей статье мы хотим предоставить информацию, в которой воздействие нашего камня *Цыкурайы фæрдыг* на человека раскрывается с неожиданного ракурса, неизвестного до сих пор науке. Это – влияние на физическую внешность человека.

Известно, что природный минерал *кварц*, а особенно его разновидность *горный хрусталь*, издревле считается самым действенным из камней, используемых в магико-окультной практике. Именовали его красиво – «лед, который потерял возможность таять». Наш *Цыкурайы фæрдыг*, несомненно, тоже относится к кварцу, а его прозрачный вид, т. е. горный хрусталь, представлен в преданиях информантов-старожилов под названием *дзæнхъæ цыкура* «хрустальная бусина» (№ 12, № 15) – камень, обладающий наиболее мощной энергетической силой среди других разновидностей. А вообще кварц встречается и в горах Южной Осетии, а в Дзауском районе в некоторых предгорных и мелко скалистых местах он даже выходит на поверхность. Для справки: кварц – двуокись кремня SiO_2 , существуют следующие виды кварца, кроме хрустала: фиолетовый – *аметист*, дымчатый – *раухтопаз*, черный – *морион*, золотисто желтый – *цитрин*, а также *зеленый празем*, *золотистый мерцающий авантюрин*, *агат* и *халцедон* [6, 3].

Окультное предназначение и магическая сущность камня *Цыкурайы фæрдыг* согласно традиционным народным преданиям и рассказам современных людей, вкратце сводятся к следующему:

1. *Цыкурайы фæрдыг* – это ни что иное, как магический предмет, исполняющий любые (!) желания, судя по его названию и рассказам как ранних, так и современных информантов (обладателей, контактеров): он дарует изобилие, благополучие, счастье, здоровье, ограждает от различных бедствий, несчастий. Им лечили, прикладывая к больному месту, на нем гадали, предвещая как неблагоприятные, так и благоприятные события.

2. *Цыкурайы фæрдыг* хранился особым образом и в особых

условиях: в недоступном от посторонних посягательств, укромном месте, в специально отведенном пенальчике в «шелках и бархатах». Ответственным за него был сам хозяин дома – мужчина (в редких случаях женщина). Таких людей мы называли хранителями. Удивительно то, что камень сам выбирал хранителя, являясь ему двумя мистическими способами: совершенно из ниоткуда и через посредство змеи. Она приносила его и роняла там, где надо (или же человек сам насильно отнимал его у змеи, впрочем, это одно и то же, скорее, камень давал отнимать себя у змеи). *Цыкурайы фæрдыг* нельзя было похищать категорически, он приносил несчастье похитителю и неведомым образом возвращался к своему хранителю!

3. *Цыкурайы фæрдыг* среди осетин традиционно культивировался как узко семейная святыня, требующая особого почитания. Оно заключалось в ритуальном преподношении из жертвенного барана, трех пирогов *хæбизджын*, пива *баггаены*, трех свечей *æртæ цырагъы* и специального молитвословия *куывд*. В наше время древний ритуал упрощен и ограничивается тремя пирогами, водкой *арахъхъ* и простыми прошениями.

4. Согласно осетинской народной традиции *Цыкурайы фæрдыг* всегда был неведомым образом связан с необычной, аномальной змеей, часто сопровождающей его. Но камень контактировал не только со змеей, но еще с неким паранормальным существом (!) – длиннобородым стариком (чаще всего злым), который известен в мифологии осетин как Бынаты Хицау т.е. домовый (обо всем этом расширенно и подробно будет изложено в нашем исследовании, упомянутым выше в скобках).

Что же это за таинственные «дети кварца» и «проклятые кварцем», анонсированные нами в заглавии статьи? Дело в том, что во время очередного сбора полевых данных о камне *Цыкурайы фæрдыг*, в Дзауском районе Южной Осетии, в селении Хвце, со слов 80-летнего информанта Тибилова Цуцукка (кстати сказать, хранителя собственного *Цыкурайы фæрдыг*, в категорической форме отказавшего нам что-либо поведать о нем) мы записали очень интересное предание (оказывается, давно известное в этих краях!), в котором природа нашего камня открылась с новой стороны. Сюр-

приз действительно оказался неожиданным. Предание называется «Саулохты цыкура» (Цыкура [фамилии] Шавлоховых):

«Раздæр Саулохтæ цардысты бæрзонд, хæхты, Згъуыбыры. Уый тынг раджы уыд. Уырдаæм Цæгат Ирыстонæй æрлыгъдысты Калмантæ дæр, сæ кой айхъуыстис, зæгъгæ, дам, сæхицæн самадтой тынг стыр мæсыг. Æнæуый сын ницы уыдаид Саулохтæн, фæлæ æнæзæнæг уыдысты, уый сын сæ цард æнад кодта. Æнæзæнæг уыдысты Калманты бинонтæ дæр. Саулохты лæг æмæ ус дзæбæх дæрджын уыдысты, афтæ сыл æрбамбæлдис диссаджы хабар. Иуахæмы, æрæгвæззæг уыдис, зæронд лæг рæстмæ цæстæй нал æвзæрста, хурмæ бадтис æмæ йæхи тавта. Уалынды кæцæйдæр фæзындис зæрватыкк æмæ йын йæ хъæбысмæ ‘рыппæрста цыдæр дзаума. Лæг фæсидтис усмæ, уый кæсы æмæ мæнæ æнахуыр диссаджы рæсугъд *Цыкурайы фæрдыг* – уыдис донау рæсуг æмæ хурмæ цæхæртæ калдта! Ацы хабары фæстæ ус банхъæлцау ис æмæ ныййардта диссаджы чызг, стæй ма ноджы уый фæстæ лæппутæ æмæ чызджытæ. Хистæр чызг æнахуыр рæсугъдæй бахъомыл ис, йæ буар, дам, уыдис æнахуыр тæнцъар, йæ хуылфы дзаумæттæ æттæмæ бæрæгæй зындысты! Уымæй уæлдай, диссаг уыд кæсын дон куы ныуæзта, бæрæгæй зынд, дон йæ хурхы дæлæмæ куыд уайы.

Иуахæмы зæронд лæг чызджы арвыста зиууæттæм акæсынмæ. Къулдыммæ куыддæр схызтис, афтæ ‘нæнхъæлæджы кæцæйдæр фæзындис æнахуыр стыр зилгæ дымгæ, æрбалвæста чызджы йæхимæ æмæ фæдæлдзæх уайтагъд. Уыцы иу уынд ма йæ фæкодтой зиууæттæ. Бирæ йæ фæцагуырджы кæмтты æмæ адгуыты, фæлæ нал разынд. Ацы хабары нысанæн уым, Згъуыбыры, цæрджытæ скодтой Дзуар æмæ йæ рахуыдтой Уæлхъæуы Дзуар...» [7].

«Изначально Шавлоховы обитали в высокогорном селе Згъуыбир (Дзауский район Южной Осетии – П. Э.). Было это давно. Туда же из Северной Осетии переселились и Калмановы, которые прославились тем, что смогли возвести себе огромную башню мæсыг. Все бы ничего, но семья Шавлоховых была бездетна и это отравляло им жизнь. Бездетной была и семья Калмановых. Супруги Шавлоховы были в достаточно преклонном возрасте, когда

неожиданно случилось чудо. Однажды, поздней осенью, старик, почти полностью ослепший к тому времени, сидел на солнце и грелся. Вдруг, откуда ни возьмись, появилась ласточка и уронила ему на колени какую-то вещь. Старик позвал старуху, и та увидела *Цыкурайы фæрдыг* удивительной красоты – камень был прозрачный (горный хрусталь! – П. Э.) и сиял на солнце! После случившегося, старуха зачала и родила удивительную девочку, а потом еще сыновей и дочерей. Девочка-первенец выросла неслыханной красавицей, а кожа ее была необычно полупрозрачной, да так, что внутренние органы явно просматривались. Особенно интересно было наблюдать, когда она пила воду, и видно было, как жидкость стекала вниз по глотке.

Однажды старик послал дочь посмотреть за помочанами. Как только она поднялась на горку, вдруг неожиданно появился страшный торнадо и, захватив ее в круговорот, исчез. Только и видели ее помочане. Долгое время ее искали по ущельям и оврагам, но так и не нашли. В память об этом происшествии жители Згъуыбир основали на том месте святилище, назвав его «Уæлхъ-æуы Дзуар»...

В связи с этим интересно будет отметить, что о чудесных девушках-горянках с полупрозрачной кожей, живших в стародавние времена, нам рассказывали многие информанты-старожилы, особо подчеркивая их необыкновенную, неземную красоту [8]. Более того, в одном предании [9] уникальная «хрустальная» внешность девушки, как и в предании Шавлоховых, прямо увязано с наличием у ее рода волшебного камня *Цыкурайы фæрдыг*! (и это, несомненно, была именно хрустальная разновидность камня – П. Э.) Можно с уверенностью предположить, что и в случае с девушками-горянками не обошлось без магико-энергетического «вмешательства» таинственного кварца! Воздействие которого на биологическую природу человека рождало необыкновенных полупрозрачных (хрустальных), и вместе с этим, очень красивых, людей. Их мы и называли «детьми кварца»! Красота и прозрачность – два существенных атрибутивных признака, которыми обладает сама магическая хрустальная субстанция! Ведь как повествуют пре-

дания, именно от хрустального камня *Цыкурайы фæрдыг* нельзя было оторвать глаз, настолько завораживающий визуальный эффект производил он на созерцающих: необыкновенно прозрачный (как горная родниковая вода) и сияющий от красоты!

Но, как оказалось, магический кварц не только благословлял и награждал необыкновенной красотой, но и проклинал жестоко и беспощадно, наказывая свою жертву физическом уродством!

Совсем недавно наша коллега Хачирова Людмила, со слов своей матери Кудуховой Зои, рассказала нам удивительную историю, где наш камень *Цыкурайы фæрдыг* предстает в совершенно противоположной ипостаси (события разворачивались в другом районе Южной Осетии – Ленингорском, в родовом селении нашей информантки – Цъубен).

«Иуахæмы маæ фæндаг кодтон Цъубенæй Гурмæ, иу ран нæ автобус фæурæдта æмæ схызтис иу гуырдзиаг бæлццон. Адæм иууылдæр фергъиау сты йæ уындæй – уый хуызæн æнахуыр фыдхъуын лæг нырма ничи федта йæ царды! Адæймаджы зæрдæ уынгæг кодта йæ бакастæй. Уый куыннæ фæхатыдаид бæлцæттæ ахаст æмæ афтæ бакодта: «Диссаг мæм нæ кæсы ахæм ахаст, маæ бинонты зæрдæ дæр уый хуызæн хæццæ кæны. Зонын маæ фыдуынд. Кæддæр æз аив, бакастджын лæппу уыдтæн. Иуахæмы цуаны фæцыдтæн, маæ топп ме ‘ккой, афтæмæй. Цæуын хъæды, уалынджы маæ хъустæ ацахстой цæвæрдæр цъæхснаг, удаист æхситт! Азылдтæн уыцы ‘рдæм, цæуынтæ систон фæдисы хъæрмæ. Бахæццæ дæн бынатмæ, кæсын: мæнæ диссаг, дыууæ стыр калмы кæрæдзимæ куы фæлæбурынц! Сæ иу ме ‘рдæм разылд æмæ иннæмæ сæрæй ацамыдта, ома йæ фехс! Æз сивтыгътон топп, ныддардтон æмæ багæрах кодтон калмы. Райгондæй баззад фыццаг калм, ахылди тагъдгомау, фæстæмæ фæкаес-фæкаесгæнгæ, ома маæ фæдыл рауай. Ацыдтæй йæ фæдыл æмæ уынын, мæнæ бирæ-бирæ цыкурайы фæрдгуытæ! Калм уыдонæй иу рахицæн кодта æмæ йæ ме ‘рдæм ратылдта, ома айс уый лæварæн! Æз фæкуыддæр дæн, æваст фæвнæлдтон маæ топпмæ, калм фæстæлфыд, уайтагъд хабар фембæрста, йе ‘намонд кæй æрцыдис, æвиппайд йæхи ме ‘рдæм æрбаппæрста æмæ мыл йæ марг рапырх кодта! Маæ гæрах æмæ

йæ марджы рапырх сиу сты... Уæдæй фæстæмæ фесæфт мæ хуыз, сфыдхъуын дæн уый адыл...» [10].

«Однажды ехала я из Цъубена в г. Гори (ближайший к границе Южной Осетии грузинский город – П. Э.). На одной из остановок в автобус сел пассажир-грузин. Нам, остальным пассажирам, стало не по себе, такого уродливого человека никто еще не видел на свете! От одного взгляда на него с сердцем становилось плохо. Конечно, он не мог не заметить нашу реакцию, и обратился к нам со словами: «Меня не удивляет ваша реакция, моя семья тоже гнушается мною. Я знаю свое уродство. Но когда-то я тоже был приятным, видным парнем. Однажды я отправился на охоту, с ружьем наперевес. Иду по лесу и вдруг мой слух уловил резкий, душераздирающий свист. Повернулся я в ту сторону и пошел на шум. Добрался я до места и вижу: две большие змеи неистово дерутся! Одна из них повернулась в мою сторону и головой указала на другую, мол, застрели ее! Я взвел курок, прицелился и выстрелил в змею. Первая змея, с удовлетворенным видом, начала быстро уползать, оглядываясь на меня, мол, иди за мною. Побрел я за нею, и вижу: лежит большое количество бусин *Цыкурайы фæрдыг*! Змея выделила одну из них, и покатила в мою сторону, мол, прими в знак благодарности! У меня резко помутился разум, я схватился за ружье, змея вздрогнула, смекнув, что пришел ее конец, накинулась на меня и выплеснула в лицо свой яд! Мой выстрел и выплеск яда слились в одно мгновение... С тех пор у меня изменилась внешность, я стал уродливым...»». Собственно, таких людей, пострадавших от проклятий камня *Цыкурайы фæрдыг* (кварца), мы называли «проклятые кварцем»!

В осетинской народной традиции камень *Цыкурайы фæрдыг* (если он нес отрицательную энергетику, а такие «страшные» и «ужасные» тоже встречались) мог проклясть разозлившего его человека беспощадным образом так, что последний мог и умереть. Но воздействие проклятия на внешний вид человека – это совершенно новая сторона природы нашего необычного и немного жутковатого камня.

Использованные источники и литература

1. Хетагуров К.Л., Быт горных осетин, Сталинир, 1939.
2. Гаглоева З.Д., Составные элементы праздника «Ног бон», Известия ЮОИИ. Вып. IX. Цхинвал, 1958.
3. Чибиров Л. А., Древнейшие пласты духовной культуры осетин, Цхинвал, 1984.
4. См. Чибиров Л. А., (там же).
5. Этнографические материалы Парастаевой Э. С., собранные в 2010–2018 гг.
6. БСЭ, т.12, 1973.
7. Информант Тибилов Ц., Этнографические материалы Парастаевой Э. С., собранные в 2010–2018 гг.
8. Информанты: Парастаев И. М., и Парастаев Р., Этнографические материалы Парастаевой Э. С., собранные в 2010–2018 гг.
9. Информант Парастаев И. М., Этнографические материалы Парастаевой Э. С., собранные в 2010–2018 гг.
10. Информант Хачирова Л., Этнографические материалы Парастаевой Э. С., собранные в 2010–2018 гг.

Ф. А. Полчаева
(г. Махачкала, Россия)

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ПОВЫШЕНИЯ ПРЕСТИЖА ДИНАСТИЙ (НА ПРИМЕРЕ МЕЖДИНАСТИЧЕСКИХ БРАКОВ И УДРЕВНЕНИЯ ИСТОРИИ)

В данной статье рассматриваются некоторые способы утверждения и усиления власти, которыми пользовались представители дагестанских династий. Рассматривая исторические события, автор приходит к выводу, что наиболее распространенными и эффективными методами были междинастические браки и «удревнение» истории.

Ключевые слова: династия, Кубинское ханство, Кайтагское уцмийство, междинастические браки.

Ядром любого монархического государственного образования является династия. Династия определяется как ряд последовательно сменяющих друг друга монархов из одного рода [1, 283]. Это определение хоть и является емким и конкретным, все же не отражает всей глубины данного понятия. Это не просто поколение монархов, имеющих власть. Вся семья правителя, основанная на родстве по крови или родству в той или иной степени обладает политической властью и имеет возможность влиять на жизнь государства. Особенно ярко это проявляется в монархических государствах с недемократическим политическим режимом и диктаторским осуществлением власти. А также в государствах традиционной экономической системы.

Династия, как семья, обладающая властью, играла определяющую роль в государственных образованиях Кавказа, и в том числе на территории Дагестана. Это такие феодальные государства, как: Казикумухское шамхальство, Кайтагское уцмийство, Дербентское, Кубинское и Аварское ханства, Табасаранское майсумство и др.

Находясь на такой сравнительно небольшой территории эти государства были обречены постоянно сталкиваться друг с другом в попытках достичь своих целей. Нельзя не принимать во внимание и их геополитическое положение, привлекавшее различных сторонних игроков: Монгольскую империю и империю Тимуридов, Персию, Османскую и Российскую империи. Этими обстоятельствами объясняется формирование обширной и сложной сети внешнеполитических и экономических связей между дагестанскими государствами.

Кроме насильственных захватов территорий и заключения торговых союзов, правители часто пользуются другими методами увеличения своих территорий и власти. Одним из самых популярных способов установления новых и поддержания старых связей, повышения престижа и поиска союзников были династические браки. Правящие дома дагестанских государств были связаны как между собой, так и с другими соседними государствами.

Например, этим способом активно пользовался известный кубинский правитель Фат-Али-хан, который связал свою династию со многими соседними феодальными домами. Однако родственные связи не были гарантией хороших отношений. Так, Фат-Али-хан был женат на родной сестре кайтагского уцмья Амир-Хамзы Тути-бике, что было крайне выгодно обоим династическим домам: Фат-Али-хан получал поддержку одного из сильнейших государств на территории Дагестана, а уцмий получал возможного посредника в отношениях с северо-азербайджанскими владениями. И если поначалу Амир-Хамза выступил на стороне своего свояка в завоевании Дербента, то позже отношения их сильно испортились. Это было связано с тем, что кубинский правитель, обещавший выдать за Амир-Хамзу одну из своих сестер Хадиджу-бике, в последний момент передумал и выдал ее за бакинского мелика Мухаммад-хана сына Мирзы-Мухаммад-хана. В ответ на

это кайтагский уцмий напал на Дербент в отсутствие Фат-Али-хана, но атака была отражена его же родной сестрой [2, 141].

Нередко, междинастичекые браки становились способом закрепить мир после войны. Такая традиция напоминает институт аманатства. С одним отличием: представитель династии становился не заложником, а частью семьи другой династии, что обеспечивало мир обеим сторонам. Правда, не давало гарантий, что показывает вышеописанная ситуация с сестрой кайтагского уцмий Тути-бике.

Так, свою сестру Фатьму-ханум Фат-Али-хан выдал за Мухаммад-Мирзу-бека Шекинского [3, 209]. Закончив войну в Ширване в 1785 году Фат-Али-хан пошел на Шекинское ханство. Мухаммад-Гасан-хан, потерпев поражение в сражении запросил мира и в качестве его гарантии предложил в жены кубинскому правителю свою сестру Бегиму-ханум [3, 210; 4, 188]. А позже выдал свою третью сестру Гури-Пейкер-ханум за Мухаммад-Гасан-хана Шекинского [3, 210; 5, 272]. Этот брак, в свою очередь, испортил отношения между Мухаммад-Гасан-ханом и его братом Агаси-ханом, который видел в действиях кубинского правителя притязания на их земли [6, 170].

Все четыре брака вписываются в одну линию по налаживанию отношений с южными от Кубы владениями: Бакинским и Шекинским.

Уже после смерти Фат-Али-хана, во время конфликтов его сыновей Шейх-Али-хана и Гасан-хана их сестра Периджа-ханум взяла власть в свои руки. Она выдала свою сестру Чимназ-ханум за сына табасаранского кадия Абдулла-бека. А сама, отказав Умма-хану аварскому (за которого была обещана Фат-Али-ханом) вышла за Мехти-бека, впоследствии ставшего Тарковским шамхалом [6, 152]. Брак с Тарковским шамхалом был выгоден слабевшему Дербентско-Кубинскому ханству и только укрепил союз, который сформировался еще при Фат-Али-хане (в благодарность за помощь при взятии Дербента он передал Тарковскому шамхалу несколько селений).

Использовались и другие способы повышения престижа рода. Так, в этих целях, а также для легитимации власти правяще-

го рода, его происхождение нередко связывалось с известными историческими личностями, удревнялось и обрастало легендами.

Примером этого явления может послужить версия о курейшитском происхождении некоторых дагестанских династий (казикумухских шамхалов, кайтагских уцмиев). А благодаря междинастическим бракам, кровь курейшитов должна быть практически в каждой дагестанской династии. Эта версия излагается в таких письменных источниках, как: «История Маза», «История Тледока», «Хроника Махмуда из Хиналуга», «Родословная Рустамхана», «Дербент-наме», «Тарих Дагестан», «Гюлистан-Ирам», «Асари Дагестан» и т. д. Почему же выбрано было именно племя курейшитов, а не другие завоеватели, появлявшиеся на территории Дагестана? Как известно, ни один из этих источников не был написан во время описываемых событий, все они были написаны значительно позже, когда ислам уже прочно утвердился в дагестанских владениях. Следовательно, авторитет пророка, представляющего религиозное обоснование власти был значительно выше политического авторитета любого правителя, династии или народа. Также, курейшитское происхождение было своеобразным способом легитимации власти, как это было в Арабском Халифате.

Все перечисленные источники с небольшими отличиями и сокращениями передают одну и ту же версию, в основе которой лежит следующая история. Потомки Хамзы и Аббаса (дяди пророка Мухаммеда) собрали войско из своих последователей и отправились распространять ислам, сражаясь с неверными. Дойдя до территории Дагестана они утвердили здесь свою власть и назначили правителей из числа своих людей. В Кумухе Шахбала (от которого пошел титул «шамхал») или человека родившегося в Шаме, в Кайтаге Чупана (эмира Джуфана), предварительно убив правившего здесь эмира Казанфара. Также они подчинили Табасаран и все дагестанские земли обязывались подчиняться шамхалу [6, 102; 7, 1073; 8, 1072; 9, 112; 10, 118]. В зависимости от владения, в котором был написан источник различается и его роль в указанных событиях.

Версия эта давно опровергнута историками, но за годы своего существования и кочевания из одного источника в другой, прочно укоренилась в исторических представлениях людей.

Не только установление родства с «мусульманской элитой», но и любая религиозная подоплека являлись прочным фундаментом для повышения авторитета. Так, Казикумухское шамхальство получило приставку «кази» (гази) к своему названию за усердную борьбу с неверными и распространение ислама, в чем негласно считалось главным.

Говоря о династии уже упомянутых нами кайтгских уцмиев, нельзя не отметить ее чрезвычайную запутанность, в которой сложно разобраться, но абсолютно очевидна ее связь с большинством дагестанских династий. Так, в исторической науке принято считать, что кубинские правители представляют собой ветвь династии кайтагских уцмиев. Об этом подробно написал А. Бакиханов. Во время междоусобицы Маджалисской и Енгикентской ветвей, последняя практически истребила первую. Спасен был лишь один ее представитель – малолетний Гусейн-хан, который впоследствии стал кубинским правителем. Вероятно, что так и было. Но впоследствии, правителем Кубы мог стать представитель местной знати, основавший новую династию [11, 11].

В сочинении «Хроника Махмуда из Хиналуга» описан конфликт между двумя сыновьями погибшего уцмий Султан-Мухаммад-хана Султан Алибеком и Ильчав Ахмед-беком. Матерью первого была сестра казикумухского шамхала, а второго – сестра ширваншаха Гершаспа. В результате вооруженного конфликта, Ильчав Ахмед-бек ушел к своему дяде, где получил во владение полагавшийся ему от матери удел, к которому прибавилось еще несколько сел: Вардан, Якублу, Согютлю и Салар-Архы [8, 1075]. После примирения с братом Ильчав Ахмед отправил к нему своего сына Мухаммед-бека, получившего в управление южнодагестанские земли: Ахты, Докуз-Пару, Микрах, Фий, Кюру, Мскинджи, Маза [Там же, 1077].

Таким образом, дагестанские правители, как и множество других, использовали разные методы и приемы налаживания внешнеполитических связей, а также утверждения своей власти внутри государства. Основными способами были: 1) междинастические браки; 2) «установление родства» с арабскими завоевателями

(племенем курейшитов) и утверждение своего «первенства» в распространении ислама.

Из приведенных примеров мы видим не только эффективность и распространенность этих методов усиления династической власти, но и обширность, разветвленность междинастических связей, сформировавшихся между правящими домами Дагестана и значительно менявших расклад политических сил.

Использованные источники и литература

1. Энциклопедический словарь. Москва: Репринтное издание, 2009. 1887 с.

2. *Гаджиев В.Г.* Роль России в истории Дагестана. М.: Наука. 1965. 389 с.

3. *Абдуллаев Г.Б.* Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку: Издательство Академии наук АзССР, 1965. 621с.

4. *Петрушевский И.П.* Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении (в XVI – начале XIX вв.) Л.: Издательство ЛГУ, 1949. 382 с.

5. *Березин Н.И.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань: Университетская типография, 1850. 473 с.

6. *Бакиханов А.* Гюлистан-и-Ирам. Баку: Эльм, 1991. 304 с.

7. Кайтагская Рукопись I // Акты Кавказской Археографической комиссии. Т.2. 1238 с.

8. Кайтагская рукопись II // Акты Кавказской Археографической комиссии. Т.2. 1238 с.

9. История Маза (Пространная редакция) // *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука. 1993. 298 с.

10. История Тледока // *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука. 1993. 298 с.

11. История, география и этнография Дагестана в XVIII–XIX вв. Архивные материалы/Под ред. *М.О. Косвена, Х.М. Хашиева.* М.: Издательство восточной литературы, 1958. 370 с.

М. Х. Тезиева
(г. Владикавказ, Россия)

К ВОПРОСУ О РОДОВЫХ ГЕРБАХ ОСЕТИНСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

Принято считать, что у осетинской аристократии не было и не могло быть родовых гербов, а только тамги. Но так ли это на самом деле? Попробуем рассмотреть этот вопрос на примере устур-дигорских феодалов-царгасат (они же чергессата, черкезеты, Черкезидзе, Черкезовы, Чирклидзевы) Таймазовых, Карабугаевых, Кантемировых.

Этот род привлекал неоднократно внимание крупных отечественных и зарубежных исследователей: Пфафф, Миллер, Шегрен, Джанаев, Уарзиати... Всех не перечислить! Перелом в изучении темы наступил в 1998 году, когда в научный оборот был введен крайне любопытный документ (так называемое «Прошение Чергезетов») от 31 декабря 1859 года «Его Сиятельству Наместнику Кавказскому Господину Генералу от Инфантерии Генерал-адъютанту и Кавалеру Князю Барятинскому Дигорского ущелья дворян по фамилии Карабугаевых, Таймазовых и Кантемировых Прошение» [1, 110–111].

Подробно рассказывая в Прошении о своем происхождении, представители царгасат утверждают в этом документе, что прежде они жили на той части Кавказских гор, которая омывается с юго-западной стороны Черным морем. Покинуть свою прежнюю родину они были вынуждены из-за экспансии «рымских» (римских) народов.

Мною было обращено внимание на любопытный факт, который зафиксировал в своей дневниковой записи от 22 мая 1837 года академик Андрей Шегрен, посетивший царгасат в Дигории: «Визит старшины этой местности; это скромный и учтивый, но слепой старик из рода Чергессата. Он рассказал, что его предки жили у Черного моря. Оттуда переселились три брата, из которых двое осели здесь, а один в Кабарде: род их прежде назывался Таврас и только позже принял нынешнее имя» [2, 105].

Возможно ли, что Шегрен вместо Гаврас/Хаврас (известная династия крымских правителей княжества Феодоро, так называемые «Мангупские князья», феодориты) услышал Таврас?.. Данные, которые приводит царевич Иоанн Багратиони [3], заставляют нас не отвергать эту интригующую версию. Багратиони сообщает о них, что они пришли в Грузию при царице Тамаре из Черкез-Керман (Черкез-Керман входил в крымское княжество Феодоро). Наши попытки найти подтверждения этим сведениям увенчались некоторым относительным успехом: в домашнем архиве тбилисского художника Софьи Черкезишвили сохранились черно-белый рисунок герба Черкезишвили (совпадает с гербом, который приводится в цветном виде в Пятой части Родословной книги грузинских князей) и запись со ссылкой на «Историю Иверии» 1884 года издания: «Род Черкези прибыл из Черкасс в свите жены царя Георгия II Имеретинского Русуданы в 1563 г. – дочери владетеля Кабарды. На родине они были дворянами. В России есть еще семья Черкасовых, – возможно, одного происхождения. В Кахетии род пользуется правами тхавадов 3 степени» [4].

В пятой части Родословной книги грузинских князей указаны имена Черкезишвили в Манави, Тохлиаури и Какабети (Кахетия). И титул – «тавади» (соответствует закавказским меликам). Что, по сути, подтверждает информацию из личного архива Софьи Черкезишвили.

Царгасатам-Черкезидзе (устур-дигорским феодалам Таймазовым, Карабугаевым, Кантемировым), как известно, в период до Соломона I принадлежали земли (деревни) в Имеретии, а точнее – в горной Раче: Геби, Чиори, Гловли и другие. Интересно, что одно из этих сел в горной Раче – Геби – имело несколько названий: в

дигорском селении Дзинага его называли Гезе, а жители других районов Осетии знали его как Хъиба [5]. Множество топонимов в Геби заставляют нас вспомнить о царгасатах (царгасатской топонимике в горной Раче следует посвятить отдельное исследование).

Итак, две ветви Черкезовых (которые прежде назывались Таврас, возможно, Гаврас/Хаврас), разделенные на две ветви – Черкезидзе и Черкезишвили – маркируются в Грузии определенными местностями: Черкезишвили – Кахетией, а Черкезидзе – Имеретией (Горная Рача).

Герб Черкезидзе не обнаружен, а герб Черкезишвили приводится в двух вариантах: черно-белом и цветном. Цвет в геральдике, как известно, играет очень важную роль [6]. Поэтому было бы интересно получить комментарий геральдистов к цветному изображению герба Черкезишвили.

*Рисунок герба рода Черкези
из личного архива Софьи Черкезишвили*

Так как царгасата в своем Прошении указывают на близкое родство с абхазскими князьями Шервашидзе (Черкезия и Шавраш – два родных брата), то любопытно сравнить геральдику Шерва-

шидзе с геральдикой Черкезишвили. У князя Георгия Шервашидзе – две восьмилучевые звезды в гербе (именно восьмилучевые звезды маркируют княжество Феодоро). У имеретинских князей Давыдовых-Багратиони одна пятилучевая золотая звезда (как у Черкезишвили, но у Черкезишвили их шесть) на красном фоне (у Черкезишвили на синем, но тоже золотые звезды).

Можно предположить, что когда княжество Феодоро пало, часть Черкезовых (до этого – Таврас) обосновалась в Грузии, а часть осела в Дигории и Кабарде, но эта версия нуждается в тщательной проработке, хотя данных достаточно.

Одним из маркеров, который делает жизнеспособной версию о мангупском происхождении царгасат, является также маркировка орлом (царгас – орел), а у мангупских князей на гербе – двуглавый орел, который появился после того, как они породнились с Палеологами. Вообще звезда, орел, море – постоянные маркеры царгасат.

Интересно, что в Осетии орел является покровителем также царского рода Царазоновых (иронцы). Являются ли ли царгасата и царазонта двумя ветвями одного рода (одна ветвь дигорская, другая – иронская)? Эта гипотеза также нуждается в тщательной проверке.

Использованные источники и литература

1. Центральный государственный архив РСФСР-А. Ф.262. Оп.1. Д.1.
2. Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шегрен. *Шегрен А.М.* Исследования. Тексты. М., 2010.
3. *Багратиони Иоанн.* Краткое описание проживающих в Грузии княжеских и дворянских родов. Тбилиси, 1997.
4. Личный архив Софьи Черкезишвили (Тбилиси).
5. *Уарзати Вилен.* Избранные труды. Том 1. (Этнология. Культурология. Семиотика). Историческая интерпретация песни о Мазуке Кантемурти. С.387. – Владикавказ: Абета, 2017.
6. *Похлебкин В.В.* Словарь международной символики и эмблематики. М., 2001.

Ш. М. Хапизов
(г. Махачкала, Россия)

ХРОНИКА АЛИМЧУЛАЛ КАК ИСТОЧНИК ПО ГЕНЕАЛОГИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ДАГЕСТАНА

В статье на основе данных письменных источников исследуется генеалогия тухума Алимчулал. Начиная, по крайней мере, с XIII в. и до конца XIX в. эта династия ученых-алимов играла значительную роль в духовной, интеллектуальной жизни Хунзаха – сначала столицы царства Сарир, а затем и Аварского нукцальства. Основным источником служит краткое авароязычное сочинение – своего рода фамильная хроника. Она была составлена в 1966 г. представителем тухума Алимчулал. Данные этого сочинения были верифицированы с информацией, содержащейся в записях колофонов ряда рукописей, переписанных в XVI–XIX вв. представителями этого тухума. Выявив некоторые ошибки и несоответствия в нем, вместе с тем мы должны признать, что представленная в данном сочинении генеалогия имеет под собой реальную историческую основу. В статье приводится транслитерация и перевод на русский язык данного сочинения. В нем также содержится генеалогия аварских нукалов. Значительный интерес представляют данные этого сочинения, посвященные некоторым подробностям распространения ислама в Хунзахе. В статье также приводятся сведения из рукописей XVI–XIX вв., хранящихся в рукописной коллекции Алимчулал и в других собраниях рукописей. Очевидно, в XIII в. предок тухума Алимчулал являлся

христианским «алимом» (руководитель христианской церкви Сарира?). Впоследствии, он принял ислам и способствовал распространению ислама в Хунзахе. Его потомки уже стали известными алимами, на протяжении нескольких веков являясь кадиями Хунзаха и Аварского нуцальства.

Ключевые слова: Аварское нуцальство, Хунзах, Абумуслим, Алимчулал, генеалогия, ислам.

Генеалогические исследования являются значимой составляющей исторических разысканий и позволяют выявить важные исторические данные, обогатить наши представления о том или ином периоде изучаемого региона. Исследование же ученых династий нередко раскрывает перед нами целые культурные и духовные пласты истории народа. В этом аспекте изучение генеалогии тухума Алимчулал из Хунзаха представляет несомненный интерес и проливает свет на историю интеллектуальной мысли в Дагестане на протяжении нескольких веков.

Исследователь биографий средневековых дагестанских ученых Назир ад-Дургели в своем сочинении «Усилада умов в биографиях дагестанских ученых» писал о большой роли исламских ученых из Хунзаха в распространении научных знаний в Дагестане:

«Знай, что исламские науки и знания, пришедшие на Кавказ, точнее – в область Дагестан – это следствие деятельности муджахидов, завоевателей, путешественников – в эпоху исламского государства в те времена, когда Багдад был центром ислама, источником наук и знаний. Прибывшие в Багдад жители Кавказа и Дагестана стали после этого приобретать знания в науках и литературе. Среди них наиболее сильными в познаниях, наиболее настойчивыми были выходцы из области Авар и ее соседей. В прошлом в городе Хунзах, центре вилайата Авар, и близлежащих землях было (много тех), кто упорствовал в усвоении наук и знаний, и отправлялись в путь в поисках знания со времени исламского Аббасидского государства. После этого увеличилось число путешествующих студентов век за веком, эпоха за эпохой. По этой причине распространился в Дагестане мазхаб имама аш-Шафи'и, – да будет доволен им Аллах. В городе Хунзах кадии передавали кадийство в наследство от отца к отцу, от род-

ственников к родственнику, потому что они были распространителями наук и знаний в Аварию и другие области» [1, 9].

Хунзах, будучи административно-политическим центром царства Сарир, а затем Аварского нучальства, являлся также и крупным мусульманским научным центром со сформировавшимися династиями ученых-алимов, обладавших ценными собраниями средневековых рукописных книг, создававшихся и приобретенных в результате усилий многих поколений. Большинство этих династий возводят свое происхождение к уроженцам из других аварских селений или даже Ближнего Востока, однако имеется среди них тухум, представители которого считают себя коренными хунзахцами, живущими здесь еще с доисламских времен.

В 2005 г. проф. А. Р. Шихсаидов, руководивший работой археографической экспедиции Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН и Дагестанского государственного университета, будучи в Хунзахе занимался описанием фамильной библиотеки тухума Алимчулал и зафиксировал свои впечатления о ней и ее обладателях:

«Магомедрасул Гаирбекович Гаджиев (65 лет, уроженец сел. Хунзах), принадлежит к тухуму Алимчулал, роду ученых, родоначальник которого в 10 колене также известен как ученый. Фамильная библиотека Алимчулал хранится у Магомедрасула Гаджиева. Рукописи хранятся в отдельной, специально отведенной для этого комнате, на деревянных полках. Ежегодно Магомедрасул Гаджиев просматривает рукописи, принимает самые простые меры для их сохранения. Его отец Гаирбек, хороший знаток дагестанской литературы, оставил на многих книгах записи о своих владельческих правах.

Коллекция отличается как числом входящих в нее рукописей (более 150), так и обширным тематическим разнообразием. Многие экземпляры имеют отличный темно-коричневый переплет с клапанами (картон, обтянутый кожей), многочисленные, порой чрезвычайно информативные, цитаты и глоссы, записи о «прохождении» книги под руководством преподавателя – устада. Имеется много старых рукописей XIV–XVII вв., а также важные сведения о составе книжных коллекций XVIII в.» [2, 431].

Автор настоящей статьи, будучи в Хунзахе в 2015 г., выявил рукописный сборник различных сочинений, написанных в большинстве своем в стихотворной форме, принадлежащий руке Гайирбека (1891–1973 гг.), отца вышеуказанного Магомедрасула Гаджиева, охарактеризованного А.Р. Шихсаидовым, как «хороший знаток дагестанской литературы», под которой подразумевалась, прежде всего, арабоязычная литература. Как записано в колофоне упомянутой сборной рукописи, алим Гайирбек сын Раджаба-хаджи закончил составление этой рукописи в июле 1968 г.¹ В рукописи имеются и другие данные биографии Гайирбека (в 1918 г. ушел на войну, в 1924 г. отправился в Сибирь, вероятно в ссылку и т. д.), однако этот вопрос выходит за рамки данной статьи.

Особый интерес в этой сборной рукописи представляет арабобиографическое историческое сочинение на аварском языке, написанное, судя по содержанию – в 1966 г. Оно изложено в стихотворной форме и записано на листах 7 и 8 (рис. 1, 2) данной рукописи синими чернилами с разделительными указателями, сделанными красным карандашом. В нем повествуется о приходе Абумуслима (он же назван Абдурахманом Шами, т. е. из Шама/Сирии) в Хунзах и распространении им ислама при поддержке предка тухума Алимчулал, который во время «джахилии» был «алимом и доверенным лицом» нуцала Сураката.

Само сочинение имеет 36 строк (с двумя вставками по 7 и 4 строки на листе 8), из которых 25 строк занимает стихотворная его часть. При транслитерации оно соответствует 50 стихотворным строкам (рис. 2). В первой вставке приводится генеалогия аварских нуцалов, «начиная с отца Сураката и до сегодняшнего дня», т. е. до времени написания сочинения в середине XX в. Во второй вставке дается генеалогия тухума Алимчулал – от самого

¹ В рукописи указан адрес: совхоз Джангиджер в Аламудунском районе Чуйской области Киргизской ССР. В рукописи записано «Алименский район», однако с 1958 г. до 1990-х годов район носил название Аламединский, что говорит об искаженной записи названия района. Современное название района – Аламудунский. По устной информации, Гайирбек некоторое время проживал в Киргизии, поскольку там проживала его дочь с зятем. Сложно ответить на вопрос – написана ли рукопись в Киргизии, либо в самом Хунзахе?

Гайирбека до 15-го предка (колена). Источников, откуда заимствованы эти сведения, Гайирбек не приводит, однако очевидно, что в его основу был положен отрывок из «Тарих Дагистан» о приходе Абуमुслима в Хунзах. Эти сведения Гайирбек обогатил за счет устной традиции, фамильных преданий своего тухума, а также данными из памятных записей, колофонов и прочего материала, почерпнутого из богатой рукописной коллекции тухума Алимчулал, которая согласно данному источнику состояла из 500 томов. В той же рукописи им дается большой массив памятных записей, как известных, так и не введенных пока в научный оборот. К примеру, под 1201 г.х. (начался 23.10.1786 г.) приводится информация о походе Умма-хана «в Рум» (как аварцы называли Османскую империю), в ходе которого были «завоеваны крепости Гумуш, Вахан и Нахучуван». Среди памятных записей имеются и даты смерти некоторых представителей тухума Алимчулал, которые мы приведем ниже.

Ниже дается транслитерацию текста этого сочинения на аварском языке с последующим подстрочным переводом на русский язык.

[Л. 1]

1. ГабдурахІман Шами – Абумуслим вачІана
Гъаб Дагъустан ракъалде ислам цъезе гъабунa
2. Гъевгун жигъад гъабулел мугъажирал рукІана,
АхІмадил тайпаялъул, АхІмад, Габбас рачІана
3. Суракъат чІван амирлъун Амир-АхІмад гъавуна.
Гъезул мамлакалда кверщел гъезул батана
4. Исламалде мугъ барал, лъутун Тушалъе ана.
Ислам камиллъилалде кафирав Суракъатил
5. Байар-Габас вачІана, энисан боял рачун
Хундериł махІилалде¹ махІкъотІун жани чІана,
6. Муслим Гъумеки ана, АхІмад анигво чІана.
ХІилаялъ АхІмад чІвана, мамлакат кодоб цвана
7. Ислам тун, куфруялде, гъел руссине гъаруна
Исламалде нуцІби къан, къварилъиялде ккана.

¹ ТІасан гъаб рагІуе баян къун буго: «ай авалалда ЧототІа».

8. Жагылаб заманаялъ нѣжер кІудияв эмен
Суракъатил божарав, гъезул гІалим вукІана
9. Байар-ГІабас ахІана, вагІза гъабун, кІалъана
Исламалде вуссине насихІатал гъаруна
10. ВагІза къабул гъабуна, вуссине къасд гъабуна
Муслимазе амѣрлѣун Муслимица гъавуни.
11. Чи витІун Муслимида ккарабицинаб бицана
Муслим нахъе вачІана, исламалде вачана
12. Мамлакѣт кодоб къуна, халифалѣун гъавуна
Гъесие кумакалѣе кваранаб кверлѣун чІана
13. Кирего боял рачун, жигъадалѣе хъвадана
Исламалѣе квербакъун, кутакалда вагъана
14. Гъесул лѣималацаги диналѣе квер бакъана
Кирего боял ритІун, рагъ къотІизе течІо.
15. ГІиракъалда тункана, ГІажам кодой босана,
Кафирал гуржѣязда харжгун магъало лѣуна
16. Вахан-хъала бахъана, Гумуш-хъала босана
Наху – Нахчуван бахъун, давла гъабун руссана.
17. Ингуш-Чачан цІунана, ЛъарагІлѣи данде цІана
Жудер шавкат цваралѣу шаргІиял нухал лѣуна.

[Л. 2]

**Суракъатил Байар-ГІаббасил лѣимал – жакъа къоялдасан
байбихъун Суракъатил имсуде швезегІан**

ФатагІали бину ГІумма-нуцал, бину ФатагІали, бину Сурхай, бину Гебек, бину МухІамад-нуцал, бину ГІумма-нуцал, бину ДиргІу-нуцал, бину ГІандик-нуцал, бину ГІумма-нуцал, бину Шамхал-нуцал, бину АмирхІамза-нуцал, бину ГІумма-нуцал, бину Булач-нуцал, бину МухІамад-Мирза-нуцал, бину ДиргІу-нуцал, бину СиртІан-нуцал, бину АмирсултІан-нуцал, бину Байар-ГІаббас-нуцал, бину Суракъат-нуцал, бину СиртІан-нуцал.

Тарих

Адамидасан НухІиде швезегІан 9090 [сон]. НухІидасан Ибрагъимиде швезегІан – 1132. Ибрагъимидасан Мусаде швезегІан – 506. Эсдасан Давудиде швезегІан – 570. Эсдасан ГІисаде швезе-

гІан – 577. Эсдасан МухІамадиде швезегІан – 600. МухІамадида-сан жакъа – 1386 (байбихъана 21.04. 1966 с.).

18. Нижер кІудияв эмен, жиндир зарра бацІадав,

Кафираб заманаялъ гъезул гІалим ватана.

19. Абумуслим вачІана, ислам къабул гъабуна,

Поцебе иманги лъун, гъев жанибе вачана.

20. Жинда цун рукъзал къуна, си биххун масжид бана,

Цадахъ йикІарай гъесул яц васасе ячана.

21. Биги гъанги жубана, гъесул тайпа лъугъана.

Гъесул нухда хъвадулел умумул нижерлъана

22. АницІила цуго гІалим цвана силсилаялда

Щунусиде гІагарун, тІахъал гъезул ратана.

23. Имсул чан вас цваниги, гІелму гуреб малъичІо

ГІелму тун, хъвадаразул мағлишат битІун ккечІо.

24. Мисри-Шамалде ритІун, гІелмуги тІалаб гъабун,

Гъенисан тІахъал росун, тадрис гъабун цІалдана.

Гъаб тухум гІалимзабазул ГІалимчулал ал-Авари, ал-Хун-захъи, ал-ПалтІи.

Гъайирбег бину Ражаб-хІажи бину ГІумар бину Ражаб-хІа-жи бину ХІусайн (ва ибнай МухІаммад-хІажи ва ГІалимчу-хІа-жи) бину ГІалимчу бину ГІабдулкъадир бину Малла-МухІаммад бину Исмағил бину МухІаммад бину ГІабдулкъадир бину Малла-МухІаммад бину МахІмуд бину МухІаммад бину АхІмад бину МухІамматІ.

25. Дун хутІун гІалимзаби гІелмуялда куцарал

Жудер лъималаздасан асмаал рикъун ккарал.

Перевод:

[Л. 1]

1. Абдурахман Шами – Абумуслим прибыл

На эту землю Дагестана доставив [свет] ислама

2. С ним джихад совершающие мухаджиры были,

Из рода Ахмада – Ахмад, Абас были.

3. Сураката убив, амиром Амир-Ахмада сделали.
Их [нуцалов] царство оказалось ими покорено
4. Повернувшись спиной к исламу, бежали в Тушети.
До утверждения ислама, неверного Сураката [сын]
5. Байар-Аббас прибыл, приведя оттуда [из Тушети] войска
В хунзахском квартале¹ укрылись, даже звука [не было слышно].

6. Муслим в Кумух ушел, Ахмад же здесь остался.
Хитростью Ахмада убили, царство вернули в [свои] руки
7. Оставив ислам, вернуться к неверию их [хунзахцев] заставили

Закрыв ворота исламу, в неверие впали.

8. Во времена джахилии наш первый предок
Сураката доверенным лицом, их алимом являлся,
9. Байар-Аббаса, призвав, с проповедью к нему обратился,
Чтобы обратить его в ислам, с наставлением к нему обратился.
10. Проповедь он принял, вознамерился вернуться [в ислам]
Если амиром мусульман [Абу-] Муслим его сделает.
11. Направив посла, рассказал все [Абу-] Муслиму.
[Абу-] Муслим, вернувшись, в ислам вернул [нуцала],
12. Царство вверил в его руки, сделав его халифом.
Будучи ему подмогой, стал его правой рукой.
13. Поведя всюду войска, повел джихад,
Во имя ислама, усердно сражался.
14. Его потомки тоже способствовали укреплению религии,
Послав повсюду войска, не дал прекратиться войне.
15. До Ирака дошли, Аджам покорили,
Неверных грузин обязал платить харадж и налоги,
16. Вахан-калу захватил, Гумуш-калой овладел,
Нуху – Нахчуван захватив, с добычей вернулся.
17. Ингушей – чеченцев защитил, равнину [Дагестана] к себе притянул.

[Повсюду] где укрепились их власть, шариата пути утвердил.

¹ Сверху Гайирбек дает уточняющее указание: «то есть в квартале Шотота».

[Л. 2]

Потомство Байар-Абаса сына Сураката – от сегодняшнего дня до отца Сураката включительно

Фатаали сын Умма-нуцала¹ сына Фатаали² сына Сурхая³ сына Гебека⁴ сына Мухаммад-нуцала⁵ сына Умма-нуцала⁶ сына Дир‘у-нуцала⁷ сына ‘Андик-нуцала⁸ сына Умма-нуцала сына Шамхал-нуцала сына Амирхамза-нуцала сына Умма-нуцала сына Булач-нуцала сына Мухаммадмирзы-нуцала сына Дир‘у-нуцала сына Сиртан-нуцала сына Амирсултан-нуцала сына Байар-Абас-нуцала сына Суракат-нуцала сына Сиртан-нуцала.

Тарих

От Адама до Нуха (Ноя) прошло 9090 [лет]. От Нуха вплоть до Ибрагима – 1132. От Ибрагима вплоть до Мусы – 506. От него вплоть до Давуда – 570. От него вплоть до Исы – 577. От него до Мухаммада – 600. От Мухаммада сегодня – 1386 (начался 21.04. 1966 г. – Ш. Х.).

18. Наш предок, чье потомство чисто,

Во время неверия их ученым являлся.

19. Абумуслим явился, ислам приняли [в Хунзахе].

Первым, озаренный верой, его внутрь [Хунзаха] завел,

20. Впритык к себе дом предоставил, башню разрушив, мечеть построил.

Бывшую вместе [с Абумуслимом] его сестру выдал замуж за сына.

21. Кровь и плоть смешались и образовался их род.

По его [Абумуслима] пути идущими наши предки сделались.

¹ Умма-нуцал (1870-1926 гг.).

² Фатаали (1824-1895 гг.).

³ Сурхай-хан (1795-1834 гг.).

⁴ Гебек (1764-1802 гг.) – младший брат Умма-хана Великого, правивший один год после смерти (1801-1802 гг.).

⁵ Мухаммад-нуцал (1722-1774 гг.) – правил в 1735-74 гг.

⁶ Умма-нуцал упоминается как нуцал в ряде документов 1687-99 г.

⁷ В других источниках он указан как Дугъри-нуцал. Умер в 1668 г.

⁸ В других источниках упоминается его полное имя – ‘Андуник. Его укороченная форма ‘Андик стала также употребляться и как ‘Андий.

22. Пятнадцать алимов вошли в генеалогию.

До пятисот книг образовалось у них.

23. Сколько бы сыновей не родилось у отца, ни один не был без знаний,

Науку оставившие, не преуспели в мирском.

24. Отправившись в Египет и Сирию, добывались знаний.

Приобретя там книги, их изучая, приобрели знания.

Это тухум алимов – Алимчулал из [области] Авар, [населенного пункта] Хунзах и [квартала] Талта.

Гайирбек сын Раджаб-хаджи¹ сына Умара² сына Раджаб-хаджи сына Хусайна³ (его [Хусайна] сыновья [также] – Мухаммад-хаджи⁴ и Алимчу-хаджи⁵) сына Алимчу сына Абдулкадира сына Малла-Мухаммада сына Исмаила сына Мухаммада сына Абдулкадира сына Малла-Мухаммада сына Махмуда сына Мухаммада сына Ахмада сына Мухаммата.

25. Кроме меня – все алимы, обученные наукам,

От чьих детей поименно произошедшие.

1 Раджаб-хаджи (1872-1954), см. его фото – рис. 3.

2 Умар сын Раджаба, исходя из посемейных списков 1886 г., родился в 1840 г. и имел одного сына по имени Хаджияв (в генеалогии – Раджаб-хаджи; он был назван в честь деда, но его в Хунзахе называли просто Хаджияв), родившегося в 1872 г.

3 Хусайн сын Алимчу родился около 1780 г. Из памятной записи от февраля 1818 г. известно, что он некоторое время жил в Эрпели [3, с. 43]. В тетради, принадлежащей вышеуказанному Гайирбеку, имеется памятная запись о смерти этого Хусайна, сына Алимчу в 1276 г.х. (начался 31.07.1859 г.) «в городе Аксай». В коллекции М.Г. Шехмагомедова имеется письмо Юсуф-кади Клычева из Аксая к этому Хусайну, в котором тот просит принят своего сына на учебу. Исходя из этого, мы можем полагать, что перед смертью Хусайн сын Алимчу являлся муэдрисом в Аксайском мадраса. Его сын Раджаб-хаджи умер, по всей видимости около 1870 г.

4 Согласно посемейным спискам 1886 г. Мухаммад сын Хусайна родился в 1812 г. и имел трех сыновей: Дибир (1857 г.р.), Газияв (1859 г.р.) и Гитиномагома (1866 г.р.). Мухаммад сын Хусайна в 1878 г. был назначен кадием и старшиной (?) Хунзаха.

5 Согласно посемейным спискам 1886 г. Алимчу сын Хусайна родился в 1834 г. и имел трех сыновей: Хусайна (1862 г.р.), Халилбега (1873 г.р.) и Ахмада (1880 г.р.).

Прежде всего отметим, что согласно данной фамильной хронике предок Алимчулал являлся «[христианским] ученым»¹ и доверенным лицом нуцала Сураката (ум. ок. 1255 г.). Устная традиция называет предка Алимчулал «главным христианским священником»² Хунзаха и даже сообщает, что свое одеяние, крест и прочие христианские атрибуты, он уложил в сундук и закопал на территории своего двора. Его предки якобы даже знали месторасположение этого места, но после разрушения Хунзаха в 1844 г. оно оказалось предано забвению.

После смерти Сураката начался активный период распространения ислама в Хунзахе газиями под руководством Абд ар-Рахмана аш-Шама (он же Абумуслим Хунзахи). Согласно письменным источникам XIX в. столицу Сарира – Хунзах газиям удалось захватить при помощи жителей квартала Самилах [4, с. 36]. Нужно учесть, что представители тухума Алимчулал являются коренными самилахцами, а в сочинении Гайирбека указывается на заслуги их предков в деле распространения ислама в Хунзахе, а также в примирении и приведении к исламу нуцала Андуника (он же – Амир-Султан), что произошло около 1302 г. Вместе с тем, согласно Гайирбеку Алимчулазул жители другого хунзахского квартала Шотота помогали аварским нуцалам в войне с газиями. Таким образом, сведения данной хроники уточняют и дополняют информацию других источников по истории исламизации Хунзаха в XIII–XIV вв. [5].

Кроме того, Гайирбек Алимчулазул пишет о разрушении его предком своей фамильной башни и строительстве на ее месте мечети и дома для Абумуслима. На основании изучения топографии Хунзаха, можно согласиться с этим сообщением. Замечу, что по сей день все жилые дома вокруг самилахской

1 Буквально: алим, что, учитывая исламскую традицию совмещения занятости наукой и религией, а также аналогичное положение в средневековой христианской традиции, можно понять, как обозначение его принадлежности к руководству церкви Сарира.

2 Буквально: бетГерав кашиш. Полевой материал автор, записанный в Хунзахе в 2013 г.

квартальной мечети¹, принадлежат представителям тухума Алимчулал².

Возвращаясь к генеалогии Алимчулал, нужно указать, что известны и другие генеалогии этого тухума. К примеру, в колофоне рукописи, переписанной в 1295 г.х. (начался 05.01.1878 г.) братом прадеда Гайирбека, была зафиксирована следующая запись: *«Я – презренный переписчик Мухаммад-хаджи, сын Хусайна – алима (ученого), сына Алимчу-алима, сына Абдулкадира-алима, сына Мухаммада-алима, сына Исмаила-алима, сына Мухаммада-алима, сына Абдулкадира-алима, сына Малла-Мухаммада-алима, сына Ахмада-алима, сына Мухаммата (!) – алима – да простит Аллах их и сделает рай местом их пребывания. Я был назначен кадием и предводителем народа селения Хунзах... в 1295/1878 году, в то время, когда жителями вилаята Аваристан руководил... Алигилич³»* [2, с. 433].

В колофоне более ранней рукописи из коллекции М. С. Гаджиева⁴, переписанной Мухаммадом-хаджи Алимчулазул в 1286 г.х. (начался 12.04.1869 г.), он дает свою генеалогию в том же порядке, приводя, правда, имя первого лица в несколько иной редакции (Малла-Мухаммад вместо Мухаммат): *«Мухаммад сын Хусайна сына Алимчу сына Абдулкадира сына Мухаммада сына Исмаила сына Мухаммада сына Абдулкадира сына Малла-Мухаммада сына Ахмада сына Малла-Мухаммада ал-Хунзахи, ал-Авари»* (рис. 4).

В рукописной коллекции Алимчулал Т.М. Айтберов выявил еще один вариант генеалогии этого тухума. Отец вышеуказанного Мухаммада-хаджи – Хусайн, при переписке рукописи в 1224 г.х. (начался 16.02.1809 г.), записал в ее колофоне свою

¹ Она же именуется мечетью шайха Абумуслима, поскольку его могила-зийарат прежде примыкала мечети, а ныне введена в ее комплекс.

² Далее располагаются жилые дома тухумов Кверггилилал (Айтберовы, Квергилиевы) и Аталал (Атаевы).

³ Подполковник Аликилич Чупанов, 1816 г.р., в то время являлся наибом Хунзахского наибства Аварского округа.

⁴ Автор выражает признательность проф. М.С. Гаджиеву за предоставленные материалы.

генеалогию, согласно которой он являлся сыном Алимчу, сына Абдулкадира, сына Мухаммада, сына Исмаила, сына Мухаммада, сына Абдулкадира, сына Малла-Мухаммада, сына Ахмада из Хунзаха [6, с. 47].

При изучении колофонов рукописей этой коллекции выясняется, что эта генеалогия в целом соответствует действительности. Например, упомянутый в этой генеалогии Малла-Мухаммад сын Ахмада¹ фигурирует еще в четырех рукописях как их переписчик. Эти рукописи датируются соответственно 1039, 1040, 1044 и 1066 г.х., т.е. его деятельность в качестве переписчика фиксируется на протяжении 27 лет в 1629–1656 гг. На основании изучения его недатированного завещания Т.М. Айтбе-ров пришел к выводу, что Малла-Мухаммад сын Ахмада умер в конце 1660-х гг. [7, с. 126]. Из колофона другой рукописи мы узнаем, что у него был родной брат – Махмуд сын Ахмада: переписка им рукописи датируется 1054 г.х. (начался 09.03.1644 г.) [6, с. 46]. Сын Махмуда по имени Пир-Мухаммад в молодости, в 1636–37 г., учился в мадраса Исы из селения Шамгода. Уже в преклонном возрасте, в 1682–83 г., он стал кадием Хунзаха и нуцальства. В этом же году сын Пир-Мухаммада – Кади-Мухаммад являлся кадием селения Тануси [7, с. 126–127]. В 1699 г. кадием Аварского нуцальства упоминается кади Гитинав Мухума [7, с. 132].

Среди книг библиотеки Алимчулал имеется и рукопись, переписанная отцом упомянутых Малла-Мухаммад и Махмуда – Ахмадом сыном Хусайна в 1008 г.х. (начался 23.07.1599 г.) [6, с. 45]. Он учился в городе Шемаха, владел арабским и персидским языками [7, с. 106]. Согласно памятной записи в вышеуказанной сборной рукописи Гайирбека Алимчулазул, этот Ахмад умер в 1050 г.х. (начался 22.04.1640 г.).

Рассмотренные генеалогии тухума Алимчулал, созданные различными представителями этого рода в XIX–XX вв., можно представить в сводной таблице:

¹ О нем см.: [7, с. 111].

<i>Гайирбек Алимчулазул, 1966 г.</i>	<i>Мухаммад Алимчулазул, 1878 г.</i>	<i>Мухаммад Алимчулазул, 1868 г.</i>	<i>Хусайн Алимчулазул, 1809 г.</i>
Гайирбек Раджаб-хаджи Умар Раджаб-хаджи ¹	Мухаммад-хаджи	Мухаммад	
Хусайн Алимчу Абдулкадир Малла-Мухаммад Исмаил Мухаммад Абдулкадир Малла-Мухаммад Махмуд Мухаммад	Хусайн Алимчу Абдулкадир Мухаммад Исмаил Мухаммад Абдулкадир Малла-Мухаммад Ахмад Мухаммат	Хусайн Алимчу Абдулкадир Мухаммад Исмаил Мухаммад Абдулкадир Малла-Мухаммад Ахмад Малла-Мухаммад	Хусайн Алимчу Абдулкадир Мухаммад Исмаил Мухаммад Абдулкадир Малла-Мухаммад Ахмад
Ахмад Мухаммат			

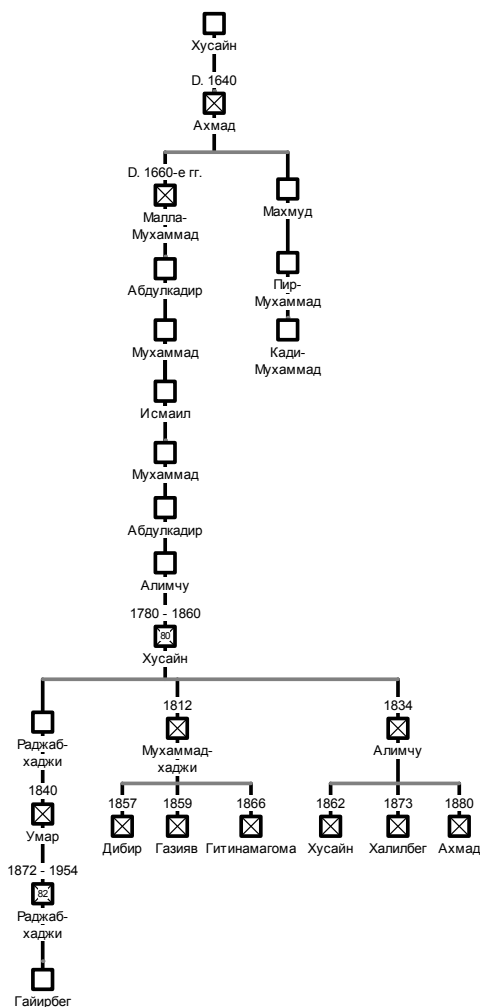
Приведенные выше сведения колофонов рукописей позволяют проверить достоверность сведений из генеалогии Гайирбека сына Раджаб-хаджи, и генеалогий, составленных Мухаммадом сыном Хусайна. Очевидно, что Гайирбек имена двух переписчиков-братьев (Малла-Мухаммада сына Ахмада и Махмуда сына Ахмада) записал ошибочно в цепи имен своих предков подряд, т. е. указав их как отца и сына, добавив еще одно имя – Мухаммад, который также мог быть их братом. На мой взгляд, так же, как и в случае с тремя братьями, жившими в XIX в. (Мухаммад-хаджи, Раджаб-хаджи и Алимчу-хаджи), эти трое братьев, жившие в XVII в. (Махмуд, Мухаммад и Ахмад), были ошибочно записаны подряд как сын, отец и дед.

Имя первого предка в генеалогиях Мухаммада сына Хусайна и Гайирбека сына Раджаб-хаджи также, на мой взгляд, указано неверно, поскольку в колофоне от 1599 г. отцом Ахмада указан

¹ У Раджаб-хаджи было еще два брата – Мухаммад-хаджи и Алимчу-хаджи.

не Мухаммат, а Хусайн. Таким образом, на наш взгляд, наиболее достоверной является генеалогия, составленная Хусайном сыном Алимчу в 1224 г.х./1809 г., с добавлением к ней имени Хусайна, как отца Ахмада.

На основании вышеизложенных материалов и с добавлением данных посемейных списка 1886 г. генеалогическое древо тухума Алимчулал выглядит следующим образом:

Резюмируя, необходимо отметить, что подобные династии мусульманских ученых-алимов довольно распространенное явление в интеллектуальной истории Дагестана. Можно привести в качестве примера тухум Илахолал из Тлоха, который с XVI по XX вв. выдвинул из числа своих представителей целый ряд известных алимов, среди которых можно упомянуть Салмана (ум. 1731–32 г.), его деда Кудияв Салмана сына Касима ат-Тлухи (переписка им рукописей датируется 1560–70 гг.), Султан-Мухаммада сына Хаджи-Дибира (1907–28.09.2000 гг.). Такие же династии имелись в селениях Урада (род Дархалал), Мачада (род Багужалава), Муни (род Абдусалама-кади) и других населенных пунктах Дагестана. Таким образом, можно утверждать, что значительная часть алимов Дагестана являлась представителями тухумов ученых, переписчиков и прочих представителей интеллектуальной элиты общества. Их востребованная обществом деятельность предстает почетным наследственным занятием умственным трудом.

Использованные источники и литература

1. *Назир ад-Дургели*. Усилада умов в биографиях дагестанских ученых (Нузхат ал-азхан фи тараджим улама Дагистан): дагестанские ученые X – XX вв. и их сочинения/пер. с араб., комент., факс., изд., указ. и библиогр. под. А. Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А. К. Бустановым. М.: Издательский дом Марджани, 2012. С. 206–224 (факсимиле).
2. *Шихсаидов А. Р.* Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. Махачкала: ГУ «Дагестанское книжное издательство», 2008. 506 с.
3. *Алибекова П. М.* Жизнь и творческое наследие Дибир-кади из Хунзаха. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009. 252 с.
4. *Хайдарбек Геничутлинский*. Историко-биографические и исторические очерки/пер. Т. М. Айтберова, под ред. М. Р. Мугумаева. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 1992. 176 с.
5. *Хапизов Ш. М.* К вопросу об исламизации Сарира и личности Абумуслима ал-Хунзахи // Вестник ДНЦ. 2017. № 64. С. 22–31.

6. *Айтберов Т.М., Абдулкеримов М.М.* Обзор некоторых рукописных собраний Дагестана // Изучение истории и культуры Дагестана. Археографический аспект/под ред. *А.Р. Шихсаидова*. Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1988. С. 44–62.

7. *Айтберов Т.М.* Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1990. 176 с.

Список иллюстраций

Рис. 1. Лист 7 сборной рукописи Гайирбека Алимчулазул, 1966 г.

Рис. 2. Лист 8 сборной рукописи Гайирбека Алимчулазул, 1966 г.

Рис. 3. Раджаб-хаджи Алимчулал (1872-1954) с семьей.

Рис. 4. Колофон рукописи, переписанной Мухаммадом-хаджи Алимчулазул в 1286 г.х./1969 г., из коллекции М.С. Гаджиева.

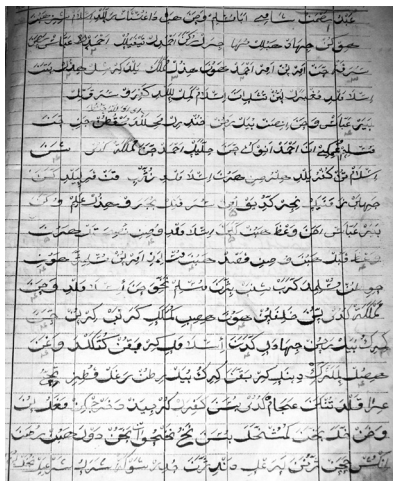

Рис. 1

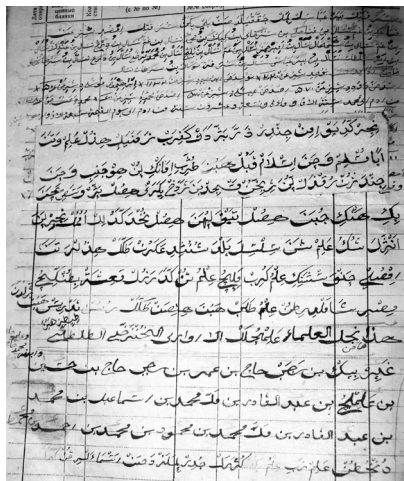

Рис. 2

Рис. 2

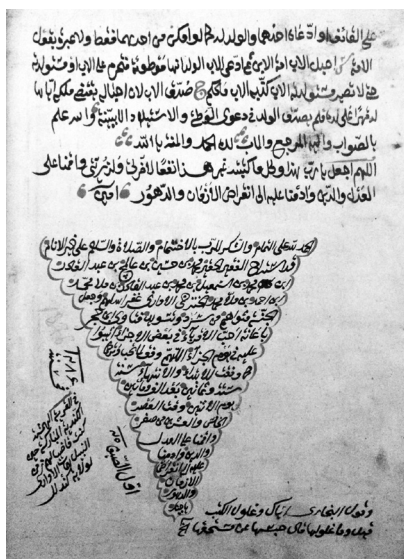

Рис. 3

М. А. Цагараев
(г. Владикавказ, Россия)

О НОВЫХ ИМЕНАХ В ИСТОРИИ ЦАРСТВЕННОГО ДОМА СРЕДНЕВЕКОВОЙ АЛАНИ

Крахом Кавказской Алании характеризуются средневековыми авторами события, разворачивающиеся в 40–60-е гг. XIII века на Северном Кавказе. Многочисленные города Алании были разорены, крепости сожжены, уничтожены ее ремесленные, производственные центры. Значительная часть северокавказского населения, именуемая в источниках аланами или асами, была вынуждена покинуть родину. Часть из них приняли подданство монгольских ханов и, пополнив их несметные армии, участвовали во всех последующих войнах и завоеваниях, в том числе и против своих единокровных братьев – оказывавших сопротивление еще на протяжении многих десятков лет, укрывшись в горах Кавказа. Отборные воины из этих алан отправились с монголами покорять Китай. Именно из их числа была сформирована личная гвардия Монгольского Императора, а сегодня их потомками является небольшая этнографическая группа «асуд», проживающая в центральных сомонах Монголии.

Другая часть, уходя от монгольского вторжения, покинула свою родину, найдя пристанище и защиту в Королевстве венгров. Их потомки ясы сегодня занимают целую область Венгрии под названием Ясшаг.

Некоторые аланские правители во главе со своим народом, продолжали жить на предкавказской равнине, интегрируясь в фор-

мирующуюся государственность Золотой орды. Со временем ассимилировавшись, перейдя на тюркский язык, они приняли участие в этногенезе многих современных народов Кавказа: карачаевцев, балкарцев, ногайцев, кумыков и кабардинцев.

Большие массы алан покидали равнинные земли Восточной Алании и, укрывшись в горных крепостях и теснинах Центрального Кавказа, долгие десятилетия продолжали упорно противостоять завоевателю.

Сразу после смерти основателя монгольской империи Чингиз-хана, между его наследниками началась ожесточенная борьба за обладание Кавказом. В период завоевания Бату-ханом русских княжеств, Хулагу-хан (в чей улус на тот момент входили Афганистан, Иран и Ирак), покорил Южный Кавказ, присоединив к своим владениям Армению и Грузию. Горная Алания, сохранявшая независимость, оказалась между Золотой Ордой и государством Хулагуидов. Пытаясь использовать противоречия между двумя монгольскими государствами, аланы во главе со своим царём приняли сторону Хулагу-хана.

Война началась летом 1262 г. с набега трех золото-ордынских туменов на Ширван. Мобилизовав силы, Хулагу выбил ордынцев из Дербента и с боями вышел через Прикаспийский Дагестан на Терек. В январе 1263 г. на левом берегу Терека встретились армии Джучидов и Хулагуидов. Потерпев сокрушительное поражение, Хулагуиды вынуждены были отступить [1].

Ощутимым было это поражение и для союзных Хулагуидам аланов: их царь погиб, его семью вывезли в Закавказские владения Хулагу, а предпринятые ответные действия ордынцев в Алании вызвали новый поток аланских беженцев в Закавказье. Множество аланских князей и других представителей знати, прибывших вместе с царской семьей, Хулагуидские власти Грузии поселили в Тбилиси, Дманиси, Жинвали и Гори. Аланские эмигранты вынуждены были нести военную службу иранским монголам-Хулагуидам, рассчитывая на их помощь в освобождении своей родины.

Военные действия между Джучидами и Хулагуидами неоднократно возобновлялись в течение последующих десятилетий, обостряясь в 1265, в 1267, в 1319, в 1321, в 1335, в 1356, в 1357 годах и

т. д.). Военная активность монголов обескровившая значительные территории Северного Кавказа, по-прежнему сосредотачивалась на Дарьяльском и Дербентском проходах, где содержались значительные военные контингенты золотоордынцев, ввиду постоянной угрозы вторжения Хулагуидов [2].

Судьбы знатных алан, снискавших покровительства Хулагуидов, складывались по разному. О событиях, связанных с некоторыми из них, подробно рассказывают грузинские хроники, называя имена аланских царевичей Пареджана, его младшего брата Багата-ра, их матери Лиманчав, упоминая при этом и их принадлежность к царскому роду Ахасарпакаиани [3]. Имена и судьбы других алан остались за пределами внимания хронистов, часть их, по видимому, пополнила ряды дворянских родов Картли и Кахетии.

Тема эта малоисследованна, по этому, вызывает интерес каждый новый факт приоткрывающий её завесу. Одному из подобных малоизвестных фактов посвящена данная статья.

Речь в ней пойдет об одном уникальном памятнике истории и архитектуры Республики Армения – церквушке с красноречивым названием «Алан Тагавори» (Церковь Аланского Венценосца).

Данная церковь в армянских преданиях связывается с именем аланского царя, похороненного там же. Церковь находится в Сюникском районе Республики Армения, в 20 километрах от знаменитого Татевского монастыря (религиозный центр древнего Сюника) вверх по ущелью реки Воротан, в самом центре опустевшего средневекового селения Аржис [4].

Памятник является малоизученным в самой Армении, и остается практически неизвестным в Осетии.

Между тем, памятник неплохо сохранился до наших дней. Строение состоит из двух помещений, в каждом из которых находится по одному захоронению. Вокруг часовни находятся могилы с посвятительными надписями, хачкарами с орнаментированными вариациями креста и резные надгробия с изображениями всадников.

Но настоящий интерес представляет посвятительная надпись с могильного камня из первой комнаты часовни. Надпись выполнена на грабаре (старо-армянском языке) и гласит следующее:

ԶԳԵՂԵՑԿԱՏԻՊ ԵՒ ԶԾԱՂԿԱՓԹԻԹ ՔԱԶ ԶԱԻՐԱԿԱՆ
ԱԶԱՏԱԾԻՆ ԴԵՌԱԲՈՅՍ ՄԱՆՈՒԿՆ ԱԼՆ ԿԻՍԱԻՐԵԱ
ՓՈԽԱԼ ՅԱՇԽԱՐՀԷ ԹՈՂԵԱԼ ՍՈՒԳ ԱՆՄԽԹԱՐ
ԱՆԶԱԻԱԿ ԾՆՈՂԱՅՆ ՉԱՂԱՐԻՆ ԵՒ ԲԱԲԱԽԱԹՈՒՆԻՆ
ՅԻՇԵՑԵՔ Ի ՔՍ ԹՎԻՆ ՉՀԵ

Перевод:

«Красивый цветущий и свободный храбрый юноша Алан ушел из мира сего оставив своих скорбящих и бездетных родителей Чагара и Бабахатун 1325 год»[5].

Как видим, надпись хронологически датирована первой четвертью XIV века, т.е. периодом массовой эмиграции алан в Закавказье под покровительство Ильханов -Хулагуидов.

Титул «тагавори» не вызывает никаких смысловых разночтений. Этимология «тагавори» прозрачна – термин происходит от армянского «таг» – «венец», так называли один из статусных символов царской власти – корону. А одним из основных терминов для обозначения царского титула являлось слово «тагавор» [6].

К сожалению, надпись не донесла до нас имени аланского царя и название рода, но сохранила имена его отца Чагара и матери Баба-хатун. Отдельно хотелось бы остановиться на приставке в имени матери: «Хатун» (перс. khātūn, тур.hatun), который обозначает женский титул, аналогичный мужскому «хан», широко использовавшийся в Монгольской и Османской империях, и соответствует европейским титулам «царица» и «королева», что косвенно подтверждает статус матери царя [7, 21].

Имена родителей вполне укладываются в нормы традиционных осетинских, и даже более ранних восточно-иранских (скифо-сарматских, аланских) имен. Так например имя отца имеет практически полное созвучие со скифским именем Θιαγυρος со значением «лысый» (сравните с осетинским именем Цæгæра, с тем же значением), а имя матери созвучно с аланским женским именем Nababa «хорошая ткачиха» [8].

Не вызывает сомнения связь данного комплекса с аланскими эмигрантами, нашедшими приют в государстве Ильханов и расселенными в области Сюник, вблизи от религиозного центра Татев, возможно из-за своего христианского вероисповедания.

Местоположение церквушки в центре поселения Аржис дает основание полагать, что, по крайней мере, часть этого древнего селения была занята этническими аланами – подданными усопшего царя. На компактное проживание в этой местности аланского населения, возможно, указывает и название реки Воротан протекающей по ущелью, весьма созвучное со средневековым аланским наименованием Кубани – «Вардан», может быть данное новопоселенцами в память о своей утраченной родине...

Всего в нескольких километрах от руин древнего Аржиса имеется современное селение Новый Аржис, не исключено что в его жителях течет кровь ассимилированных алан.

Памятник Церковь «Алан Тагавори» всё еще ждет своего исследователя. Обилие надписей грабара на данном памятнике, а также документы и рукописи Татевского монастыря, в введении которого находилась эта церковь, могут приоткрыть для нас завесу тайны жизни и смерти аланского царевича.

Использованные источники и литература

1. *Егоров В.* Историческая география золотой орды в XIII–XIV вв. Москва: Наука. 1985 // <http://kitap.net.ru/archive/14-02.php>
2. Там же.
3. *Чибиров А.Л.* Пареджан и Багатап // «Северная Осетия» от 14.09.2017 г. <http://sevosetia.ru/Article/Index/120528>
4. *Шуваева-Петросян Е.* Пешком по Армении: Татев, ущелье реки Воротан, могила аланского царя // https://zen.yandex.ru/media/shuvaeva/peshkom-po-armenii-tatev-uscele-reki-vorotan-mogila-alanskogo-caria-5c20ecf921e34c00a9d6d79b?fbclid=IwAR1vMcnp80HsGrUP_pB6QdIxeKajqnL2J4yfQtmBO6KkTCsG2hKNDIH70Bk
5. *Карацев Т.С.* Перевод посвятительной надписи надгробия из церкви «Алан Тагавори» // личный архив.
6. *Гутнов Ф.Х.* Горский феодализм. Часть III Северный Кавказ в XIII-XV вв. Владикавказ 2014. // <http://os.x-pdf.ru/20istoriya/777929-11-fh-gutnov-gorskiy-feodalizm-chast-iii-severniy-kavkaz-hiii-hv.php>

7. *Mernissi F.* «The Forgotten Queens of Islam», University of Minnesota Press, 1993.

8. *Цагараев М.А.* Славных предков имена // Сборник имен восточно – иранских народов (от киммерийцев до осетин). Цымыти: Изд. «Maskut», 2009. // <http://iriston.com/nogbon/news.php?newsid=1132>

9. В оформлении статьи использован фотоматериал блогера Е. Шуваловой-Петросян «Пешком по Армении».

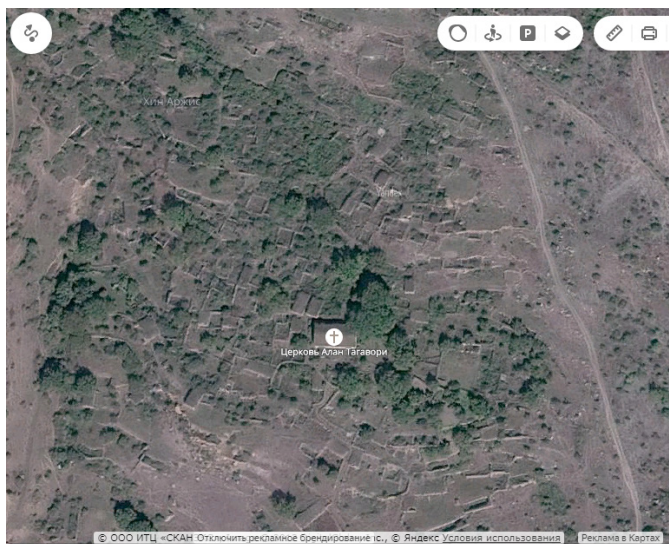
Вид южного фасада церкви «Алан Тагавори»

Намогильный памятник аланского царя с почитательной надписью.

*Украшения надгробного камня из ограды церкви
стилистически напоминающие украшение знаменитой
Кяфарской гробницы аланского царя.*

Вид на с.Аржис (спутниковая карта)

А. С. Дзагалов
(г. Санкт-Петербург, Россия)

ПОПЫТКА «УМИРОТВОРЕНИЯ» ЧЕЧНИ В ВОСПОМИНАНИЯХ КНЯЗЯ Д. И. СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦГИАК УКРАИНЫ В КИЕВЕ)

Административная деятельность, документальное и творческое наследие участника событий в Чечне и Дагестане, бывшего начальника Терской области 1861–1863 гг. князя Д. И. Святополк-Мирского до сих пор мало изучены учеными-кавказоведами. Между тем, его личный фронт – огромный массив различных по своему значению, форме и содержанию письменных источников, затрагивающих многие аспекты военной, общественно-политической жизни на Северном Кавказе середины и второй половины XIX века, в которых князь принимал непосредственное участие, хранится в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киеве. Выявленные материалы существенно дополняют известные уже исторические факты и события на Тереке, в том числе на востоке – в Чеченском округе и Дагестане и свидетельствуют о достаточно энергичных действиях и проектах Д. И. Святополк-Мирского по территориально-административному обустройству области, а также «умиротворению» чеченского населения и активной его интеграции в социально-экономическую жизнь региона.

Среди материалов фонда Д. И. Святополк-Мирского, позволя-

ющих раскрыть заявленную тематику, выделяются пояснительные записки, проекты, доклады, переписка с разными лицами, рапорты и мемуары, такие как «Записка о Терской области» [1], «Докладная», «Воспоминания Святополк-Мирского с момента его поступления на службу на Кавказе» [2], «Воспоминания о князе А. И. Барятинском» [3] и т. д.

Многочисленные документы свидетельствуют о попытке Д. И. Святополк-Мирского «завладеть сердцем народа, заслужить его привязанность и доверие, чтобы употребление всякой посторонней материальной силы сделалось бы излишним» [4, 203].

В «Записке о Терской области» автор дает общую характеристику административному устройству Терской области, отмечает недостатки, и предлагает пути их устранения. Он предстает прагматичным, широко мыслящим администратором, деятелем государственного масштаба. Д. И. Святополк-Мирский полагал, что с окончанием войны нужно искать другие формы и методы управления в Чеченском округе, и стремился к умиротворению края через доверие, уважительное отношение к вере и обычаям, привлечение горцев к службе в постоянной милиции, постепенное вовлечение их в российскую, социальную и экономическую действительность [5, 199].

Д. И. Святополк-Мирский совершенно справедливо отмечал, что положительные изменения в Чечне начались после назначения князя А. И. Барятинского, начальником Левого крыла Кавказской линии, где тогда происходили основные события. Он акцентирует внимание на том, что у Шамиля была устроена правильная и строгая администрация, имеющая возможность следить за поступками каждого из жителей, а для управления покорными горами, у русских не имелось никаких административных и судебных правил. Начальствующие над чеченцами приставы, вовсе не занимались народными делами или же грабили народ. Князь Барятинский, по мнению автора, счел делом первостепенной важности, обратить особое внимание на управление «мирных горцев», и сделал его для народа лучше, чем управление Шамиля. В 1859 году назначен Начальник чеченского народа и открыто Мехкеме, для суда по народным обычаям и шарияту, и поставлены «наибамы» лояльные

«наибы из чеченцев, с достаточным содержанием и приличной властью».

Кроме того, для регулярного поступления к горцам финансовых средств, покорным чеченцам было предоставлено исключительное право перевозки провианта для русских войск. Меры эти, можно сказать, более всего поколебали нравственное влияние Шамиля в Чечне и вероятно в Дагестане, а чеченцам, очевидно, стало лучше у нас, чем у Шамиля, и число покорных приняло большие размеры – делает вывод Д. И. Святополк-Мирский [6, 3].

Чеченцам, в то же время, было объявлено, что действия русских войск направлены лишь против деспотической власти Шамиля, а Россия желает только спокойствия и блага населения, что под российской властью будут навсегда обеспечены их религия, обычаи, собственность и пользование своими землями. Одно слово объясняет характер наших действий, – пишет Д. И. Святополк-Мирский – цель их названа официально «умиротворением» Восточного Кавказа.

Согласно «Записке» эти меры привели к тому, что чеченцы во время войны России с Турцией и западными державами в 1855–1856 гг., остались верны русским, и по утверждению автора, «энергично противодействовали всем предприятиям Шамиля, так как нравственный перевес, был уже на нашей стороне, и власть Шамиля поддерживалась лишь силою». Последствия такой системы не замедлили сказаться. Занятие Аргунского ущелья и взятие Ведено решили участь Чечни. Дагестан покорился в несколько дней. Трех лет было достаточно для уничтожения власти Шамиля [7, 4].

Однако, несмотря на относительное спокойствие, воцарившееся в Терской области с пленением имама Шамиля в 1859 г., автор констатирует ухудшение положения в некоторых районах Чечни. Такую ситуацию он связывал, в основном, с деятельностью командующего русскими войсками на Северном Кавказе графа Н. И. Евдокимова, который не только «не сумел внушить туземцам никакого доверия», но и провоцировал беспорядки среди них, имея целью выселить горцев, отнять землю и заселить ее казаками.

Д. И. Святополк-Мирский указывал о разительной перемене в отношении русских военных начальников и гражданских чиновников к местному чеченскому населению, которое стало распространяться и на мирных прежде горцев, поддерживавших в своё время Российское правительство в борьбе с Шамилем: «Вместо прежнего внимания и ласки – оказались грубость, пренебрежение и неуместная строгость. В Чеченском округе введено телесное наказание за самые незначительные проступки. За горцами не признавали никаких прав, и страна считалась завоёванной по-азиатски» – отмечал Святополк-Мирский [8, 5]. Понятно, что такое обращение властей, вызвало недовольство даже у лояльного горского населения края, которое стало опасаться потери своего имущества, притеснения религии, традиций и уклада жизни.

Племена, живущие в горах и лесах: большинство чеченцев, аргунцы, ичкерийцы – утверждает в записках Святополк-Мирский, – решились прибегнуть к оружию для защиты себя. В качестве примера он привёл, сложившуюся тогда непростую ситуацию с племенем «беноевцев», которых граф Евдокимов с целью расселения в большие аулы и изъятия, освобождавшихся от них земель, объявил «непокорными горцами» и санкционировал их грабёж и уничтожение соседними «мирными горцами» [9, 7].

В начале сентября 1861 года Император Александр II посетил некоторые районы Северного Кавказа, и в ходе визита назначил Д. И. Святополк-Мирского командующим войсками Терской области. Повышение в должности дало возможность действовать ему самостоятельно, не дожидаясь и не опасаясь санкций генерала Н. И. Евдокимова. Сопровождая Александра II в поездке по Кубанской области, Святополк-Мирский доложил ему свой план «водворения в Терской области прочного спокойствия», который сразу же был утвержден Государем [10, 320].

После назначения Д. И. Святополк-Мирского начальником Терской области он, несмотря на открытое противодействие графа Н. И. Евдокимова, предпринимает массу усилий для преобразования и умиротворения чеченцев посредством хорошего управления, что и зафиксировано им в «Записке»: «Совесть и благоразумие указывали мне путь, который был избран. Приобретение

нравственного влияния и доверия туземцев сделалось первой и главной моей заботой. Объехав всю Терскую область, я везде объявил жителям, что Государь Император после покорения Восточного Кавказа полагает всех туземцев края своими верноподданными и считает себя обязанным заботиться об их благе, как о благе русских и других подвластных ему народов. Я торжественно всех уверил, что воля Государя уважать свято и сохранять их религию, обычаи, закрепить за ними право поземельной собственности и, что единственная цель правительства состоит в том, чтобы упрочить навсегда законный порядок в крае. Государь желает достигнуть этой цели посредством усовершенствования нравственного и материального блага туземцев, удовлетворения справедливых их потребностей» [11, 322].

В отношении начавшегося переселения чеченцев в Турцию, Д. И. Святополк-Мирский объявил горцам, что правительство разрешило переселение, но, как начальник области, «обязанный перед Богом и Государем заботиться о них», считает долгом предупредить о бедствиях, которые ожидают переселенцев. Слова его, «проникнутые искренностью и любовью», имели, согласно воспоминаниям, огромное влияние на население [12, 8].

Вместе с тем он, как утверждает автор «Записок», он старался подтвердить слова делом. На управление горцами было обращено особое внимание: «Обращение с ними [горцами] сделалось ласково и доступно. Уважение всех прав стало основанием всех наших действий. Все эти меры совершили, можно сказать, огромный нравственный переворот в состоянии умов [жителей] Терской области. Доказательством этому служит немедленное прекращение переселения в Турцию, и содействие, оказанное нами массой туземного населения при уничтожении шаек Уммы и Атабая» [13, 321].

Выбор лиц, обязанных занять должности по народному управлению и обеспечивать Законный порядок, где строго определили права и обязанности каждого претендента, Д. И. Святополк-Мирский взял под личный контроль. Для определения личных и поземельных прав чеченцев, в Чеченском округе учредили Особый комитет, имеющий в своем распоряжении межевые средства.

Для искоренения грабежей, нарушающих спокойствие в Терской области, соблюдения полицейского порядка в аулах и безопасности дорог, Д. И. Святополк-Мирский сделал представление об образовании постоянной милиции из горцев. Начальник области считал, что ее учреждение открывает «обширное поле для большого числа туземцев к военным наклонностям, которые предоставлены праздности и предались бы сами хищничеству». На ее финансирование выделили 140 тысяч рублей в год, и она отчасти уже сформирована зачислением в ее состав аульных старшин, их помощников и конвойной стражи при начальствующих лицах повсеместно. От учреждения постоянной милиции, Святополк-Мирский ожидал отличных результатов – она, в первую очередь должна была содействовать сохранению спокойствия в Терской области, в том числе в Чеченском округе.

Предпринятые начальником Терской области меры привели к тому, что российская власть водворилась повсеместно, приказания начальства выполнялись беспрекословно в самых отдаленных местах, а регион пребывал в спокойствии, в каком, он еще никогда не находился. Благодаря этому, правительство смогло вывести из Терской области 19 батальонов пехоты и 48 эскадронов и сотен конницы [14, 21], что позволило существенно сократить бюджетные ассигнования.

Следующей проблемой, обеспокоившей Д. И. Святополк-Мирского, по его словам, стало появление у чеченцев недавно перенесенной из Турции секты, которую он назвал «Зикра». Несмотря на то, что «учение не заключало в себе в сущности ничего дурного, а напротив много хороших правил нравственности», оно, как считал автор «Записки», могло возбудить в чеченцах религиозный фанатизм и взволновать народ. Понимая, что действия против такого религиозного движения административными мерами не приведут к желаемым результатам, князь и в этом случае остался верен себе, – он постарался удержать контроль над «Зикром» посредством почетных и влиятельных чеченцев и мулл и дать учению направление полезное для нравственности народа». До конца его правления в Терской области учение «Зикра» не проявилось ни одним дурным поступком, который бы подлежал законному взысканию».

Изучение документального и творческого наследия Д. И. Святополк-Мирского является крайне важным для понимания перспектив народов Терской области на тяжелейшем, переходном этапе их исторического развития второй половины XIX в.

Основная заслуга Д. И. Святополк-Мирского заключается не только в противодействии, непримиримой борьбе с воинствующими администраторами в регионе, позволившим чеченцам избежать массового выселения в 1860–1867 гг. в Турцию, но и разработке и постепенном внедрении твердой, но сравнительно справедливой и благоустроенной формы правления, с привлечением местных обычаев, не противоречащих основным законам империи.

Таким образом, «умиротворение» Чеченского округа по принципам Д. И. Святополк-Мирского – это «заботливость и смиренное попечение о благе чеченцев – если они останутся верными, и беспощадное наказание – в случае измены» [15, 21], о чем он прямо и откровенно сообщает в своих воспоминаниях.

**Письмо князя Д. И. Святополк-Мирского графу
Н. И. Евдокимову**

4 июля 1861 г.
г. Владикавказ

Милостивый Государь Граф Николай Иванович!

Оба письма Вашего Сиятельства от 28 июня я имел честь получить 2 июля, по возвращении из Галашевского отряда. 7 июля думаю ехать в Аргунское ущелье и оттуда в Ведено. Тороплюсь объехать край, чтобы узнать, что есть, и что нужно. Присутствие мое нужно везде и трудно решить, с чего начать. Работы по водворению станиц 2-го Владикавказского полка идут плохо и немудрено, потому, что в отряде нет настоящего начальника. Полковнику Йодлинскому много дел и в округе. Я его отправлю, однако ж, туда и, надеюсь, что дело пойдет лучше. Я начал уже передвигать войска за Алхун для работ по направлению к Меред.... (далі незрозуміло – А. Д.). Это необходимо, потому, что против

Алхунской станицы стали появляться довольно сильные партии. Положение Датыхской, Фельдмаршальской и Алхунской станиц незавидно, везде опасно и нет никаких угодий. Леса много, но нет дорог и далеко возить продавать. Мне неизвестны Ваши намерения относительно Арштов, и кому предназначены эти земли. С карабулаками не знаю, что будем делать. На Ачалучке соленая вода, на Пехобше – ее очень мало, и что делать, если они вовсе не захотят туда идти. Поселок возле Аки-Юртовского поста на днях водворился, для него выбрано прекрасное место и там может быть даже большая станица. Я думаю возвратиться с Аргунского и Ичкерийского округов около 17 июля и, тогда, если Ваше Сиятельство будет еще в Кисловодске, приехать к Вам и получить лично приказания Ваши по разным предметам. Ради Бога, пришлите мне Коняра. Он давно на это согласен, а мне будет очень полезным. Генерал Карцов пишет, что сюда едет генерал Сафонов, бывший уездным начальником в Карабахе. Не знаю, писали об этом Вашему Сиятельству. Я его почти не знаю, но, во всяком случае, попробую, что с ним можно сделать. Нарочный, посланный в Петровск, заболел на дороге, и только вчера доставлен оттуда ответ с нарочным из Грозной. Посылаю Вам доставленное им письмо. Я так устал от занятий и шагов, что насилу могу к Вам писать. Извините за небрежность этого письма и примите выражение совершенного уважения и преданности, с которым честь имею быть [16, 5–5 об.].

Письмо князя Д. И. Святополк-Мирского графу
Н. И. Евдокимову

7 июля 1861
г. Владикавказ

Милостивый государь Граф Николай Иванович!

Рапортами от 4 и 6 июля я имел честь просить ходатайство Вашего Сиятельства о прощении Хату с братьями и двумя милиционерами, и дозволении поселить их всех на Тереке за поручительством почетных лиц Малой и Большой Чечни, но мне не

хотелось в официальном донесении высказать полного мнения моего по этому делу. Обвинения и ссылка Хату с братьями и товарищами произошло преимущественно, как кажется, от несогласия между полковником Клингером и полковником Радецким. Генерал Кемпферт долго колебался в признании Хату виновным и, наконец, только должен был уступить настойчивому желанию местного начальника. Надобно принять во внимание, что в это время обвинялись или подозревались полковником Клингером в измене все кумыкские князья, в том числе и Али-Султан и почти весь его округ. Это обстоятельство много говорит в пользу Хату и дает повод обвинить самого полковника Клингера в неумении обращаться с туземцами, способным вообще на добро и зло, согласно тому, как они направлены. В самом аресте обвиняемых, хотя конечно, законном, есть что-то не совсем хорошее. Так, Хату был арестован в Хасавьюрте воинским начальником, пригласившим его пить чай, а брат его – Гати, явился с письмом от полковника Радецкого к генералу Кемпферту и тут же был арестован. Все это в совокупности поселило в народе мнение, что начальство поступило с Хату несправедливо и незаконно. Ваше Сиятельство, можете заметить, что все прошения, подаваемые насчет Хату, заключаются просьбою справедливости, а не помилования. Он сам только и домогается, чтобы его в чем-нибудь обвинили. По всем этим причинам я полагаю, что будет справедливо и полезно поступить согласно моему предложению и поселить Хату с братьями и товарищами на Тереке, предложив почетным людям за них поручиться. Мне кажется, было бы даже полезно, дать что-нибудь Хату на обзаведение расстроенного хозяйства, в том внимании, что ему нечем будет жить и что голод дурной советник – не следует ничего делать наполовину [17, 6–6 об.].

Использованные источники и литература

1. ЦДІАК України. Ф.2056. Оп. 1. Т.1. Д. 96. Записка о Терской области, 30 л.
2. ЦДІАК України. Ф.2056. Оп.1. Д. 399. Воспоминания Святополк-Мирского с момента поступления его на военную службу

на Кавказе и принятия начальства над действующим корпусом, 61 л.

3. ЦДІАК України. Ф.2056. Оп.1. Д.89. 101 л.

4. *Дзагалов А. С.* Документи фонду Д. І. Святополк-Мирського, як джерела для вивчення історичних подій в Терській області та Дагестані 1845–1878 рр. (За матеріалами ЦДІАК України) // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. – Київ., 2013. – Ч. 22–23.

5. *Дзагалов А. С.* Документи фонду Д. І. Святополк-Мирського,

6. ЦДІАК України. Ф.2056, Оп.1. Т.1. Д.96. Записка о Терской области.

7. ЦДІАК України. Ф.2056, Оп.1. Т.1. Д.96. Записка о Терской области.

8. ЦДІАК України. Ф.2056, Оп.1. Т.1. Д.96.

9. ЦДІАК України. Ф.2056, Оп.1. Т.1. Д.96.

10. *Дзагалов А. С.* О методах управления горцами графа Н. И. Евдокимова в 1860-х годах в «Записке» Д. И. Святополк-Мирского // Проблемы історії України ХІХ – початку ХХ ст. – Київ., 2013. – Інститут історії України НАН України.

11. *Дзагалов А. С.* О методах управления горцами

12. ЦДІАК України. Ф. 2056. Оп.1. Т.1. Д.96. Записка о Терской области.

13. *Дзагалов А. С.* О методах управления горцами

14. ЦДІАК України. Ф.2056. Оп.1. Т.1. Д.96. Записка о Терской области.

15. ЦДІАК України. Ф. 2056. Оп.1. Т.1. Д.96. Записка о Терской области.

16. ЦДІАК України. Ф. 2056, Оп.1. Спр. 170.

17. ЦДІАК України. ф. 2056, Оп.1. Спр. 170.

БИОГРАФИИ

А. И. Духаев

РААСУ ГОЙТУКАЕВ – ЛЕТОПИСЕЦ XIX ВЕКА

Беноевский род по праву считается одним из крупных и коренных среди древних чеченских тайпов. Из него вышло немало выдающихся духовных лиц и общественных деятелей. Родовой аул этого общества под названием Беной расположен в самом живописном уголке нынешнего Ножай-Юртовского района Чеченской Республики. Отсюда, с увеличением народонаселения, в поисках новых мест обитания, беноевцы расселились по разным уголкам нынешней Чечни и оказывали влияние на ход истории.

В XIX веке беноевский тайп занимал ведущее место в горниле Кавказской войны и других значительных исторических событий. Наиболее известными беноевцами, оставившими след в истории родного края в позапрошлом веке, стали Дада Махаев (прим. 1770–1830) – основатель села Бено-Юрт в нынешнем Надтеречном районе Чеченской Республики; Байсунгур Баршикаев (1794–1861) – наиб Шамиля, лидер восстания горцев 1860–1861 гг.; Султан-Мурат Солумгиреев (1808–1884) – один из предводителей антиколониальных восстаний в Чечне и Дагестане 1860–1861 гг. и 1877–1878 гг.; шейх Эскерхан-Хаджи Долаков из Центора (1808–

1894) – проповедник учения Кунта-Хаджи; шайх Хажмурд Баталов из Беноя (1826-1913) – последователь муршида Ташу-Хаджи; шайх Хадис Гонукаев из Алхан-Хутора (1854-1917) – проповедник тариката Кадырийя; Ильяс Арсангиреев из Центороя (1824-1864) – сподвижник шайха Кунта-Хаджи Кишиева, участник «Кинжального боя» 1864 г. в окрестностях Шали, и многие другие. В один ряд с перечисленными именами следует поставить и имя муллы Раасу Гойтукаева из Беноя – автора хроники восстания Алибека-Хаджи Алданова 1877–1878 гг. [1].

Раасу родился в семье Гойтуки Гечебиева из Беноя, происходившего из гара Онжабий-некъе тайпа Беной. Их родословная состоит из следующей цепочки имён: Раасу (чеч. PoIca) – Гойтуко (чеч. Пойтакъа) – Гечебий (чеч. Гечеби) – Ханаки (чеч. Ханакъи) – Бана – Маву – Гарихан (чеч. Париха) – Онжабий.

По преданию, датой рождения Раасу Гойтукаева считается 1841 год [2]. Даже в архивных документах время его рождения приводится по-разному, от 1847 г. до 1856 г. [3]. В своих воспоминаниях Раасу пишет, что в юности он учился в арабской школе вместе с Алибеком Алдановым и с тех пор поддерживал с ним приятельские отношения [4]. Поскольку Алибек Алданов родился в 1856 году [5], мы склонны считать, что Раасу вероятнее всего был его сверстником.

Во время учёбы в местной школе-хьюьжар, молодой беноевец быстро усваивал арабский язык, шариатские предписания, толкование Корана и ряд других дисциплин, из которых в XIX веке состояло начальное образование кавказских горцев. Раасу также стал мюридом вирдового братства шайха Ташу-Хаджи. Его религиозным наставником был шайх Бешто из Саясана, который выбрал Гойтукаева исполнителем своего завещания (васи) [6].

По преданиям, окончив полный курс подготовки в школе-хьюьжар, Раасу в течение 13 лет проходил обучение в арабских странах на территории Османской империи. После завершения учёбы он блестяще сдал экзамены, а преподаватели провожали его домой со словами: «Ты забираешь с собой все наши знания, Раасуль-Байан!» («Илманах хIума бухадитина ца вoьду хьo, PaI-

суль-Байан!)). Этим именем нарекли его арабские учёные. В переводе на русский язык оно означает «Голова из Беноя». По возвращении на родину, Раасу Гойтукаеву сразу же был предложен пост кадия Беноя. А в 1912 году он был назначен на должность имама в селении Гендырген, где построил каменную мечеть, которая стоит до сих пор и занесена в реестр памятников историко-культурного значения [7].

Позднее Раасу Гойтукаев женился на девушке Айне (чеч. Iай-на) из Беноя, которая происходила из гара Гуьрж-махкахой. У них родились сыновья: Решид, Бетарсолта, Махмуд и две дочери. Судьба потомства Раасу сложилась следующим образом. У Махмуда вообще не было детей, а у Бетарсолты – только дочери. Решид женился на Элисат, которая дожила до ста лет и скончалась в 1977 году. Она рассказывала много историй из жизни своего свекра Раасу Гойтукаева. У Решиды и Элисат было семеро детей: сыновья Абдулбаки (чеч. Iабдулбакъи), Соип, Похру, Зайнал, Ала (чеч. Iала), Нажмуддин и дочь Руман. Решид знал арабскую грамоту и пользовался уважением в народе, но советская власть репрессировала его в 30-е годы XX века. Дальнейшая его судьба неизвестна. Его сыновья Абдулбаки и Соип тоже были осуждены и сосланы в Сибирь, откуда первый не вернулся. Соип провёл в местах лишения свободы 8 лет. Их брат Нажмуддин Решидов добровольцем ушёл на фронт в период Великой Отечественной войны, но пропал без вести. Сегодня фамилия Решидовых проживает в селе Беной Ножай-Юртовского района Чеченской Республики [8].

С середины 70-х годов XIX века Османская империя готовилась к войне с Россией. Накануне Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. в Чечню и Дагестан было заслано много османских агентов, провоцировавших горцев на антироссийское восстание. Тем более, что в горах Чечни и без подстрекательства турецких эмиссаров, большинство населения было недовольно российской политикой на Кавказе и тайно готовилось к мятежу [9]. «Не только в массе народа, но даже в представителях его, старшинах, было замечено явное нежелание оказывать прежнее повиновение... Одну

из главных причин брожения умов, обнаруженного среди горцев, следует считать распространившийся слух в Чечне, что русские, выслав все войска для войны с Турцией, боятся горцев, готовы на всякие уступки, чтобы удержать их в покое, а потому в случае восстания, мы не в силах будем оказать серьезного сопротивления чеченцам, и таким образом являлась возможность легко завоевать себе независимое положение» [10].

Подготовкой восстания в Чечне руководили Султан-Мурад из Беноя, старшина Чобахкенроя Дада Залмаев и ряд других лиц, занимавших в своё время ответственные посты в имамате Шамиля. Когда встал вопрос об избрании имама, все они единодушно указали на кандидатуру молодого и образованного Алибека-Хаджи Алданова из аула Симсир. Избирая его своим лидером, повстанцы прежде всего отдавали дань памяти шайху Гази-Хаджи Арзуеву, которому во время восстания 1860–1861 годов Байсунгур персонально уступил сан имама – духовного предводителя восставших чеченцев, оставив за собой военное руководство мятежом [11]. После подавления восстания, в начале февраля 1861 года Гази-Хаджи был пленён и отбывал ссылку в селении Старый-Юрт, а в 1862 году был отпущен в Аравию для совершения Хаджа [12]. Скончался и похоронен в Мекке примерно в 1867 году [13]. Алибек Алданов приходился племянником шайху Гази-Хаджи Зандакскому (сыном его родного брата Алдама) и во время паломничества в Мекку в 1876 году посетил могилу своего знаменитого дяди. Эта духовная и родственная связь с великим суфием сыграла отнюдь не последнюю роль в провозглашении Алибека-Хаджи имамом Чечни весной 1877 года [14].

В своей хронике Раасу Гойтукаев пишет: «В 1294 году арабского летоисчисления, в месяц Рабиал-Авваль первого дня, в ночь под понедельник, Алибек-Хаджи собрал своих единомышленников в местечке Саврагаи (*А. Д. – селение Совраги (чеч. СовразIа) нынешнего Аллероевского сельского поселения Ножай-Юртовского района*), и решил устроить с ними тайное совещание. Алибек-Хаджи внес на совещание вопрос о том, что царь Александр Второй, после взятия в плен имама Шамиля, начал скоро оказы-

вать давление на мусульманскую религию, на шариат и вообще на чеченцев. Было запрещено: 1) зикристам громко исполнять религиозные обряды своей секты; 2) носить чалмы и халаты, присвоенные хаджам – бывшим на паломничестве в Мекке на поклонении гробу Магомета; 3) при молениях Аллаху о ниспослании дождя устраивать сборище, всякие собрания. Алибек-Хаджи в самой резкой форме обрисовал перед собравшимися тот гнет и тот произвол, которые царская власть сеяла среди чеченцев. Возмущенные таким рабским положением, собравшиеся решили: Алибека-Хаджи сделать имамом и назначить ему в помощь наибов и обязать его ровно через две недели в понедельник начать освободительное движение. Ровно через две недели, в 1294 г. ар. лет., в месяц Рабиал-Аввал, Алибек-Хаджи, собрав своих мюридов, расположился на кургане на краю сел. Гендарганоя. Узнав об этом, чеченцы из окружных аулов начали стекаться к нему целыми группами. Когда набралось много людей-приверженцев, Алибек-Хаджи вместе с ними выехал в селение Зандак для ночевки» [15].

В донесении начальника Веденского округа полковника князя Авалова начальнику Терской области генерал-адъютанту Сви-стунову от 17 апреля 1877 года за № 1419 сообщается: «Имеются сведения, что в ночь с 12-го на 13-е число сего месяца около 60-ти человек разных селений 2-го же участка будто бы собрались недалеко от аула Саясан (в том же участке), где приняли присягу с намерением разорвать всякие сношения с существующею властью и затем в понедельник, 18-го числа, объявить себя независимыми и нарушить общий порядок. Главным деятелем этого дела, как доносит пристав теперь и как доложил мне прежде на словах, называют Султан-Мурада, беноевского жителя, и братьев Алимхана-Хаджи и Алибека-Хаджи, жителей аула Зандак, и что последний (Алибек) провозглашён имамом» [16].

После начала восстания, Алибек-Хаджи пригласил к себе Раасу Гойтукаева в качестве кадия и секретаря [17]. Гойтукаев пишет: «Многим чеченцам известно, что я, Раасу, будучи мальчиком, учился вместе с Алибеком-Хаджи, что, когда он объявил

себя имамом, я сделался его кадием, и что я принимал участие в боях во имя газавата» [18].

Согласно хронике Раасы Гойтукаева, восстание в Чечне развивалось следующим образом: «Из Зандака Алибек-Хаджи поехал в селение Гендаргеной, где заручившись согласием населения примкнуть к его имаму движению – взял от них клятву на верность, Алибек-Хаджи отправился в сел. Рогун-Каж, а оттуда вместе со своими последователями отправился в сел. Ножай-Юрт. Узнав о том, что Алибек-Хаджи едет в Ножай-Юрт, начальник участка Парцан (*А. Д. – капитан Проценко*) срочно выехал из этого аула в Хасав-Юрт. Прибыв в Ножай-Юрт, Алибек-Хаджи первым делом приказал сжечь все дела начальника участка, а также сжечь ставку его» [19].

20 апреля 1877 г. в селении Гордали восставшие сожгли также ставку пристава Даргинского участка Ичкеринского округа подпоручика Чомака Ойшиева вместе с документами из его канцелярии [20]. Вскоре большая часть горных аулов Чечни и Дагестана была охвачена восстанием. В Аргунском округе во главе повстанцев встал Дада Залмаев, а затем Ума Дуев – бывший наиб Шамиля, один из сподвижников Байсунгура по восстанию 1860–1861 гг. В войско Алибека-Хаджи шли добровольцы даже из плоскостных аулов Чечни. Будущий шайх Дени Арсанов и его старший брат Пайха из притеречного селения Зебир-Юрт тоже примкнули к восставшим. Активным участником мятежа стал также шайх Асандар Ибрагимов из Гордали.

Однако, в ходе ожесточенных боев, царским войскам в октябре 1877 года удалось подавить восстание в Чечне. Лидеры повстанцев ушли в Дагестан, где совместно с сподвижниками имама Магомета-Гаджи Согратлинского продолжали сопротивление. Но 3 ноября 1877 года пал аул Согратли – последний оплот восставших горцев. Магомет-Гаджи, Ума Дуев, Дада Залмаев и другие руководители восстания попали в плен. Алибек-Хаджи вырвался из окружения и ушёл в Чечню [21].

Раасы Гойтукаев в своей хронике пишет: «Алибеку-Хаджи и его братьям удалось выбраться из аула Сугури (*А. Д. – аул Со-*

зратли чеченцы называют СузГри). С родителями и родственниками они вышли из этого аула и опять укрылись в Симсарском лесу. По прошествии некоторого времени пребывания в названном лесу Алибека-Хаджи, последнего стали уговаривать его друзья и лица, которым он доверял, что самым лучшим выходом из создавшегося положения для него будет явка к русскому начальству с повинной. Они уверяли, что после явки он будет прощен, и будет находиться на свободе. С одной стороны, учитывая свое беспомощное и безвыходное положение и с другой стороны, поверив перспективам свободы, предугадываемой друзьями и верными людьми, Алибек-Хаджи послушался их и сдался какому-то администратору, находившемуся в Ведено. Ожидания его не оправдались. Веденский администратор, как только Алибек-Хаджи явился к нему, приказал заковать его в ножные и ручные кандалы, под сильным конвоем отправить в Грозненскую тюрьму, что и было в точности исполнено. Через некоторое время, после заключения Алибека-Хаджи в Грозненскую тюрьму, туда же были заключены и 12 его наибов, а также многие другие, которых начальство заподозрило в лояльности Алибеку-Хаджи. Однако старший над всеми набиами, сын беноевского Салун-Гирея, по имени Солтамурад, не только не явился с повинной, а продолжал находиться в бегах. Он никому, кроме своих родственников, не доверял. Солтамурад умер от болезни и с большими почестями был погребен на Беноевском кладбище» [22].

Из осужденных военно-полевым судом лидеров восстания, 9 марта 1878 года в Грозном были казнены через повешение: 1. Алибек-Хаджи Алданов из Симсира – 22 года; 2. Ума-Хаджи Дуев из Дзумся – 69 лет; 3. Дада Алимов (он же Залмаев) из Химоя – 27 лет; 4. Хусейн-Хаджи Пасаев из Бетти-Мохка – 69 лет; 5. Мити Апаев из Чобахкенроя – 50 лет; 6. Курко Гойтаев из Ачарышки – 60 лет; 7. Лорсан-Хаджи Гиреев из Айти-Мохка – 27 лет; 8. Косум Буртаков из Чапчин-Хой – 30 лет; 9. Нур-Хаджи Махтиев из Зандак-Ара – 26 лет; 10. Прапорщик Дада Умаев из Дзумся – 22 года; 11. Тазурко Тангатаров из Турти-Хутора – 68 лет [23].

После подавления восстания Чечню охватила волна репрессий. За участие в возмущении было выслано в Сибирь сотни

людей. В их числе даже жители мирного Надтеречного участка Грозненского округа, такие как Пайха Арсанов из Зебир-Юрта, Ахмед-Хаджи Мусалаев, Магома Сулбанов и Бийсултан Джабаев из Старого-Юрта, Мудар Хутаев из Ногай-Мирзин-Юрта, Мотай Магомадов и Шейх Тоадаков из Бено-Юрта, Шахгирей Адильгиреев из Мундар-Юрта, Дени-Хаки Муллаев из Чанты-Юрта, Биймурза Миниев из Кень-Юрта [24]. Раасу Гойтукаев тоже был сослан в Сибирь за участие в мятеже. По ошибке он был записан в списке ссылаемых в Сибирь как житель селения Бено-Юрт Надтеречного участка Грозненского округа [25].

В своих воспоминаниях Раасу пишет: «После ареста Алибека-Хаджи и его наибов, был арестован и я, и находился вместе с ним на суде. После казни Алибека-Хаджи и его наибов я был сослан вместе с другими в Сибирь. По пути в Сибирь, когда мы доехали до Орловской губернии, я сильно заболел и был помещен в Орловскую больницу, в которой пролежал в продолжении 2-х месяцев. Из Орловской больницы я был переведен в Москву, а из Москвы меня перевезли в Нижегородскую губернию. Оттуда на пароходе меня повезли дальше и через 6 суток привезли в Пермскую губернию. В Пермской губернии посадили меня и других на подвод, запряженную очень хорошими лошадьми и через 9 суток мы доехали до гор. Датмина Тобольской губернии. В этом городе нас разместили по окрестным деревням. Когда меня и товарищей отделили друг от друга, меня посадили под надзор Тюменского окружного волостного правления» [26].

Согласно списку ссыльных горцев, распределённых Тюменским приказом о ссыльных 3 июля 1878 года, Рааса Хайтукаев (*А. Д. – так в документе*), от роду 25 лет, был поселён в деревню Усайку Покровской волости, Тюменского округа Тобольской губернии [27].

Раасу Гойтукаев вспоминает: «Прожив в Тюменском округе 5 лет, я затосковал по родине и решил бежать из места ссылки. Ночью бежал я из этого места и пробрался в г. Тюмень, а оттуда дальше я пробрался в г. Кишлур. Из этого города я пробрался в Екатеринбург, а оттуда в Петербург. Из Петербурга я кое-как добрался до Пермской губернии, а здесь сел на пароход и приехал в

Казань. Из Казани я на пароходе выехал в Астрахань, а из Астрахани на пристань. Оттуда я добрался до Яхсави (*А. Д. – Аксай*), а из Яхсави в сел. Бачи-юрт. Из этого аула я легко добрался до своего родного аула Беноя. Спустя некоторое время после прибытия домой, я отправился вместе с почетными лицами к полковнику Гулабиеву (*А. Д. – полковник Галубов*), чтобы через их содействие вымолить у полковника Гулабиева его содействие в прощении мне моего побега. Полковник не только не оказал содействия, но немедленно арестовал меня и, продержав в Веденской тюрьме 5 месяцев, этапом отправил меня снова в Сибирь» [28].

Начальник Веденского округа полковник Галубов доносит по этому поводу: «МВД. Веденское окружное полицейское управление Терской области, №1279, 24 июля 1882 года. Укр. Ведень. Господину начальнику Терской области. Рапорт.

23 числа сего июля месяца ко мне явился бывший в ссылке в г. Тюмени, Тобольской губернии, житель сел. Беной Раасул Гойтукиев, бежавший из места ссылки около 25 дней тому назад. Донося об этом Вашему Превосходительству, имею честь присовокупить, что по заявлению Гойтукиева, он был сослан из Грозненского округа за участие в восстании 1877 года и так как в числе жителей вверенного мне округа, сосланных по этому восстанию, Гойтукиев не значится, то мною вместе с сим сделан запрос начальнику Грозненского округа о том – когда, за что, по чьему распоряжению и куда именно был выслан Гойтукиев, по получении каковых сведений я буду иметь честь донести Вашему Превосходительству особо» [29].

В ответ на запрос начальника Веденского округа, из Грозненского окружного полицейского управления пришла справка следующего содержания: «Раасул Гойтукиев показан по спискам жителем селения Бено-Юрт Грозненского округа, высланный из края за участие в бывшем в 1877 году возмущении в числе 239 человек, и значится в списке под лит [ерой] Б, горцам, возвращение которых на родину признано преждевременным». Внизу карандашом поставлена резолюция: «Выслать обратно» [30].

Прошения, поданные самим Гойтукаевым и его матерью Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе о поми-

ловании Раасу, были оставлены без последствий. Хотя о возвращении Гойтукаева на родину подполковником, князем Аваловым было внесено представление начальнику Терской области, но ввиду того, что он бежал самовольно с места ссылки, не дождавшись распоряжения начальства о возвращении его на родину, генерал-адъютант Свистунов, 11 октября 1882 года решил выслать содержащегося на Веденской гауптвахте Раасу этапным порядком обратно в Сибирь, по месту первоначального отбывания срока [31].

Раасу Гойтукаев в своей Хронике так описывает возвращение его обратно в ссылку: «В пути я сильно заболел лихорадкой. Когда меня довели до Новочеркасска, то меня положили в больницу. Здесь меня не могли излечить и меня отправили в больницу в г. Казлу, в которой я пролежал целый месяц. Из этой больницы через месяц меня перевезли в московскую больницу, в которой я также пролежал месяц. В московской больнице я почувствовал облегчение и вследствие этого я был назначен к высылке в Сибирь первым этапом. Перед нашей отправкой врач подвергнул меня медицинскому освидетельствованию. Врач констатировал у меня опасное состояние и меня перевели в покойницу. Здесь я поправился, и меня отправили на пароходе в Нижний Новгород. Из Нижнего, ввиду того, что река Волга покрылась льдом и пароходы не ходили, меня отправили пешком дальше. На 25-е сутки я прибыл в Казань. Здесь я пробыл в больнице целый месяц и получил значительное облегчение от одержимой меня болезни. Из Казани меня отправили в г. Пермь, а из Перми в г. Тюмень» [32].

Однако, 15 мая 1883 года император Александр III издал Манифест, согласно которому участникам восстания 1877 года, отбывавшим срок наказания в Сибири, была объявлена амнистия. Пользуясь этим, Раасу Гойтукаев снова подал ходатайство о своём помиловании. В связи с этим, председатель Тобольского губернского правления 23 апреля 1884 года пишет начальнику Терской области: «Вследствие ходатайства горца, состоящего на причислении Тюменского округа, Покровской волости, Роаса Гайтукаева, сосланного в Сибирь за восстание, губернское правление, согласно журнального определения, состоявшегося 27 февраля

с. г. за № 127 и Всемилоостивейшего манифеста 15 мая 1883 года, вместе с сим, предписало Тюменскому окружному полицейскому управлению выдать этому горцу вид на следование его на родину в Терскую область» [33]. На основании этого сообщения, власти Терской области распорядились местному начальству, чтобы возвращающийся из ссылки Раасу Гойтукаев по прибытии был водворён на прежнем месте жительства [34].

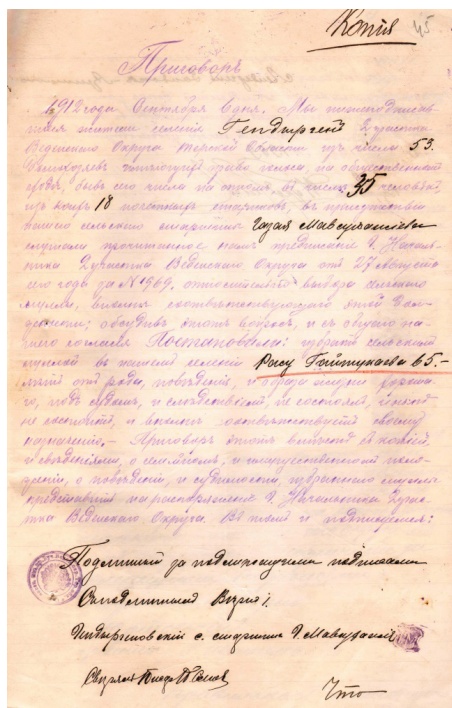
По свидетельству самого летописца, эпопея его ссылки в Сибирь завершилась следующим образом: «Во время моего нахождения в Тюмени был убит царь Александр II и на престол вступил Александр III. Через месяц после вступления на престол Александра III был издан приказ – всех ссыльных из Дагестана и Терской области вернуть на родину. Таким образом, после этого приказа мне разрешили вернуться на родину, и я прибыл домой. Если бы я в подробности описал все те издевательства со стороны офицеров и солдат, которым я подвергался во время следования из города в город, из местечка в местечко, то даже враги мои пожалели бы меня» [35].

По возвращении из ссылки домой, Раасу Гойтукаев продолжил свою религиозную деятельность. Он обучал местных детей арабской грамоте и чтению Корана. Один из его учеников – Сайд-Ахмед Манцигов из Беноя (1902–10.01.1980), в духовном совершенстве достиг степени авлия и сделал много предсказаний, которые сбываются по сей день. Благодаря своему благочестивому и праведному образу жизни, Раасу стал пользоваться непререкаемым авторитетом среди алимов Северо-Восточного Кавказа. Решение (хьукма) беноевского муллы, заверенное его личной печатью с арабской надписью «Раасуль-Байан», никто из духовных авторитетов того времени не ставил под сомнение [36].

В начале XX века Раасу Гойтукаев в течение 12 лет работал цензором в исламской типографии Магомед-Мирзы Мавраева в Темир-Хан-Шуре (Буйнакск). Долгие годы в родном Беное он бессменно занимал должность кадия, а также был членом сельского шариатского суда [37]. Мы процитируем документ, свидетельствующий об избрании сходом граждан в ауле Беной сельских судей и кандидатов к ним:

Хамзат Шепаев, Муса Чулик-Хажиев, Сабуру Чагаев, Джаватхан Годуев, Ильяс Хозуев, Датца Джамаханов, Асвад Маасуев, Ислам Абдул-Хакимов, Хусейн Баталов, Болотхан Чинаев, Саидулхан Асламханов, Джамау Бехаев, Бери Бециев, Юнус Гехаев, Байсултан Банзаев, Хуцу Гехаев, Вара Ачаев, Мусаип Мутаханов, Арцу Гехаев, Алговат Дударханов, Муса Солтаханов, Абдул-Межид Татаев, Дума Тазуркаев, Манцык Янгулбаев, Межитхан Исаков, Маил Хазуев, Гака Захуев, Ирчи Эскерханов, Шиды Куразов, Ахмат Бамат-Алиев, Абубакар Хасавов, Митичь Итаев, Геха Чолтуев, Мачик Арабиев, а за них неграмотных по их просьбе расписался мулла Раасу Гойтукаев (арабская подпись).

Действительность приговора свидетельствую, декабря 30 дня 1911 г. Беноевский старшина урядник Байсунгуров» (круглая гербовая печать Беноевского сельского правления) [38].

Документ о назначении Раасу Гойтукаева кадием Гендыргена

В 1912 году, перед избранием его кадием села Гендырген, Раасу-мулла Гойтукаев с отличием сдал экзамен по знанию мусульманской веры и законов. Благодаря своим способностям, он был включен даже в состав экзаменационной комиссии по испытанию мулл Веденского округа. Был назначен кадием Гендыргена 6 сентября 1912 года. Сведения о семейном и имущественном положении кадия: «Расу Гойтукаев – лета от роду 65, жена Айна – 60 лет, сын Решид – 30 лет, дочь Себи – 20 лет, дочь Себинат – 15 лет. Имущество: дом под черепичной крышей и сарай под черепичной крышей. Поведения хорошего. Под судом не состоял. Житель селения Беной 2-го участка Веденского округа». [39]

Объявление Кадия 44

О семейном, и имущественном положении, поведении, и о судимости муллы кадия Гендырген Раасу Гойтукаева 2-го Вед. округа

Имя по-русски	Имя и Отчество	Возраст по-русски	Имущество	Поведение	Судимость	Примечание
1	Расу Гойтукаев	65	Дом под черепичной крышей	Хорошо	Не судим	Муж. сел. Беной 2-го
2	Жена: Айна	60	под черепичной крышей		не судим	Беной 2-го
3	Сын: Решид -	30	Второй под черепичной крышей			Вед. округ
4	Дочь: Себи -	20				
5	Дочь: Себинат -	15				

Старшина селения *Гендырген* *Рашид Абдуллович*

Николай Савицкий

Посемейный список Раасу Гойтукаева

Согласно преданиям, Раасу Гойтукаев прожил 86 лет и скончался в 1927 году. С большими почестями его тело было предано земле на Беноевском сельском кладбище [40]. Такую неординарную жизнь, полную взлётов и падений, прожил этот известный чеченский историк и просветитель. Он был настоящим патриотом своей Отчизны и всегда был в центре судьбоносных для чеченского народа событий. И это замечательное качество снискало ему заслуженную славу в сердцах и умах благодарных потомков.

Уверены, что наше повествование, основанное на официальных архивных документах и материалах, приумножит память о достойнейшем из духовных лидеров, в сердцах последующих поколений, облагораживая и укрепляя лучшие черты национального характера.

Могила Раасы Гойтукаева в Беное

Источники и литература

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО), ф. Р-3764, оп. 1, д. 47, л. 189–240; Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГАРД), ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 1–12 с об;
2. Записано 22.08.2019 г. со слов Абдул-Керима Убайдовича

Беширова, 1963 г.р., жителя с. Алхан-Хутор Ножай-Юртовского района Чеченской Республики;

3. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А), ф. 11, оп. 15, д. 764, л. 2 об; Там же, д. 2165, л. 35; Государственный архив в г. Тобольске, ф. и-330, оп. 1, д. 83, л. 41 об;

4. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 4, 11;

5. Архивное управление Правительства Чеченской Республики (далее – АУП ЧР), ф. 236, оп. 7, д. 22, л. 67; ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 48, д. 11, л. 7; Научный архив Дагестанского научного центра Российской академии наук (далее – НА ДНЦ РАН), ф. 1, оп. 1, д. 183, л. 18;

6. Записано 01.09.2019 г. со слов правнука Раасу Гойтукаева – Имрана (Абдулкъуддуса) Соиповича Решидова, 1963 г.р., жителя с. Беной Ножай-Юртовского района Чеченской Республики;

7. ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 15, д. 764, л. 2 об, 5 об; Записано 22.08.2019 г. со слов Абдул-Керима Убайдовича Беширова, 1963 г.р., жителя с. Алхан-Хутор Ножай-Юртовского района Чеченской Республики;

8. Записано 01.09.2019 г. со слов Имрана (Абдулкъуддуса) Соиповича Решидова, 1963 г.р., жителя с. Беной Ножай-Юртовского района Чеченской Республики;

9. Гапуров Ш. А., Бакашов А. В., Саралиева Л. Ш. «Дикой вольности любовь» (освободительное движение в Чечне в 60–70-х гг. XIX в.). Грозный: АН ЧР, 2011. С. 140;

10. Материалы для описания Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре (с планами). Том VI, часть I. Составлен в Военно-Историческом отделе при Штабе Кавказского военного округа полковником Томкеевым. Тифлис, 1910. С. 17;

11. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 6, д. 317, л. 5 об – 6; Архивный вестник. Вып. 5, Нальчик, 2017. С. 50; АУП ЧР, ф. 236, оп. 7, д. 33, л. 16, 34;

12. АУП ЧР, ф. 236, оп. 7, д. 33, л. 14, 38;

13. Мусхаджиев С. Х. Гази-Хаджи Зандакский: пространство и время героя. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. С. 107;

14. Гапуров Ш. А., Бакашов А. В., Саралиева Л. Ш. «Дикой вольности любовь» (освободительное движение в Чечне в 60–70-х гг. XIX в.). Грозный: АН ЧР, 2011. С. 147;
15. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 4 с оборотом;
16. Материалы для описания Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре (с планами). Том VI, часть I. Тифлис, 1910. Приложение XI, С. 73;
17. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 11 оборот;
18. Там же, л. 4;
19. Там же, л. 4 об;
20. Материалы для описания Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре (с планами). Том VI, часть I. Тифлис, 1910. Приложение XI, С. 77–78; ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 5;
21. Айдамиров А. А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. Грозный: Книга, 1991. С. 90;
22. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 10;
23. История чеченцев в письменных источниках (Сборник документов и материалов с древнейших времён до начала XX в.). Нальчик, 2019. С. 584–587;
24. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 3, д. 440, л. 8 с об, 21, 57, 171, 173; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 86, л. 34;
25. АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 86, л. 38;
26. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 11 об;
27. Государственный архив в г. Тобольске, ф. и-330, оп. 1, д. 83, л. 41 об;
28. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 11 об – 12;
29. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 3, д. 440, л. 186 с об;
30. Там же, л. 187;
31. Там же, л. 188 с об, 189, 190 с об;
32. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 12;
33. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 3, д. 452, л. 21; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2к, д. 365, л. 31;
34. ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 3, д. 452, л. 23 с об; АУП ЧР, ф. 236, оп. 2к, д. 365, л. 34–35;
35. ЦГАРД, ф. 133, оп. 2, д. 1, л. 12 с об;

36. Гапуров Ш.А., Умхаев Х.С. Беной в истории и культуре чеченского народа. (Историко-этнографические очерки). Грозный, 2016. С. 235;

37. Записано 01.09.2019 г. со слов Имрана (Абдулкъуддуса) Соиповича Решидова, 1963 г.р., жителя с. Беной Ножай-Юртовского района Чеченской Республики;

38. ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 15, д. 2165, л. 35 с об; АУП ЧР, ф. 236, оп. 1кс, д. 628, л. 57–58;

39. ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 15, д. 764, л. 2 об, 4 с об, 5 об, 45 с об, 46 об – 47;

40. Записано 22.08.2019 г. со слов Абдул-Керима Убайдовича Беширова, 1963 г.р., жителя с. Алхан-Хутор Ножай-Юртовского района Чеченской Республики.

Ф. С. Киреев
(г. Владикавказ, Россия)

ПЕДАГОГ, ИСТОРИК, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ – ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ТКАЧЕВ

В истории Терского казачества начала XX века самыми известными общественными деятелями были М. А. Караулов, Г. А. Вертепов и Г. А. Ткачев. Если судьбы первых двух в основном выяснены, их имена на слуху в казачьей среде, то Георгий Алексеевич Ткачев личность мало изученная. Между тем, это весьма яркий, талантливый терский деятель, судьба которого достойна самого пристального внимания.

Георгий Алексеевич Ткачев родился 21 апреля 1867 г. в станице Щедринской Кизлярского округа Терской области. Там же, 23 апреля того же года он был крещен в станичном православном Николаевском храме. Восприемниками при крещении были: казак Филипп Андреевич Голоха и жена казака Дмитрия Ивановича Любова Марфа Ивановна [1, 3].

Отец Георгия – Алексей Иванович (1833 г.р.) был из казаков Сумского уезда Харьковской губернии, переселившихся на Терек. Казачьи корни имела и мать – Дарья (1840 г.р.), которая была родом из Новохоперского уезда Воронежской губернии [2].

Семья Алексея Ткачева была большая. Кроме Георгия у него было еще три сына: Андрей (1859 г.р.), Назар (1872 г.р.), Иван (1882 г.р.). Андрей был женат на Марии Кузьминичне, у них был сын Григорий (1891 г.р.) и дочь Матрена (1894 г.р.). Же-

ной Назара была Евдокия Ивановна, у них была дочь Наталья (1893 г.р.) [3].

В июне 1883 года Георгий Ткачев как вольноприходящий ученик весьма успешно окончил Грозненскую горскую школу, получил следующие оценки: Закон Божий – 5, русский язык – 5, арифметика – 5, геометрия – 5, география – 5, русская история – 5, чистописание – 4, черчение и рисование – 4 [4, 1].

Свое образование Георгий продолжил в Кубанской учительской семинарии. В июне 1888 г. он окончил семинарию и, получив звание учителя двухклассных народных училищ, был назначен учителем в училище станицы Подгорная Терской области. Отсюда начался его педагогический опыт.

В сентябре 1890 г. Ткачева переводят в училище станицы Старогладковской, а в феврале 1894 г. он получил должность учителя двухклассного училища станицы Червленной [5, 30об].

В Червленной он не только углубил навыки педагога, но и весьма основательно занялся историей станицы. Георгий Алексеевич собрал огромный материал из прошлого станицы, опросил множество станичников, изучил архивные источники. В результате им был издан фундаментальный труд «Станица Червленная», ценнейший еще и тем, что в силу последующих известных событий утрачены материалы, на которых писалась книга и рассеяны по миру сами жители станицы.

2 октября 1895 г. Попечитель Кавказского учебного округа выразил благодарность Г.А. Ткачеву за усердие и успешную деятельность по училищу. 17 июня 1897 г. он был назначен заведующим Червленского двухклассного станичного училища, а 8 мая 1890 г. был произведен в чин коллежского регистратора [6, 31об].

2 октября 1895 г. вновь была получена благодарность Попечителя Кавказского учебного округа, а в 1902 г. Высочайшим приказом Георгий Алексеевич был награжден серебряной медалью на грудь за усердие на Александровской ленте.

В мае 1903 г. Ткачев выдержал экзамен при Александровском учительском институте и получил звание учителя городского училища [7, 55].

В этот же году – 23 июля Георгий Ткачев женился на учитель-

нице, заведующей Хасав-Юртовского женского училища Зинаида Георгиевне Григорянц. Венчали их во Владикавказе в церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Поручителями были: от жениха – подъесаул 1-го Кизляро-Гребенского полка Иван Артамонович Ушинкин и казак ст. Червленной Капитон Федорович Сергеев, от невесты – сотник 12-го Кубанского пластунского батальона Лев Ефимович Медяник и житель селения Сба Иван Борисович Абаев [8, 24].

19 апреля 1904 г. в семье Ткачевых родился Георгий, который вскоре скончался – 15 июля 1905 г. 5 марта 1906 г. родился Леонид. После этого Зинаида Георгиевна скончалась от болезни.

Возможно, смерть супруги подвигла Георгия Алексеевича сменить обстановку, а может он решил перебраться в столицу Терской области, чтобы быть в центре общественной жизни. Так или иначе, но к этому времени они уже перерос уровень станичного учителя.

27 сентября 1906 г. А. Ткачев получил должность учителя Владикавказского Николаевского шестиклассного училища. В январе 1907 г. он награжден орденом св. Станислава 3-й ст.

Во Владикавказе у Георгия Алексеевича в полной мере раскрылись таланты общественного деятеля. Он становится секретарем «Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в Терской области».

В 1908 г. избирается гласным Владикавказской городской Думы и старшиной чиновнического клуба города, становится членом правления общественной библиотеки и Терского областного статистического комитета.

В октябре 1908 г. Ткачев назначается учителем приготовительного класса 2-го Владикавказского реального училища, избирается секретарем Педагогического совета этого училища.

В эти годы группа представителей казачьей интеллигенции, в которую входил и Г. А. Ткачев, периодически собиралась для обсуждения различных вопросов терской жизни, составляя разнообразные проекты и планы. Позже, в 1909 г., этой группой было инициировано создание «Терского общества любителей казачьей старины». Целью создания Общества было проведение

культурно-просветительской работы, исторических исследований, содействие укреплению дружбы между казаками и народами Северного Кавказа. Учредительное собрание состоялось во Владикавказе в помещении войскового штаба 9 ноября 1909 г. [9, 1–2].

В учредительном собрании был заслушан и одобрен проект устава Общества. Тут же после принятия устава был избран совет Общества. Первым президентом Терского общества любителей казачьей старины стал начальник войскового штаба Терского казачьего войска генерал-майор Ф. Г. Чернозубов. Библиотекарем Терского общества любителей казачьей старины был избран Георгий Алексеевич Ткачев.

К концу 1910 г. Общество состояло из 2 почетных и 79 действительных членов, в числе которых 29 членов-учредителей. Деятельность общества выражалась, главным образом, в общих собраниях, в которых был заслушан целый ряд докладов и сообщений.

На заседаниях общества, проходивших, как правило, при большой аудитории, выступали члены общества с докладами по истории казачества. На таких мероприятиях получали первичную апробацию результаты исследований членов общества. Некоторые из них до сих пор входят в золотой фонд историографии истории казачества. Многие доклады позже публиковались в «Записках Терского общества любителей казачьей старины». Так, в Записках впервые увидели свет такие произведения Георгия Ткачева как: «Станица Червленая», «Гребенские, терские и кизлярские казаки», «Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области», «Терские казаки и дом Романовых» – вышедшие отдельными изданиями, так и ряд статей и очерков, увидевших свет в коллективных сборниках.

В эти же годы Георгий Алексеевич близко познакомился с депутатом II и IV Государственных Дум подъесаулом Михаилом Александровичем Карауловым, будущим первым выборным атаманом Терского казачьего войска. Это знакомство переросло в дружбу, и они вместе обсуждали и разрабатывали различные проекты по улучшению жизни терских казаков. Они вместе раз-

работали Конституцию Терского войска, по которой войско жило в 1917 г.

В июле 1913 г. Георгий Ткачев переходит на службу в городское управление Владикавказа, став членом Городской управы. На новой должности он приложил немало сил для процветания города, занимался развитием народного образования, ведал библиотеками, этическим ростом горожан.

В связи с начавшейся Мировой войной городские власти Владикавказа организовывали лазареты, наладили подготовку сестер милосердия. Ткачев также занимался вопросами строительства Терской войсковой женской гимназии и Терского войскового реального училища.

Грянувшая Февральская революция 1917 г. нарушила устои жизни на Тереке, но перед Ткачевым, Карауловым и их соратниками открылась возможность организовать Терское войско, так как они давно мечтали.

В марте 1917 г. А. Ткачев был делегатом от Кизлярского отдела на заседании Войскового Круга Терского казачьего войска первого созыва. На этом Круге он был избран в комиссию по выработке Конституции и Земельную комиссию.

Еще в 1907 г. М. А. Караулов совместно с Л. Е. Медяником, Г. А. Ткачевым и Г. А. Вертеповым, готовясь к выступлению по общеказачьему вопросу в Государственной думе, разработал проект Положения о войсковой автономии Терского войска. Работа, проделанная добросовестно ими тогда, не пропала даром. Проект дождался проведения в жизнь. В несколько исправленном виде М. А. Караулов предлагает его на обсуждение Кругу в марте 1917 г. Рассмотренный в комиссии и подвергнутый сперва постатейному, а затем и в целом обсуждению, проект принимается с незначительными лишь изменениями и поправками. Наличие проекта ускоряет организацию войска, и уже утром 17 марта Войсковой круг утвердил проект Положения в окончательной редакции. Это и стало Конституцией Терского войска. Но, чтобы придать ей силу закона и в глазах неказачьих, Войсковой круг решил представить ее на утверждение верховной государственной

власти, избрал делегацию в составе М. А. Караулова, Л. Е. Медяника, Г. А. Вертепова и Г. А. Ткачева, которой и поручил сделать это представление. Делегация через несколько дней выехала в Петроград, и уже 29 марта Положение об автономии Терского войска было утверждено Всероссийским Временным правительством (подписал военный министр А. И. Гучков) [10, 71].

В составе делегации от Терского казачьего войска Ткачев был участником двух Общеказачьих съездов, проходивших в Петрограде в марте и июне 1917 года. Вошел в состав созданного на Первом Общеказачьем съезде Временного Совета Союза казачьих войск, в котором возглавил Аграрную комиссию.

На Войсковых Кругах 1917 г. Ткачев избирается заместителем председателя, входит в разные комиссии, становится членом Малого Круга.

Осенью 1917 г. третьим Кругом был утвержден казачий кандидатский список в Учредительное собрание. Список этот начинался такими именами: А. М. Каледин – войсковой атаман Донского войска, М. А. Караулов – войсковой атаман Терского войска, Л. Е. Медяник заместитель атамана, В. И. Абрамов – член войскового правительства, П. Д. Губарев председатель Войскового круга, Г. А. Ткачев – член Круга, Г. А. Вертепов член Круга и председатель ревизионной комиссии и так далее, всего 13 имен. Позже, в ходе голосования в Терской области, этот список набрал большинство голосов, но обстановка в стране уже изменилась. Власть в стране захватили большевики.

На Тереке события развивались еще более драматично. Несмотря на то, что Караулов, Ткачев, Вертепов и их соратники получили полную власть и начали применять на практике свои давние планы, внешние и внутренние факторы помешали их благим помыслам. Терская область все больше погружалась в пучину хаоса и междоусобной войны. В итоге, в декабре 1917 г. Войсковой атаман М. А. Караулов был убит, затем похищен и убит его заместитель Л. Е. Медяник. К весне 1918 г. Войсковое правительство расформировалось, терские казаки лишились своей власти. Лишь летом в Моздоке начинается Терское восста-

ние, организуется правительство Бичерахова. Тем временем Георгий Ткачев ведет переговоры с руководством Добровольской армии в Екатеринодаре, просит помочь Тереку в борьбе с большевиками.

В январе 1919 г. белогвардейцы занимают Владикавказ и очищают Терскую область от большевиков. Вновь организуется войсковая власть. Г. А. Ткачев становится членом Малого Круга и членом Войскового правительства.

В составе Войскового правительства Георгий Ткачев вел большую работу по налаживанию жизнедеятельности войска. Снова он занят организацией народного образования, восстановлением объектов, разрушенных боевыми действиями. Кроме того, он активно публикуется в местных изданиях, как на исторические темы, так и на актуальные вопросы.

С 1 января 1920 войсковая газета «Терец» была переименована в «Терскую жизнь» и Ткачев стал ее редактором. 5 февраля он публикует статью «Не нужно падать духом», но обстановка на фронте все больше ухудшалась. Части Красной Армии приближались к Владикавказу.

В начале марта некоторые члены Войскового правительства – Блазнов, Орлушин, Ткачев один и Ткачев другой и другие заявили, что они уже не считают себя членами правительства и превращаются в беженцев, что существование правительства уже бессмысленно и ненужно. Остальные члены правительства думали иначе и обязанностей не сложили.

На рассвете 9 марта 1920 г., без всякого давления со стороны красных казачьи части оставили Владикавказ и направились Дарьяльским ущельем в Грузию. На этом следы Георгия Алексеевича Ткачева теряются. Он не объявился в Крыму, куда перебрались терцы. Не оказался он и в эмиграции. О его судьбе не упоминают и различные эмигрантские издания.

Есть предположение, что он остался на Тереке и был расстрелян сразу же после прихода Красной Армии. Достоверно известно, что сын Георгия Ткачева – Леонид остался на родине, с кем-то из родни он жил в Грозном. Когда началась война, 27 ноября 1941 г.

он был призван в армию, был младшим лейтенантом, командиром пулеметного взвода. В марте 1942 г. Леонид Георгиевич Ткачев пропал без вести. Осталась жена Анна Григорьевна, проживающая в г. Грозный ул. Стахановцев (ныне Ахмеда Арслана Алаудина) 6/2, кв. 5 [11].

Весьма значителен вклад Г. А. Ткачева в историографию Терского казачества, но и его деятельность в городском управлении Владикавказа, в структурах Терского Войскового правительства еще требует подробного изучения и анализа.

Библиография Г. А. Ткачева:

Труды Червленских съездов (редактор-составитель Г. А. Ткачев), Владикавказ, 1906 г.

Отдельные издания:

Ткачев Г. А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911.

Ткачев Г. А. Гребенские, терские и кизлярские казаки. Владикавказ, 1911.

Ткачев Г. А. Станица Червленая. Владикавказ, 1912.

Ткачев Г. А. Терские казаки и Дом Романовых. Владикавказ, 1914.

Публикации в Записках Терского общества любителей казачьей старины:

Ткачев Г. А. Терские казаки и Дом Романовых. ЗТОЛКС, № 1, 1914.

Ткачев Г. А. Участие гор. Терки в освобождение Астрахани от самозванца. ЗТОЛКС, № 2, 1914.

Ткачев Г. А. Эпизод из кавказской войны. ЗТОЛКС, № 3, № 4, 1914.

Ткачев Г. А. Из истории Кавказской войны. ЗТОЛКС, № 6, 1914.

Ткачев Г. А. Бой под Астраханью в 1614 г. ЗТОЛКС, № 7, 1914.

Ткачев Г. А. Несколько слов о прошлой истории Чеченцев. ЗТОЛКС, № 9, 1914.

Публикации в «Терских ведомостях»:

Ткачев Г. А. Откуда вышло гребенское войско и где было первоначальное место поселения. ТВ, № 114.

Ткачев Г. А. Об исторических разысканиях Юдина. ТВ, № 210, 1912.

Использованные источники и литература

1. ЦГА РСО-А. Ф.131. Оп.2. Д.1001.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года Терская область. Станица Щедринская. <http://combcossack.0pk.ru/viewtopic.php?id=5219>.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года Терская область. Станица Щедринская. <http://combcossack.0pk.ru/viewtopic.php?id=5219>.
4. ЦГА РСО-А. Ф.131. Оп.2. Д.1001.
5. ЦГА РСО-А. Ф.131. Оп.2. Д.1001.
6. ЦГА РСО-А. Ф.131. Оп.2. Д.1001.
7. ЦГА РСО-А. Ф.131. Оп.2. Д.1001.
8. ЦГА РСО-А. Ф.131. Оп.2. Д.1001.
9. Устав Терского общества любителей казачьей старины. – Владикавказ, 1915.
10. Писаренко Д. С. Терское казачество: Три года революции и борьбы. 1917–1920. Материалы и воспоминания. М., 2016.
11. Центральный архив министерства обороны (ЦАМО). Ф.33. Оп. 563784. Д.16. <https://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=75076908>

М. Р. Кулиев
(г. Нахичевань, Азербайджан)

ГЕНЕРАЛ ИСМАИЛ-ХАН НАХИЧЕВАНСКИЙ (ПОСВЯЩАЕТСЯ 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Исмаил-хан Кенгерли прожил 90 лет и оставил заметный след в общественной и военной истории Азербайджана. Тем не менее, в литературе советского периода упоминания его имени редки, и даже в энциклопедических изданиях о нем представлены более чем скудные сведения. И это при том, что архивы Российской империи и библиотечные фонды соответствующего периода содержат большое количество документов и литературы, связанных с его биографией и военными заслугами. В Российском государственном военно-историческом архиве хранятся подлинники послужных списков Исмаил-хана, а в Государственном архиве Нахичеванской АР – их копии.

Полный генерал кавалерии Исмаил-хан – видный азербайджанский военный деятель, посвятивший военному делу 69 лет жизни, проявивший доблесть во многих кровопролитных сражениях, и в то же время отличавшийся преданностью своему народу. Он вписал свое имя золотыми буквами в военную историю Азербайджана и России.

Исмаил-хан Эхсан-хан оглы Кенгерли родился 5 января 1819 года в Нахичеване [8, 59–62]. Его матерью была Хырда ханум [4]. Начальное образование получил в усадьбе отца, генерал-майора Эксана I Нахичеванского, в совершенстве владел фарси. Для продолжения учебы отец отвез его в Тифлис и отдал в мужскую

гимназию, где Исмаил получил среднее образование. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не содержат данных о временных рамках его учебы в гимназии. Автор проводит поиски в данном направлении в архивах Грузии.

В 1837 году император Николай I совершил поездку на Кавказ. Воспоминания августейшего визитера записал с его слов граф Александр Бенкендорф, ближайший друг и сподвижник императора: «Спустившись в долину, я увидел перед собою выстроенную к бою бесподобную конницу Кенгерли, в однообразном одеянии и на чудесных лошадях; начальник ее Эхсан-хан, подскакав ко мне, отрапортовал по-русски, как бы офицер наших регулярных войск. С этою свитою я подъехал к знаменитому Эчмиадзинскому монастырю, перед которым встретил меня армянский патриарх Иоанес верхом.

...По выходе из монастыря [...] я сделал смотр конницы Кенгерли, которая сопровождала меня отсюда до Эривани...» [12].

Парад конницы Кенгерли, которая снискала репутацию одного из лучших военных формирований в Российской империи, состоялся 5 октября 1837 года. Среди кавалеристов в белых черкесских чухах на отличных скакунах был и 18-летний Исмаил-хан, который в числе других был награжден специальной серебряной медалью [2, с.116]. На военную службу он поступил двумя годами позже, 1 мая 1839 года, в качестве наиба Кавказского конно-мусульманского полка, дислоцированного в Варшаве, и прибыл на место службы 15 октября. За отличие на воинских смотрах и учениях в окрестностях Варшавы он 28 октября 1840 года был произведен в прапорщики. Затем, 27 декабря 1841 г. Исмаил-хан был удостоен звания поручика, а 29 февраля 1844 г. – штабс-капитана [8]. Исмаил-хан служил в части, которая входила в состав армии под командованием генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича, близкого друга его отца Эхсан-хана, питавшего также особую симпатию к коннице Кенгерли. Многоопытный русский военачальник отдавал должное воинским дарованиям Исмаил-хана. Верный дружбе с его отцом, И. Паскевич 2 мая 1844 г. подписал приказ о предоставлении новоиспеченному штабс-капитану Исмаилу Кенгерли 4-месячного отпуска. Из документов явствует, что Исмаил-хан

больше в Варшаву не возвращался: приказом главнокомандующего от 3 марта 1845 года он продолжил военную службу в кавалерийской части в составе Отдельного Кавказского корпуса. 10 августа того же года он был удостоен иранского нагрудного ордена Льва и Солнца со звездами 3-й степени. В феврале 1846 года умер отец Исмаила Кенгерли, военно-походный атаман Закавказских мусульманских войск Эксан I Нахичеванский, и Исмаил стал начальником конницы Кенгерли и был назначен начальником племени кенгерли [9, 48;10]. Приказ об этом датирован 19 сентября 1847 года. Спустя год – 23 августа 1848 года Николай I, принимая во внимание воинские заслуги Эксана I, назначил его сыновьям Исмаилу и Калбалы II, дочери Лалабегум высокую пенсию [11, 171–172]. С успехом продолжая военную службу, Исмаил хан Кенгерли 5 февраля 1853 г. был произведен в капитаны. В том же году конница Кенгерли была расформирована, и Исмаил-хан 8 июля был вновь направлен на прохождение службы в Отдельный кавказский корпус, где 10 ноября был назначен начальником Эриванской бекской дружины. Наряду с этим, приказом от 1 мая 1854 года он был назначен помощником командира 4-го конно-мусульманского полка, входившего в состав Эриванского отряда, и оставался на этой должности до 5 декабря того же года. За отличную службу Исмаил хан Кенгерли был 4 августа 1855 г. произведен в ротмистры и переведен в казачий полк придворной Его Величества гвардии. 13 октября 1856 г. он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с саблями. 3 апреля 1860 года Исмаил-хан был удостоен воинского звания полковника. За 25-летнюю образцовую воинскую службу он был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени с бантами, предназначенного для мусульман. Наряду с этим, 23 января 1868 г. он был награжден иранским орденом Льва и Солнца 2-й степени со звездами. 22 сентября 1872 г. Исмаил-хан был также удостоен ордена Св. Станислава 2-й степени с императорской короной. С 5 мая 1877 г. по 28 января 1878 г. он, как явствует из формулярного списка, являлся командиром Эриванского иррегулярного кавалерийского полка, сформированного приказом за № 123 Кавказского военного округа из «мусульман-охотников» и добровольцев Эриванской

губернии, вместе с которым участвовал в российско-турецкой войне [10]. Исмаил-хан стал одним из героев обороны российскими войсками крепости Баязет 6–28 июня 1877 г. О проявленных им в этих событиях мужестве и доблести много и подробно написано за последние годы [3].

Отметим, что в 1865–1867 гг. Исмаил Кенгерли состоял членом Эриванской бекской комиссии по Нахчыванскому уезду. В трудах живущих в Москве исследователей Э. Исмаилова и Ф. Нагдалиева содержится немало ценных сведений о биографии, особенно воинской карьере незаурядного азербайджанского военного деятеля. Необходимо особо отметить и российского историка Рудольфа Иванова, который подверг критике тех авторов, которые приписывали другим воинские заслуги Исмаил-хана, а также режиссеров фильма об обороне крепости Баязет, взамен создавших известную документальную повесть «Оборона Баязета: правда и ложь», посвященную этим событиям [3]. Отметим, что российский гарнизон крепости, согласно архивным источникам, потерял во время осады 9 офицеров и 473 «нижних чинов». За отличие в обороне крепости Баязет Исмаил-хан 19 декабря 1877 года был произведен в генерал-майоры, а 31 декабря того же года удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени, и имя его было выбито на мраморной доске золотыми буквами в Георгиевском зале Кремля под 33-м порядковым номером [3, 235]. Поскольку власти запретили рассказывать о 23-дневной обороне крепости Баязет, Исмаил-хан в течение 18 лет не давал интервью об этих событиях, отклонив все предложения, в том числе и со стороны литературоведа, генерал-майора К. К. Гейнса. Только в 1895 году он рассказал о давно минувших событиях генералу Максуду Алиханову-Аварскому, зятю своего брата Калбалы II, подробно поведал о происходившем внутри осажденной крепости. Еще при жизни Исмаил-хана Кенгерли находились такие, кто старался приписать его воинские подвиги другим. Вот как рассказал Исмаил-хан в этом интервью об эпизоде с Пацевичем, который хотел выбросить белый флаг: «Ко мне влетел вдруг артиллерийский офицер. Он был взволнован. «Пацевич поднял белый флаг, и огромная масса турок уже хлынула к воротам». После этого я выскочил во двор, где толпи-

лась масса офицеров и солдат и действительно вижу: на громадном шесте, прикрепленном к стене цитадели, высоко развевался белый флаг, а возле стоят Пацевич и несколько офицеров. «Господа, что вы делаете?! – крикнул я. На то ли мы принимали присягу, чтобы малодушной сдачей опозорить себя и русское оружие!? Стыдно! Пока в жилах наших остается хоть капля крови, мы обязаны перед Царем бороться и отстаивать Баязет. Кто вздумает поступить иначе, тот – изменник, и того я прикажу расстрелять немедленно! Долой флаг, стреляй ребята!»

В ответ на это раздалось громкое «ура» всех присутствующих, причем я слышал и несколько восклицаний: «Умрем, но не сдадимся». Через несколько мгновений выстрелы загревели с наших стен и отбросили толпы озадаченных турок, уже подступивших было к воротам цитадели с топорами и камнями. Неприятель ответил также немедленно, и пули зажужжали со всех сторон, как пчелиный рой, причем смертельно был ранен, прежде других, подполковник Пацевич, скончавшийся на другой день. Своя ли пуля его сразила или неприятельская, не берусь решить. Были голоса за то и за другое, но Пацевич был ранен в спину, и, несмотря на все старания врачей, 16 июня умер».

Исмаил-хан был реалистом, и в интервью полковнику Максуду Алиханову разъяснил: «Я, конечно, не отрицал возможности подобного конца, но всегда повторял при этом, что я никогда не соглашусь на сдачу Баязета еще и потому, что я – мусульманин. Я знаю, что именно этому обстоятельству припишут сдачу, если бы на нее побудили даже тысячи других причин» [5].

28 января 1878 г. Исмаил-хан Нахичеванский был освобожден от должности командира Эриванского иррегулярного конного полка и поступил в распоряжение командования Кавказской армии. 21 июля 1883 г. он был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени, а 6 октября 1888 г. – орденом Св. Станислава 1-й степени для мусульман.

Согласно архивным документам, 28 января 1890 г. по приказу императора в Нахичеване были устроены торжества по случаю 50-летия военной карьеры этого неустрашимого воина [3, 226]. Нахичеванская знать поднесла ему в подарок ценный портсигар.

Вечером вблизи дворца Эксан-хана был устроен праздничный салют. 28 октября того же года за высокое воинское искусство и в связи с 50-летием военной карьеры Исмаил-хан был произведен в генерал-лейтенанты кавалерии с назначением пенсии в 234 рубля в год. Кроме того, 1 января 1901 г. он был удостоен ордена Св. Анны 1-й степени для мусульман, а 10 марта 1903 г. – иранского ордена Льва и Солнца со звездами [9]. Как явствует из послужного списка Исмаил-хана Нахичеванского от 9 июля 1908 г., хранящегося в Российском государственном военно-историческом архиве, он прожил жизнь честного воина. 18 августа 1908 г. он был удостоен звания генерала кавалерии и уволен в отставку с правом на хранение и ношение генеральского мундира и назначением пенсии в 1430 рублей. Хотя есть данные о том, что в 1908 году он получал оклад в 2472 руб. Свидетельством воинских заслуг и высокого авторитета Исмаил-хана могут служить 5 медалей Российской империи. Это серебряная медаль «проезд императора через Кавказ в 1837 году», серебряная «памятная медаль царствовании императора Николая I», светло-бронзовая «памятная медаль войны 1853–1856 годов», светло-бронзовая «памятная медаль о войне 1877–1878 годов», серебряная «памятная медаль о царствовании императора Александра III». Наряду с этим, Исмаил-хан дважды – в 1883-м и 1885-м годах приглашался на коронацию, по такому случаю в 1883 году ему был присвоен орден Св. Владимира 3-й степени. В 1888 году Исмаил-хан был среди приглашенных в Тифлис по случаю прибытия императора, и ему был присвоен орден Св. Станислава [8, 229]. Исмаил-хан Нахичеванский принадлежал к числу богатейших представителей российского дворянства своего времени. Ему принадлежали поместья в ряде селений, особняк в центре Нахичевана, окруженный тенистым садом, а также караван-сарай в городе и отдельно четыре садовых участка. Наряду с этим, российскими властями ему, его брату Калбалы и сестре Лалабегум были пожалованы в качестве тиюля ряд селений.

Наряду с военной карьерой, Исмаил-хан немало содействовал строительным делам, просвещению, активно участвовал в благотворительности. Не случайно он удостоился хвалебных гасидов поэта Хаджи Факира Ордубади – между прочим, отца известного

азербайджанского писателя середины прошлого века Мамеда Саида Ордубади [7].

Исмаил-хан умер 10 февраля 1909 года в 7 утра, на 90-м году жизни [3]. Кавказское наместничество России устроило торжественные похороны этого замечательного военачальника и бесстрашного воина, который был погребен в ханской усыпальнице рядом с отцом Эхсан-ханом, братом Калбалы II и сыном Аманом. Следует заметить, что у Исмаил-хана и Ханымджан, дочери видного представителя аристократии племени кенгерли Новруза-ага, родилось 12 детей. Не все они упоминаются в послужных книгах, которые хранятся в российских архивах. Совсем недавно автором в Государственном архиве Нахичеванской АР было обнаружено заявление Исмаил-хана в Закавказское духовное управление, составленное на русском языке и фарси. В этом документе сказано, что у хана было 6 сыновей и 6 дочерей.

Приводим имена сыновей Исмаил-хана: Аман (1845-1891), Бахман (1851-?), Хабибулла (1852-?), Азиз I (1857-?), Азиз II (1860-1883), Рустам (? – ?) не упоминается в документах из российских архивов, документ с упоминанием его имени оказался лишь в Государственном архиве НАР).

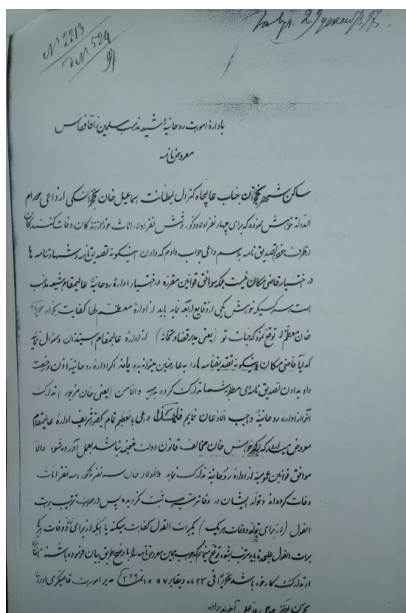
Что касается дочерей Исмаил-хана, то имена их, как он сам отмечал, указаны в документе от 1889 года: Тарлан (1847-?), Хырда (1853-?) в российских документах упоминается как Харды), Салтанат-бегум (1854-?), Ширин (1860-?), Бегум (1863-?), Ситаре (1865-?) [1]. Из них Ширин является матерью Кямильпаши, представителя рода макинских ханов. Есть данные о том, что в их семье должна храниться фотография Исмаил-хана, и автор ведет поиски в этом русле. В связи с этим следует отметить, что фотография, опубликованная в периодической печати и литературе в качестве фотоснимка Исмаил-хана, на самом деле ему не принадлежит – на ней изображен его тезка и шурин. Эта фотография, на оборотной стороне которой имеется надпись, хранится в Государственном архиве НАР.

После кончины Ханымджан Исмаил-хан женился на Шовкет, дочери Аббасгулу-хана Эриванского. Детей от этого брака не уродилось [6, 336]. Жизненный путь и деятельность Исмаил-хана На-

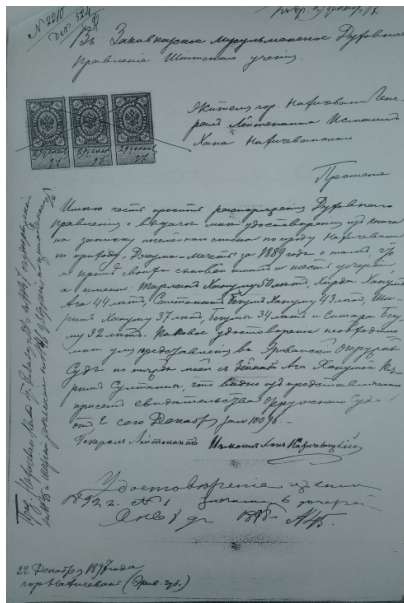
хичеванского все еще ждут своего всестороннего исследования. Однако уже имеющиеся сведения позволяют с полной уверенностью сказать, что этот незаурядный человек занимает почетное место в истории Азербайджана и России, служит предметом гордости, как для современников, так и потомков.

Использованные источники и литература

1. AMEA Naxçıvan Bölməsinin Elmi Arxivi: F.8, siyahı 4.ış №8.
2. *Исмаилов Э. Э.* Георгиевские кавалеры – Азербайджанцы. Москва: 2005. 248 с.
3. *Иванов Р. Н.* Оборона Баязета: правда и ложь. Москва: 2005, 224 с.
4. ГИААР (Государственный Исторический Архив Азербайджанской Республики). Ф.24. Оп. 1, Д. 353, 357.
5. Газета «Кавказ», 1895, №, 94.
6. *Нагдалиев Ф. Ф.* Ханы Нахичеванские в Российской Империи. Москва: 2006, 432 с.
7. Ordubadi Hacı Fəqir. Ağlar əlimdə qələm. Bakı: 1989, 229 s.
8. РГВИА (Российский Государственный Военно Исторический Архив). Ф.409. Оп.1. Д.13360.
9. РГИА (Российский Государственный Исторический Архив). Ф. 1268, оп.1, дело №133.
10. РГВИА. Ф.409. Оп.2. Д. 3793.
11. РГИА. Ф.1268. Оп.1. Д. 7316.
12. Записки А. Х. Бенкендорфа // Исторический вестник. №1–2, 1903 г.

Осаждение Галицкой крепости 28-го июня 1877 года.

Н. О. Малкарова
(г. Владикавказ, Россия)

ИЗ ИСТОРИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ. ДЕЛО № 3201

Враг народа... Эти два слова принесли людям много горя, потерю близких и родных по всей России. Для политики И. В. Сталина оппозиционные радикальные реформы партии и революции создавали серьезные затруднения. На Пленуме ЦК в 1927 году он говорит о том, что оппозиционеров можно убрать только гражданской войной. И ГПУ переводит это на язык репрессий.

В Северной Осетии репрессиям были подвергнуты 14 тысяч человек, приговорены к расстрелу – 1650 человек. Среди осужденных были люди разных профессий, национальностей, от простых тружеников-крестьян до людей с высшим образованием, занимавших высокие посты.

Нам бы хотелось остановить внимание на одном из них.

Это Урусби Иналдыкоевич Жантиев. Родился в 1900 году в селении Брут Северной Осетии в семье тагаурского алдара Иналдыко Жантиева.

Молодой Урусби по окончании школы начинает работать в милиции г. Беслан. Высокого роста, физически выносливый и трудолюбивый, стремящийся познать новую жизнь, – все это не могло не привлечь внимание его старших коллег.

В 1918 году он едет в Москву. Здесь же вступает в ряды ВКП (б). Партийный билет был выдан ему Бауманским райкомом партии г. Москвы. Вернувшись на родину, У. Жантиев работает на разных партийных и советских должностях.

В 1926 году он вновь командирован в столицу на учебу и в 1927 году оканчивает Высшие юридические курсы Московского Университета, которыми в то время руководили профессор Н.В. Крыленко и народный комиссар юстиции Д.И. Курский. Среди преподавателей были такие известные люди, как историк и экономист Сарабьянов В.Н., известный в то время московский юрист Розенблюм Д.С., профессор МГУ Юдовский В.Г. и другие.

Общение с коллегами по курсам, лекции известных деятелей-революционеров, знакомство с большим городом, – все это отразилось на дальнейшей жизни молодого человека.

После учебы на Высших юридических курсах У.И. Жантиева назначают на должность заместителя председателя Областного суда Северо-Осетинской автономной области. А в 1928 году – Врио председателя Областного суда Северной Осетии.

Но, будучи в Москве, он меняет свои политические убеждения и примыкает к оппозиционерам. Из воспоминаний брата жены У. Жантиева: «...по ночам собирались люди, что-то бурно обсуждали, печатали что-то на машинке...». Все это происходило на ул. Шмулевича (Атаманская,4), где жила семья У. Жантиева (жена Жантиева Мария Львовна и двое маленьких детей – сын Руслан 1924 г.р. и дочь Азаухан 1926 г.р.).

В ноябре 1928 года на квартире У. Жантиева производят обыск и предъявляют обвинение: «активное участие в нелегальной анти-советской организационной деятельности, которая была направлена к ослаблению и подрыву Советской власти, изготовление и распространение антисоветской литературы и в пропаганде ее идеи» и 27 декабря этого же года Особым Совещанием при коллегии ОГПУ приговаривают к 3 годам ссылки в Казахстан за участие в контрреволюционной деятельности [1].

Сам же «обвиняемый» категорически отрицал свою причастность к оппозиционной фракционной организации и показал, что

никогда не ставил перед собой цели о свержении и ослаблении советского строя [2].

Следует отметить, что Увжико Иналдыкоевич Жантиев (старший брат Урусби), живущий в с. Брут, боясь репрессий своей семьи и близких родственников, поменял фамилию на «Зантиев».

Урусби Жантиев отбывает срок в г. Акмолинске (г. Нурсултан) на поселении в колонии, куда через несколько месяцев едет его жена с двумя маленькими детьми и устраивается на работу в Акмолинское отделение банка.

В семейном архиве хранится справка Акмолинской Окружной конторы Акционерного Общества «Казгосторг», от 2 августа 1929 г., данная Жантиеву У. И., что он «действительно работает по ремонту складов Казгосторга в качестве каменщика».

Не меняя и в ссылке своих революционных убеждений и не отбыв положенный срок в 1930 году его вновь осуждают на 3 года в политизоляторе [3] за участие в контрреволюционной деятельности.

Там же отбывали наказание и его земляки – трое Хугаевых, М. К. Залоев и К. И. Джикаева (газетный работник, член ВКП (б)) [4].

В 1931 году 22 января в день годовщины смерти Ленина ночью арестовали всю Акмолинскую колонию большевиков-ленинцев, в числе которых был У. Жантиев и его земляки. На следующий день их перебрасывают из Акмолинска в Петропавловскую тюрьму (г. Петропавловск). Следом за мужем в Петропавловск едет жена Жантиева с маленькими детьми.

Арестованных помещают в заразные камеры, в которых через несколько дней все заболели сыпным тифом. Всех переводят в городскую больницу, а затем в тюремную. На седьмой месяц со дня ареста У. Жантиева отправляют в Верхне-Уральский изолятор, а его семья возвращается в Осетию.

По прибытии в изолятор У. Жантиев становится участником всеобщей 18-дневной голодовки, которую объявили как раз в это время заключенные большевики-ленинцы (450 человек), в знак протеста против тюремного режима и произвола администрации.

«В дни революционных праздников в изоляторе бывали сильные столкновения с тюремной администрацией. Заключенных не пускали на прогулку, или избивали за пение Интернационала. Только после голодовки большевиков-ленинцев в Верхне-Уральском изоляторе администрация стала меньше безобразничать. Но в конце 31-го года, в ноябре, ночью был всеобщий обыск. Ворвались в камеры гепеушники и произвели тщательный обыск. Среди ночи произошла отчаянная рукопашная между заключенными большевиками-ленинцами и тюремной администрацией. Многим завязали руки и ноги и унесли на руках из камер. 103 человека получили новый срок. Больше половины заключенных развезли по другим тюрьмам» [5].

В 1933 г. вновь была объявлена всеобщая голодовка всех заключенных коммунистов Верхне-Уральского изолятора против неслыханного беззакония. «Мы начали голодовку 11-го декабря 1933 года. 20-го декабря голодающих перетаскивали на руках из камеры в камеру. Это – с целью обыскать камеры. Нас начали насильственно кормить. Получилось неслыханное зрелище, происходили отчаянные драки между тюремщиками и голодающими. Конечно, последние были бесславно избиты. Нас в изнеможенном состоянии насильственно кормили соответствующими насосами через горло. Издевательство было неопишное: всовывали в горло толстые резиновые трубки, таскали голодающих в «камеру питания» точно дохлых собак. Никто сепаратно не сдался. На 15-ый день голодовки мы постановили прекратить голодовку в 12 часов дня, потому что многие из голодающих коммунистов делали попытки покончить жизнь самоубийством». [6]

В выписке из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 10 января 1934 года читаем постановление: «По отбытии срока наказания Жантиева Урусби Иналдыкоевича выслать через ППОГПУ [7] в Ср. Азию сроком на три года, считая срок с 22.01.1934 г.» [8]. То есть ему опять прибавляют новый срок.

В течение 1936 года всех троцкистов, находившихся в ссылке и политизоляторах, разбросали по разным концентрационным лагерям.

И летом 1936 году У. Жантиеву предъявляют обвинение – антисоветская агитация и пропаганда и контрреволюционная троцкистская деятельность (КРТД), и отправляют на 5 лет в ИТЛ [9] на прииск «Партизан».

Тем, у кого в приговоре значилось «КРТД», приходилось в лагерях гораздо хуже, чем остальным: для них был установлен особенно тяжёлый режим. Об этом пишут многие мемуаристы, прошедшие через сталинские лагеря. Их держали на самых трудных наружных работах в 40-градусный мороз, в праздники их изолировали в карцеры.

Даже Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» отмечает, что литерные статьи, присуждавшиеся Особым совещанием, при упоминании статьи «КРТД» как бы сквозь зубы замечает: «Эта буквочка «Т» очень потом утяжеляла жизнь ээка в лагере». Заключенный Жантиев прибывает в бухту Нагаево [10], откуда его направляют на прииск «Партизан» на рудники на общие работы, то есть в забой. И когда эта новость дошла каким-то образом до семьи Урузби Иналдыкоевича, то всем стало ясно, что муж и отец уже никогда не вернется домой.

В 1936-м и в первой половине 1937 г. на Колыме проходила массовая голодовка более 200 человек, в числе которых был и У. Жантиев. Все они считались троцкистами. В октябре – ноябре 1937-го 57 оппозиционеров после приговора Тройки УНКВД Дальстроя расстреляли. В их числе был и У. Жантиев, которому 15 сентября 1937 г. было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности. Тройкой при УНКВД по Дальстрою он был приговорен к расстрелу [11].

Приговор приведен в исполнение 1 октября 1937 года....

Так закончился жизненный путь одного из тысячи оппозиционеров, взявшего курс на сопротивление сталинизму и борьбу с мощнейшим аппаратом НКВД.

Даты реабилитации:

– 19.03.1958 г. БД «Жертвы политического террора в СССР»; Книга памяти Магаданской обл.

– 08.06.1989 г. Постановление Президиума Верховного суда СО АССР.

– 15.06. 1989 г. Реабилитирующий орган: прокуратура Целиноградской области. Сведения ДКНБ РК по г. Алматы; МВД Республики Казахстан.

– 30.03.1990 г. Реабилитирующий орган: Прокуратура Казахской ССР.

Использованные источники и литература

1. Книга памяти Республики Северная Осетия – Алания.

2. Из Постановления Президиума Верховного Суда СО АССР от 8.06.89 г.

3. Политизолятор – это тюрьма легкого режима для социалистов – меньшевиков, анархистов, эсеров, позже троцкистов. В 1934 году их преобразовали в «крытые» – обычные тюрьмы НКВД.

4. Книга Памяти Республики Северная Осетия-Алания.

5. Книга Памяти Республики Северная Осетия-Алания.

6. *А. Таров* (Арбен Давитян). «Мой побег из сталинской тюрьмы». Запись рабочего большевика. 15 февраля 1936 г.

7. Там же.

8. ППОГПУ – Полномочное Представительство Объединенного Государственного Политического Управления.

9. Копия выписки из личного дела У. Жантиева. ФСБ России. Управление по РСО-Алания. От 06.06.2019 г.

10. Бухта Нагаево – бухта в Тауйской губе Охотского моря (Магаданская область). В период массовых сталинских репрессий бухта Нагаева использовалась как пересыльный пункт для вновь прибывших морем заключенных для отправки их далее по этапу в лагеря Магадана и Колымы

11. Книга памяти Магаданской области. <http://old.memo.ru/memory/magadan/index.htm>

1918 г. У. Жантиев

1923 г. У. Жантиев с супругой

1927 г. У. Жантиев. Москва

1929 г. Дети ссыльных. Акмолинск

1929 г. Акмолинская колония. Слева направо стоят: 2-й – У. Жантиев, 3-й – И. Гогуадзе, 6-й – А. Давитян (псевдоним А. Таров); сидят: 3-я – М. Жантиева; сидят внизу: Руслан и Азаухан Жантиевы

1931 г. М. Жантиева с детьми. г. Петропавловск

И. Т. Марзоев
(г. Владикавказ, Россия)

ЖИЗНЬ И СЛУЖБА АЛЕКСАНДРА КАНУКОВА

В 1846 г. в семье тагаурского алдара подпоручика Паци Али-Мурзаевича Канукова (род. в 1877 г.) и его жены, Гуаши Хамурзаевны Тулатовой родился сын, которого называли Каурбеком. Всего в семье было трое сыновей: Хасако (род. в 1834 г.), Каурбек (род. в 1846 г.), Мусса (род. в 1851 г.) и одна дочь Залихан (род. в 1840 г.).

В «Докладной записке Тагаурского Алдара Подпоручика Паци Канукова от 3 июня 1859 года, сказано: «По приказанию начальника Военно-Осетинского округа Господина полковника и кавалера Кундухова при сем имею честь представить на рассмотрение свою родословную таблицу по нисходящей линии, начиная от общего родоначальника Камбия» [1, 153–154].

10 марта 1860 г. подпоручик Паци Кануков обратился в Комитет, учрежденный для разбирательства личных и поземельных прав при Владикавказском Военно-Осетинском округе с рапортом, в котором представил список лиц фамилии Кануковых, не внесенных в список Комитета: Заубатыра, Темиркана, Темир-Болата с братьями, Долат-Мирзу с братьями [2, 126].

Подпоручик Паци Али-Мурзаевич Кануков значился «Списке штаб, обер-офицеров и юнкеров Военно-Осетинского округа» от 27 сентября 1860 г.» [3, 422]. Участвовал в работе Комитета для разбора личных и поземельных прав туземцев [4, 46].

Согласно «Списку алдар Тагаурского общества, имевших зе-

мельные наделы» от 27 сентября 1860 г., подпоручик Паци Кануков с сыновьями: Хасако, Каурбеком и Муссой и братом Эльбүздуко «живет на плоскости, а в горах земли не имеет» [5, 84–96].

Каурбек (Александр) Пациевич (род. 15 марта 1846 г. – ум. 17 апреля 1888 г.). Подполковник 4-го лейб-драгунского Псковского Ея Величества полка. Помощник командира полка.

Окончил курс в Павловском кадетском корпусе. Согласно полному послужному списку от 30 апреля 1888 г. А. Кануков в службу вступил корнетом с зачислением по кавалерии – 13 июня 1862 г.

По распоряжению бывшего Дежурного Главного Штаба Его Императорского Высочества прикомандирован на основании 3 пункта 911 ст. V тома С. В. П. к 10-му гусарскому Ингерманландскому Великому герцога Саксен-Веймарского полку, куда и отправился – 13 июня 1862 г.

Прибыл – 20 июня 1862 г.

Поручиком – 30 октября прикомандирован к 9-му уланскому Бугскому Его Королевского Высочества принца полку.

Приказом по Харьковскому военному округу от 10 июня 1866 г. за № 107 Августа Виртембергского полку, куда отправился и прибыл – 1 августа 1866 г.

Штабс-ротмистром – 22 декабря 1868 г.

Согласно протокола, состоявшегося 10 августа 1865 г. за № 1120, в заседании комиссии по разбору личных и потомственных прав туземного населения Терской области, признан принадлежащим к роду Тагаурских алдар – 1 августа 1869 г.

По собственному желанию присоединен к православной вере и наречено ему имя Александр. Восприемницей при Св. крещении соизволила быть Ея Императорское Величество Государыня Императрица – 15 апреля 1870 г.

Высочайшим приказом переведен в 9 уланский Бугский Его Королевского Высочества принца Августа Виртембергского полка – 26 июня 1870 г.

Зачислен в оный – 17 июля 1870 г.

Командирован в Учебный кавалерийский эскадрон – 22 августа 1870 г.

Прибыл в переменный состав Учебного кавалерийского эскадрона – 28 августа 1870 г.

По окончании курса образования в Учебном кавалерийском эскадроне согласно § 66 положения об эскадроне, причислен к первому разряду приказом по кавалерии за № 11–16 июля 1872 г.

Отчислен от эскадрона обратно в свой полк – 1 августа 1872 г.

За отличие по службе произведен в ротмистры – 14 августа 1872 г.

Не отправляясь в полк, прикомандирован для назначения на штатную должность к Тверскому кавалерийскому юнкерскому училищу – 1 сентября 1872 г.

В 20-й день октября переведен во 2-й/ныне 4-й/лейб-драгунский Псковский Ея Величества полк, куда и отправлен – 6 ноября 1873 г.

Назначен заведующим полковою учебною командою – 1 января 1874 г.

Сдал команду и назначен командующим 4-м эскадроном – 9 апреля 1874 г.

Утвержден командующим этим эскадроном – 7 ноября 1874 г.

Произведен в майоры – 7 мая 1875 г.

Утвержден командиром 4-м эскадрона – 15 февраля 1877 г.

Назначен председателем полкового суда – 1 марта 1877 г.

Сдал должность – 21 декабря 1877 г.

Назначен председателем полкового суда – 5 октября 1880 г.

Сдал должность – 23 сентября 1881 г.

Переименован в подполковники – 6 мая 1884 г., со старшинством с 7 мая 1875 г.

Сдал должность командира 4-го эскадрона и назначен помощником командира полка – 21 октября 1884 г.

Назначен председателем полкового суда – 8 ноября 1884 г.

Утвержден помощником командира полка – 11 января 1885 г.

Награжден орденом Св. Анны III ст. – 20 марта 1885 г.

Командирован запасным членом в Виленский военно-окружной суд – 15 января 1885 г.

По случаю отъезда командира полка, временно командовал полком с 5 июля 1885 г. по 13 июля 1885 г.

Сдал должность председателя полкового суда – 20 ноября 1885 г.

По случаю отъезда командира полка, временно командовал полком с 23 февраля 1886 г. по 28 февраля 1886 г.

Командирован в Управление Виленского уездного воинского начальника для ознакомления с этой должностью – 1 сентября 1887 г.

По окончании этой командировки прибыл к полку – 10 октября 1887 г.

Командирован запасным членом в Виленский военно-окружной суд – 14 декабря 1887 г.

Окончил эту командировку – 15 апреля 1888 г.

Скончался от прогрессивного паралича и исключен с довольствия – 17 апреля 1888 г.

Наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе, по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке не подвергался.

В походах и делах против неприятеля не был. Особых поручений по Высочайшему повелению и от начальства не имел.

Участвовал в полевой поездке офицеров бригады, в числе штаб-офицеров с 28 июня 1880 г. по 4 июля 1880 г.

Командирован в м. Сола Виленской губ. для участия в комиссии при приеме от ремонтера артиллерийских молодых лошадей – 17 сентября 1885 г.

Окончил эту командировку – 22 октября 1885 г.

Командирован для такой же цели – 29 апреля 1887 г.

Окончил эту командировку – 7 мая 1887 г.

В службе сего штаб-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия за беспорочную службу или отдаляющих срок выслуги к этому знаку.

Осенью 1886 г. при ночной рекогносцировке во время больших маневров под Высоко-Литовском подполковник Кануков упал с лошади и при этом получил ушиб позвоночника. Продолжать службу не мог. Умер 17 апреля 1888 г. в возрасте 42 лет от прогрессивного паралича, оставив жену и семерых детей. Свидетельство № 19: «Сим свидетельствуется, что в хранящейся при Николаевской 4-го

лейб-драгунского Псковского Ея Величества полка церкви метрической книге за 1888 год под №2-м записано: 1888 года месяца апреля 17 дня 4-го лейб-драгунского Псковского Ея Величества полка подполковник Александр Александрович Кануков 42 лет от роду волею Божиею умер от прогрессивного паралича, а 19 числа того же месяца священником Николаем Флоровским на Виленском православном кладбище погребен. Г. Вильно 1888 года апреля 28 дня. Священник Николай Флоровский».

Был женат на дочери коллежского асессора Сумарокова, Марии Алексеевне. 9 апреля 1888 г. М. А. Канукова обратилась к «Всепрестветлейшему Державнейшему Великому Государю Императору Александру Александровичу Самодержцу Всероссийскому, Государю Всемиловитейшему» с просьбой назначить ей с детьми пенсион полного оклада из Государственного Казначейства и из эмеритальной кассы Военно-Сухопутного ведомства.

Семейству подполковника Канукова назначена пенсия казны, вдове 215 и детям столько же, а всем вместе 430 р. в год, со дня смерти Канукова [6].

Зоя Александровна (род. 22 января 1871 г.), была замужем за полковником Главного Артиллерийского Управления N N.

Георгий Александрович (род. 23 апреля 1874 г.), полковник. Уроженец Владикавказского округа Терской области. В службе с 1892 г., офицером – с 1894 г. Есаул 1-го Аргунского полка ЗабКВ. Есаул 1-го Читинского казачьего полка ЗабКВ. По высочайшему повелению приговор временного военного суда в г. Ставрополь – наказание за преступление, совершенное им в бытность на службе в Осетинском конном дивизионе ККД, был заменен оставлением от службы с последствиями этого наказания по закону (ВП от 25 июня 1914 г.). Впоследствии, в Первую мировую войну, «пожалован за отличия в делах против неприятеля Георгиевским оружием «за то, что 16 ноября 1914 г., получив приказание занять деревню «к Фаустынов» спешенными частями трех сотен с 2-мя пулеметами, почти без выстрела стремительно двинулся вперед; несмотря на артиллерийский огонь противника, продолжал движение, занял с боя западную окраину названной деревни и удержал ее за собой до наступления темноты, чем способствовал всему конному отряду сохра-

нить свои места» (ВП от 5 мая 1915 г.). В Гражданскую войну – во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Был женат на Евгении Александровне Н. Сын Иван [7].

*Капитан Лейб-Гвардии
Санкт-Петербургского
короля Прусского Фридриха-
Вильгельма III полка
Н. А. Кануков с супругой
А. И. Белевской*

*Мастерская Бр. Миесковских,
Варшава, 1900-е гг.*

*Личный архив
Ю. Л. Паткевича*

Николай Александрович (род. 6 декабря 1875 г.), полковник С-Петербургского пехотного Гвардейского полка. Из Тагаурских алдар Терской области. Согласно данным послужного списка за 1909 г., Н. А. Кануков общее образование получил в Полоцком кадетском корпусе, военное – в 3-м Александровском военном училище по 1-му разряду.

«В службу вступил из кадет Полоцкого кадетского корпуса в 3-е военное Александровское училище юнкером рядового звания – 1 сентября 1894 г.

Младшим поручиком – 5 сентября 1895 г.

Фельдфебелем – 6 декабря 1895 г.

По окончании курса наук Высочайшим приказом произведен в подпоручики с зачислением по армейской пехоте и с прикомандированием Лейб-Гвардии к С. Петербургскому полку, обязательством, согласно С. В. П. 1869 года кн. XV ст. 345 по второму

продолжению прослужить на действительной службе 3 года – 12 августа 1896 г. Со старшинством с – 12 августа 1895 г.

Прибыл в полк – 6 октября 1896 г.

Высочайшим приказом переведен Лейб-Гвардии в С. Петербургский Короля Фридриха Вильгельма III полк – 11 октября 1897 г. Со старшинством с – 12 августа 1896 г.

Командирован в Николаевскую Академию Генерального Штаба для держания экзамена на поступление в Академию – 1 августа 1900 г. По невыдержанию вступительного экзамена откомандирован от Академии к своей части – 12 сентября 1900 г.

Прибыл в полк – 21 сентября 1900 г.

Поручиком – 6 декабря 1900 г. Со старшинством с – 12 августа 1900 г.

Командирован в гор. С. Петербург для держания вступительного экзамена в Николаевскую Академию Генерального Штаба – 1 августа 1901 г.

Прибыл в полк 7 октября 1901 г.

И.д. заведующего учебной командой – 9 декабря 1901 г.

Утвержден в должности начальника полковой учебной команды – 25 сентября 1902 г.

Награжден Прусским орденом Короны 4-го класса – 23 декабря 1904 г.

Штабс-капитаном – 6 декабря 1904 г. Со старшинством с – 12 августа 1904 г.

Командующим нестроевой ротой – 9 мая 1905 г.

Сдал учебную команду – 15 марта 1905 г.

Утвержден командиром нестроевой роты – 9 мая 1905 г.

Награжден орденом Св. Станислава III ст. – 1 января 1906 г.

Командиром 9 ротой – 26 августа 1907 г.

Капитаном – 14 октября 1908 г. Со старшинством с – 12 августа 1908 г. Утвержден в должности командира 9 роты – 17 октября 1908 г.

В гражданской службе и по выборам дворянства не служил. Всемилоостивейших рескриптов и Высочайших благоволений не получал.

Находился в составе войск, собранных в г. Москве по случаю

Св. Коронавания ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ – с 6 по 26 мая 1896 г.

С Высочайшего соизволения и по приглашению Его Величества Императора Германского, командирован в г. Познань для присутствия на параде 5-го Немецкого корпуса с 20 по 22 августа 1902 г.

В службе сего обер-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к оному». Варшава, 15 января 1909 г.

Командир полка, генерал-майор барон фон дер Бринкен/*подпись*/

Полковой адъютант, штабс-капитан/*подпись*/[8,1–4 об.].

*Штабс-капитан Лейб-Гвардии
Санкт-Петербургского полка
Н. А. Кануков с супругой
А. И. Белевской и сыном
Александром*

Варшава, 1908 г.

*Личный архив
Ю. Л. Паткевича*

Был награжден серебряной медалью в память Св. Коронавания ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ в 1896 году.

Участник Первой мировой войны 1914–1918 гг., на фронте – с августа 1914 г. Полковник Генштаба (пр. 6 декабря 1914 г.; ст. 6 декабря 1914 г.; на вакансию). На 1 августа 1916 г. в списках не значится.

Награжден орденами: Св. Анны III ст. (1909 г.), Св. Станислава II ст. (1912 г.), Св. Анны II ст. (ВП 01.1915 г.), Св. Анны IV ст. (ВП 23 апреля 1915 г.), мечами и бантом к ордену Св. Анны III ст. (ВП 23 апреля 1915 г.), Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (13 октября 1915 г.).

В РККА, участник Гражданской войны, начдив 14-й стрелковой дивизии (1 июля – 11 сентября 1918 г.). 2 августа 1919 г. полковник Н.А. Кануков арестован под Лугой, отправлен в Петроград и заключен в тюрьму. В октябре вывезен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму.

Николай Кануков является автором-составителем книги «Доблестная служба лейб-гвардии С.-Петербургского короля Фридриха-Вильгельма III полка в смутные 1904–1907 гг.: [Для нижних чинов]». Варшава: тип. «Рус. о-ва», 1910. – 42 с.: ил.; 22.

Первым браком был женат на дочери коллежского регистратора девице Анне Ипполитовне Белевской, от этого брака сын Александр (род. 26 августа 1904 г.). Вторым браком женат на Елизавете Леонгардовне Трабе (род. в 1885 г. – ум. в 1947 г.), от этого брака дочь Нина (род. 21 августа 1918 г.).

*Полковник Лейб-Гвардии
Санкт-Петербургского
короля Прусского Фридриха
Вильгельма III полка
Н. А. Кануков*

*Мастерская Ф. де Мезера,
Киев, 1910-е гг.*

*Личный архив
Ю.Л. Паткевича*

Лидия Александровна (род. 10 июня 1877 г.), была замужем за ротмистром 5-го запасного кавалерийского полка Александром Ивановичем Краснопольским (род. в 1869 г.). Жила в С.-Петербурге.

Александр Александрович (род. 19 ноября 1879 г.).

Наталья Александровна (род. 20 марта 1881 г.), в 1902 г. вышла замуж за статского советника Владимира Николаевича Свентицкого (род. 20 июля 1875 г.), из потомственных дворян Калужской губернии. Дети: Владимир (род. 19 июня 1906 г.), Ирина (род. 10 мая 1905 г.), Игорь.

После революции Н. А. Канукова вместе с родственником Краснопольским уехала за границу. Умерла в 1970-е гг. в возрасте 92 лет в Калифорнии (США).

Евгения Александровна (род. 17 февраля 1884 г.). В феврале 1905 г. вдова подполковника Мария Канукова подала прошение с просьбой «о продлении выплаты пенсии дочери ее Евгении до окончания ею образования». 16 мая 1909 г. Е. А. Канукова подала прошение с просьбой из-за состояния ее здоровья продолжения выплаты пенсии за отца. «Жительство имею: г. Ставрополь (губерн.), Гимназическая ул., д.30, кв. Канукова» [9, 551–555].

Иван Георгиевич.

Александр Николаевич (род. 26 августа 1904 г.).

Нина Николаевна (род. 21 августа 1918 г. – ум. 15 мая 2010 г.), родилась в Киеве, окончила немецкую школу. В 1940 г. окончила факультет романо-германских языков Киевского государственного университета (КГУ) им. Т.Г. Шевченко. Была замужем за доктором Леонидом Паткевичем. Дети: Николай (род. 22 октября 1941 г. – ум. 3 мая 2009 г.), Юрий. В 1943 г. при отступлении немцев из Киева, была отправлена с матерью и сыном в Германию. Попала в Саксонию, где работала на заводе до прихода Красной армии. По освобождении ее взяли в комендатуру переводчиком, где она проработала до 1946 г. В 1946 г. всех репатриантов собрали и отправили на постоянное место жительства в Таджикистан. В 1953 г. переехала в Карелию, где устроилась на работу в среднюю школу и проработала в ней с 1954 г. по 1982 г. Ум. Н. Н. Канукова в 2010 г. Похоронена в п. Чульман в Южной Якутии [10].

Так, благодаря неравнодушным потомкам, и лично Юрия Леонидовичу Паткевичу, информация о славных потомках Каурбека Канукова дошла до Осетии

Использованные источники и литература

1. 167. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.9.
2. 168. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.2.
3. 165. НА СОИГСИ. Ф.16. Оп.1. Д.37.
4. 166. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.4.
5. 169. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.30.
6. Стецкевич-Чебоганов А.В. Я – сын Ваш: Казановичи герба «Гржимала». Минск: Белорусская Православная Церковь, 2012. – 592 с.: ил. – (Летопись белорусской шляхты).
7. Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. М., 2002.
8. РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.28056.
9. Стецкевич-Чебоганов А.В. Я – сын Ваш: Казановичи герба «Гржимала». Минск: Белорусская Православная Церковь, 2012. – 592 с.: ил. – (Летопись белорусской шляхты).
10. Информатор: Паткевич Ю.Л.

БИБЛИОГРАФИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Р. М. Абрамян
(г. Москва, Россия)

ИЗДАНИЯ ПО ГЕНЕАЛОГИИ ЕВРЕЕВ КАВКАЗА (НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

1. АВШАЛУМОВ Х. Очерк истории рода Ханукаевых. – Махачкала, 1999. – 80 с. – 500 экз.
2. АГАРУНОВ М. Я. Лондон – Международная конференция European Council of Jewish Communities // Миньян. – М., 2003. – № 1. – С. 26–27. [док. по генеалогии горских евреев]
3. АГАРУНОВ М. Я. Удивительные параллели. Штрихи к родословной семьи Анисимовых // Миньян. – М., 2003. – № 7. – С. 23–27.
4. ГЕНЕАЛОГИЯ горских евреев // В кн.: Данилова С. А. Исход горских евреев: разрушение гармонии миров. – Нальчик, 2000. – С. 175–192. [Алхасовы, Ашуровы, Гилядовы, Даниловы, Дигиловы, Ифраимовы, Мотаевы, Разиевы, Рафаиловы, Симаховы, Шабаетовы, Ягудеевы]
5. ГЕНЕАЛОГИЯ горско-еврейской фамилии Дадашевых: Текст, именник и алфавитный указатель И. Г. Семенова; Генеалогическая карта С. П. Ханукаева и И. Г. Семенова/Сост. С. П. Ханукаев; Отв. ред. Ю. И. Мурзаханов. – Махачкала, 2013. – 56 с.
6. ГИЛЬБОА И. Д. Сказание о семье Баазовых // Баазова П.,

Рубинштейн Н. Памяти Фаины Баазовой (1912–1980). Сборник. – Тель-Авив, 1983. – С. 82–90.

7. ГОЛЬДШТЕЙН П. Раввин Давид Баазов и его сыновья // Баазова П., Рубинштейн Н. Памяти Фаины Баазовой (1912–1980). Сборник. – Тель-Авив, 1983. – С. 107–118.

8. ДАНИЛОВА С. А. Горские евреи: поиск фамильного смысла // Эльбрус. – Нальчик, 2000. – № 1 (12). – С. 142.

9. ЕВРЕЙСКАЯ община Армении. – Ереван, 2012. – 191 с. – 400 экз.

10. ЕЛИЗАРОВ М. Ш. Община горских евреев Чечни. – Нетания, 2012. – 232 с. [Богатыревы, Рафаиловы, Шауловы, Ташаевы, Нисимовы, Исаковы, Елизаровы, Худайнатовы]

11. ИОФИН М. Из большого рода Шабаетовых // В кн.: Данилова С. А. Горские евреи в Кабардино-Балкарии. Статьи, очерки. – Нальчик, 1997. – С. 61–65.

12. МЕТРЕВЕЛИ О. Из династии фармацевтов // Шолом, Владикавказ. – Владикавказ, 2000. – С. 206–207. [Рискины]

13. МИХАЙЛОВА С. История горских евреев на примере рода Семеновых // Научные труды по иудаике. Матер. XX Международной ежегодной конф. по иудаике. – Т. III. – М., 2013. – С. 162–176.

14. МИШИЕВ Я. И. Наши корни. – Ростов-на-Дону, 2008. – 101 с. – 1000 экз. [Мишиевы, Бенъяминовы]

15. ОКУНЕВА Г. Семья Каплановых // В кн.: Рашид Мурадович Капланов. Труды. Интервью. Воспоминания. – М., 2011. – С. 223–239.

16. САНАТИНА А. М., ТИМОШКИНА Н. Ю. Происхождение фамилии Елизаров // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. – Чебоксары, 2016. – № 2–1 (8). – С. 46–47.

17. СЕМЕНОВ И. Ханукаевы. – Махачкала, 1999. – 40 с. – 500 экз.

18. СЕМЕНОВ И. Г. К генеалогии горско-еврейского рода Дадашевых // Генеалогия Северного Кавказа. – Нальчик, 2007. – № 17. – С. 41–48.

19. СЕНЬ Д. В. Генеалогические связи горских евреев Джего-

насского еврейского поселка: Проблемы и перспективы изучения // Рег. н. конф. «История, историография и этнография горских евреев». Дербент, 29–30 марта 2009 года. Тез. док. – Дербент, 2009. – С. 63–68.

20. ТУГАНОВ Р. У. Из истории нашего родословия. К «Посемейному списку горских евреев слободы Нальчик за 1865 г.» «Кубанские войсковые ведомости», 1867, 9 декабря, №48 // Живая старина. – Нальчик, 1993. – Вып. 3. – С. 52–67.

то же: // В кн.: История горских евреев Северного Кавказа в документах (1829–1917). Сборник архивных материалов. – Нальчик, 1999. – С. 63–74.

21. ХАНУКАЕВ С. П., СЕМЕНОВ И. Г. О подготовке генеалогической карты горско-еврейской фамилии Дадашевых (Дербент) // Рег. н. конф. «История, историография и этнография горских евреев». Дербент, 29–30 марта 2009 года. Тез. док. – Дербент, 2009. – С. 74–75.

22. ШПАНИН М. Перечитывая страницы нашей истории. – Нетания, 2012. [Анисимовы]

Н. Г. Джавахишвили
(г. Тбилиси, Грузия)

В ПАМЯТЬ ЮРИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА ЧИКОВАНИ

5 января 2019 года исполнилось бы 82 года выдающемуся исследователю-генеалогу, председателю «Грузинского генеалогического общества», действительному члену Международной генеалогической академии (Франция), академику Юрию (Георгию) Константиновичу Чиковани (1937-2018). С сожалением, он скончался за пару месяцев до наступления этой даты – 12 ноября 2018 года.

* * *

Юрий Чиковани родился 5 января 1937 года в Ленинграде, в семье выдающегося грузинского ученого, доктора медицинских наук, профессора, основоположника школы нейрохирургии в Грузии, члена-корреспондента Академии наук Грузии Константина (Бондо) Платоновича Чиковани (1908-1960). В 1939 году семья переселилась в Тбилиси.

Господин Юрий прошел содержательный жизненный путь. Диапазон его деятельности был довольно многосторонним.

После окончания Тбилисского педагогического института иностранных языков имени Ильи Чавчавадзе по специальности: английский и немецкий языки (1962 г.) он в течение длительного времени работал в этом же институте старшим преподавателем на кафедре английского языка.

Наряду с педагогической деятельностью, Юрий Чиковани был известным шахматистом, теоретиком шахматной игры, мастером спорта по шахматам Грузии и СССР, четырехкратным чемпионом Тбилиси (1963, 1966, 1977, 1985 гг.) и чемпионом Грузии 1976 года среди мужчин, победителем мемориала Вахтанга Карселадзе (1974 г.), мастером ФИДЕ (с 1994 года), международным арбитром по шахматам (с 2002 года). Входя в состав мужской сборной Грузии по шахматам он на протяжении многих лет защищал спортивную честь Грузии на разных командных чемпионатах. Начиная с 1966 года, в течение почти 30 лет, он вел активную деятельность педагога по шахматам. Был заслуженным тренером Грузии (с 1979 года), среди его воспитанников общеизвестные грузинские шахматисты – пятикратная чемпионка мира Майя Чибурданидзе, чемпион Европы Зураб Азмаипарашвили, претендент на звание чемпиона мира, чемпион всемирных шахматных олимпиад Нино Гуриели и еще много международных мастеров спорта и гроссмейстеров. Он получил много наград и благодарностей как от Федерации шахмат, так и от Спорткомитета.

Параллельно с педагогической деятельностью в двух различных сферах, господин Юрий еще с молодого возраста, в частности, с 1984 года, увлеченно начал заниматься генеалогическими исследованиями и изысканиями. Несмотря на то, что генеалогические исследования в Грузии проводились и до этого времени, он фактически заложил основу полноценному, системному изучению грузинских древних родов.

По инициативе И. Чиковани, в 1995 году было учреждено «Грузинское генеалогическое общество», председателем которого (до своей кончины) был он лично. В тоже время, он являлся руководителем Центра генеалогических исследований при Национальной библиотеке Парламента Грузии имени Ильи Чавчавадзе (1999-2003), был приглашенным специалистом Отдела по связям

с общественностью и культурным программ этой же библиотеки (2008-2009) и внештатным специалистом Исторического центрального архива Национального архива Грузии (2010–2016). Он также являлся вице-предводителем и главным генеалогом «Дворянского Собрания».

Сферой его исследований, в основном, было научное изучение дворянского происхождения грузинских древних родов. В результате основательного исследования первоисточников по указанной тематике (рукописи и архивные материалы, хранящиеся в древлехранилищах Грузии и России), он на грузинском и русском языках опубликовал большое количество историко-генеалогических работ, статей и 11 книг (перечислены в хронологическом порядке): «Князья Чавчавадзе» (2002), «Род Чхеидзе» (2004); «Род Микеладзе и Мхеидзе» (2005); «Князья Макашвили и князья Чичуа» (2006); «Род абхазских князей Шервашидзе» (2007); «Род князей Мачабели» (2009); «Георгий XII и его потомки» (2015), «Документы доказывают» (2017), «И вновь документы доказывают» (2018).

Научными редакторами большинства из вышеперечисленных книг были профессор Георгий Зурабович Анчабадзе и автор этих

строк, которого с господином Юрием связывала многолетняя дружба.

В 1993–1998 годах в Москве на русском языке были изданы четыре тома из его многотомника под общим названием «Дворянские роды Российской империи (1721–1917)», общую научную редакцию которого и частичное соавторство взял на себя председатель Историко-генеалогического общества в Москве – Станислав Думин. В третьем томе этого многотомника грузинский исследователь-генеалог с международным признанием, в результате длительного и напряженного труда, составил и подготовил к изданию генеалогический перечень более чем ста грузинских исторических родов, с надлежащими комментариями.

Научный вклад И. Чиковани не остался незамеченным. В 2004 году он первым от Грузии (и пока единственным) стал действительным членом (академиком) Международной генеалогической академии (Париж).

Господин Юрий был благородной личностью, верным другом, истинным патриотом, что, наряду в патриотическом порыве созданным многообразным генеалогическим наследием, он проявлял и в каждодневной жизни...

Ученый, перешедший в мир иной с чувством выполненного долга, оставил после себя необыкновенную сопрестольницу – госпожу Ирину Квирквелия-Чиковани, которая в течение трети века совместной жизни проявляла беззаветное участие и максимально содействовала ему в научной деятельности.

У господина Юрия остались дети – Марина, Георгий и Русудан Чиковани, а также внуки, которым мы желаем, чтобы они были достойными потомками своего именитого отца и деда...

Николай Георгиевич Джавахишвили,

доктор исторических наук,

профессор Тбилисского государственного университета

имени Иванэ Джавахишвили,

главный научный сотрудник Института истории и этнологии

имени Иванэ Джавахишвили,

Почетный доктор Латвийской Академии наук

19 декабря 2018 года, Тбилиси, Грузия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абаева Мадина Шамилевна – аспирант Северо-Кавказского института Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (г. Пятигорск, Россия)

Абрамян Рафаэл Михайлович – кандидат педагогических наук, председатель Армянского историко-родословного общества (г. Москва, Россия).

Алиев Камиль Магомед-Салихович – кандидат философских наук, председатель Кумыкского научно-культурного общества, главный редактор республиканской общественно-политической газеты «Ёлдаш» (г. Махачкала, Россия)

Бердиев Заурбек Пахатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии народов Карачаево-Черкесии РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена «Знак почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской республики».

Гарсаев Лейчий Магамедович – доктор исторических наук, профессор Чеченского государственного университета, зав. отделом этнологии Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики (г. Грозный, Россия).

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович – доктор филологических наук, профессор, доцент кафедры русского языка Дагестанского государственного университета (г. Махачкала, Россия).

Джавахишвили Николай Георгиевич – доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили, главный научный сотрудник Института истории и этнологии имени Иванэ Джавахишвили, Почетный доктор Латвийской Академии наук (г. Тбилиси, Грузия).

Дзагалов Анатолий Сосланбекович – кандидат исторических наук, специалист по работе с молодежью ГБУ ГЦСП Контакт» (г. Санкт-Петербург, Россия)

Духаев Адам Идрисович – историк, писатель, публицист, фольклорист (г. Грозный, Россия)

Звонок Станислав Олегович – кандидат исторических наук, доцент, член Союза казачьей интеллигенции г. Ставрополя, журналист, общественный деятель (г. Ставрополь, Россия).

Идрисов Юсуп Магомедович – кандидат исторических наук, Исторический парк «Россия – моя история – исторический парк»;

Ханмурзаев Исмаил Ибрагимович – младший научный сотрудник отдела востоковедения Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (г. Махачкала, Россия)

Исаев Султан Хусенович – старший научный сотрудник Академии наук Чеченской Республики (г. Грозный, Россия)

Касими Сехрана Алескеровна – кандидат наук по искусствоведению, доцент, ведущий научный сотрудник Института архитектуры и искусства Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан)

Киреев Феликс Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания (г. Владикавказ, Россия)

Колесов Владимир Игоревич – независимый исследователь (г. Краснодар, Россия)

Кулиев Муса Рагимоглу – доктор философии по истории, действительный член Азербайджанского историко-родословного общества, ведущий научный сотрудник Института истории, этнографии и археологии Нахичеванского отделения Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Нахичевань, Азербайджан)

Кульдагова Элина – студентка Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия)

Малкарова Натэлла Отаровна – зав. научной/спецбиблиотекой ГБУК Художественный музей имени Махарбека Туганова (г. Владикавказ, Россия)

Марзоев Ислам-Бек Темурканович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СОИГСИ им. В.И. Абаева, председатель Северо-Осетинского историко-родословного общества (г. Владикавказ, Россия)

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия)

Парастаева Эльда Сермановна – научный сотрудник Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З. Ванеева (г. Цхинвал, Республика Южная Осетия)

Полчаева Фатимат Абдулнетифовна – младший научный сотрудник Института Истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук (г. Махачкала, Россия)

Сокаева Диана Вайнеровна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы СОИГСИ им. В. И. Абаева (г. Владикавказ, Россия)

Тезиева Мадина Хазбиевна – член Союза кинематографистов РФ, член Союза журналистов РФ, член гильдии кинорежиссеров РФ, член Ассоциации документального кино СК РФ (г. Владикавказ, Россия)

Хапизов Шахбан Магомедович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук (г. Махачкала, Россия)

Цагараев Марат Асланбекович – кандидат политических наук. Национальное историко-этнографическое общество Алании «Уасамонга» (г. Владикавказ, Россия)

Научное издание

ГЕНЕАЛОГИЯ НАРОДОВ КAVKAZA. ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XI

Сборник статей

Книга издана в редакции авторов статей

Технический редактор – *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка – *С.А. Булацева*
Дизайн обложки – *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 13.12.2019.
Формат бумаги 60×84 $\frac{1}{16}$. Бум. офс. Печать цифровая.
Гарнитура «Times». Усл. п.л. 15,2.
Тираж 100 экз. Заказ №100.

Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им.В.И.Абаева – Филиал ФГБУН ФНЦ
«Владикавказский научный центр российской академии наук»
362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362000, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3